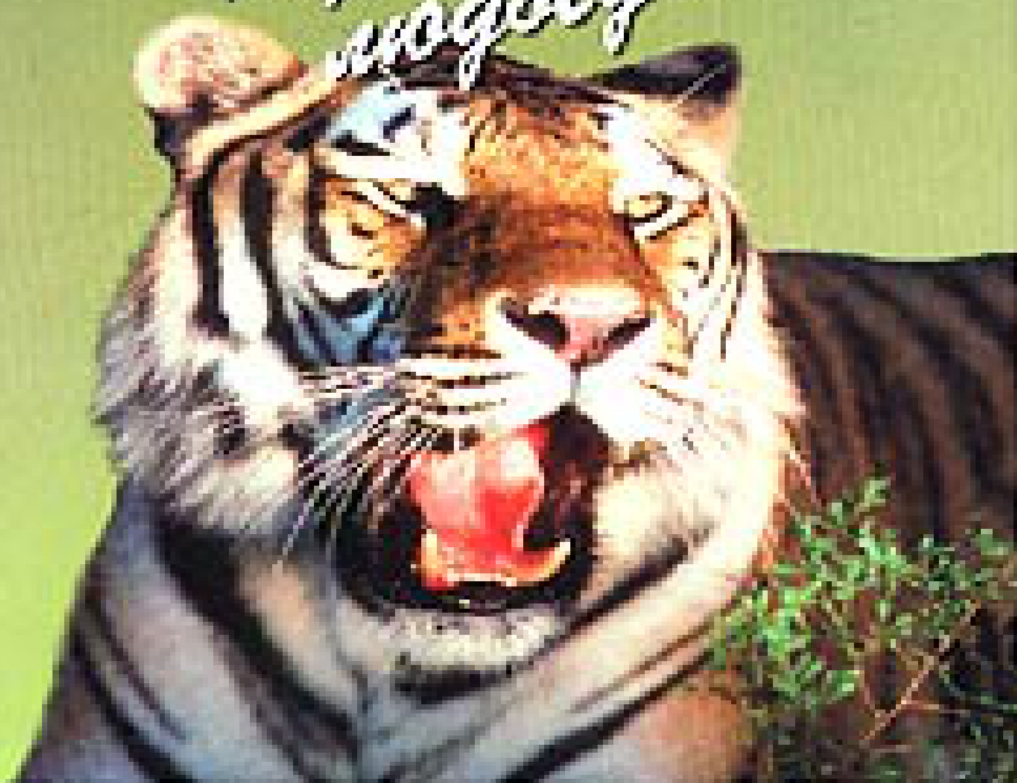

ЗЕЛЕНАЯ
СЕРИЯ
2002

ДЖИМ

КОРБЕТТ

*Кингстонские
модерны*

Annotation

Аннотация от Gautier Sans Avoir (выполнил доработку эл. книги и корректуру с бум. изданиями):

Первая книга английского автора Джима Корбетта (1875–1955) посвящена его деятельности по ликвидации в предгорьях Гималаев (Кумаон, Индия) тигров-людоедов и, попутно, нападавших на скот леопардов. Впечатляет число жертв каждого тигра-людоеда; достаточно сказать, что первый зверь, уничтоженный Дж. Корбеттом, успел растерзать до этого 434 человека. Охота на людоедов и встречи с их жертвами (мертвыми и тяжело ранеными) описывается автором в хроникальном стиле, практически без эмоций.

- **Джим Корбетт**
 - ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА
 - ЧАМПАВАТСКИЙ ЛЮДОЕД
 - РОБИН
 - ЧОУГАРСКИЕ ТИГРЫ
 - «ПОВАЛЬГАРСКИЙ ХОЛОСТЯК»
 - МОХАНСКИЙ ЛЮДОЕД
 - ЗАМАНЧИВЫЙ МАХСИР
 - ЛЮДОЕД ИЗ КАНДА
 - ТИГР С ПИПАЛ-ПАНИ
 - ТАКСКИЙ ЛЮДОЕД
 - ПРОСТО ТИГРЫ
 - КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О ЖИВОТНЫХ, УПОМИНАЕМЫХ В КНИГЕ
 - ПЕРЕВОД АНГЛИЙСКИХ МЕР И КАЛИБРОВ РУЖЕЙ В МЕТРИЧЕСКУЮ СИСТЕМУ МЕР
 - Примечания от выполнившего доработку
 - От переводчика (1957 г.)
- **notes**
 - 1
 - 2
 - 3
 - 4
 - 5
 - 6
 - 7
 - 8
 - 9
 - 10

- ☐ 11
- ☐ 12
- ☐ 13
- ☐ 14
- ☐ 15
- ☐ 16
- ☐ 17
- ☐ 18
- ☐ 19
- ☐ 20
- ☐ 21
- ☐ 22
- ☐ 23
- ☐ 24
- ☐ 25
- ☐ 26
- ☐ 27
- ☐ 28
- ☐ 29
- ☐ 30
- ☐ 31
- ☐ 32

Джим Корбетт

КУМАОНСКИЕ ЛЮДОЕДЫ

ВМЕСТО ЭПИГРАФА

«...вскоре после восхода луны тигрица стала реветь близ Чука и, проревев там часа два, пошла в направлении лагерей рабочих у Кумайя-Чак. Рабочие, услышав приближение тигрицы, стали кричать, чтобы ее отпугнуть. Но ожидаемого результата не последовало: тигрица только разъярилась и не ушла до тех пор, пока люди не замолчали».

Дж. Корбетт. «Кумаонские людоеды»

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Поскольку содержащиеся в этой книге рассказы посвящены тиграм-людоедам, следует объяснить, почему эти животные становятся людоедами.

Тигр-людоед — это такой тигр, который вынужден под давлением не зависящих от него обстоятельств перейти на непривычную пищу. Причиной такого перехода в девяти случаях из десяти являются раны, а в одном случае — старость. Рана, вынудившая тигра стать людоедом, может быть результатом неудачного выстрела охотника, не ставшего затем преследовать раненого животного, или же результатом столкновения с дикобразом. Люди не представляют для тигра естественной добычи, и только когда вследствие ран или старости звери становятся неспособными продолжать свой обычный образ жизни, они начинают питаться человеческим мясом.

Когда тигр убивает свою добычу, предварительно подкравшись к ней или из засады, успех нападения зависит прежде всего от быстроты, а также от состояния его зубов и когтей. Если тигр страдает от одной или нескольких мучительных ран, если у него повреждены зубы или стерты когти, вследствие чего он уже не может охотиться на животных, которыми всегда питался, ему приходится убивать людей. Я думаю, что превращение тигра в людоеда обычно происходит случайно.

Чтобы пояснить, что я подразумеваю под «случайностью», приведу пример. Сравнительно молодая муктесарская тигрица-людоедка при встрече с дикобразом потеряла глаз, в предплечье и подмышкой ее правой передней лапы впились около 50 игл длиной от одного до девяти дюймов.

Некоторые из этих игл, натолкнувшись на кость, загнулись назад в форме U, причем острие иглы и ее сломанный конец

сошлись совсем близко. Там, где тигрица пыталась извлечь иглы зубами, образовались гноящиеся раны. В то время как она лежала в густой траве, зализывая раны и страдая от голода, какая-то женщина решила скосить как раз эту траву на корм для своей коровы. Сперва тигрица не обращала на нее внимания, но когда женщина оказалась совсем близко от нее, зверь прыгнул и ударил — удар пришелся по черепу женщины. Смерть наступила мгновенно; когда труп женщины был найден на следующий день, в одной руке убитой был зажат серп, а в другой — охапка травы, которую она срезала в момент нападения тигрицы. Не тронув трупа, тигрица проковыляла свыше мили и спряталась в небольшой яме под упавшим деревом. Через два дня один мужчина пришел туда, чтобы наколоть дров, тигрица убила и его. Он упал поперек ствола, и так как тигрица разодрала когтями его спину, то запах крови, по-видимому впервые, внушил ей мысль, что она может утолить свой голод человеческим мясом. Как бы то ни было, но, прежде чем уйти, она съела небольшой кусок мяса со спины убитого. Днем позже она уже «намеренно» и без всякого повода убила свою третью жертву. С этого времени она стала настоящей людоедкой и, прежде чем ее уничтожили, успела убить 24 человека.

Тигр с добычей, раненый тигр или тигрица с маленькими детенышами могут случайно убить человека, который побеспокоит их. Но при всем желании нельзя считать этих тигров людоедами, хотя их часто так называют. Что касается меня лично, то я считаю необходимым всегда тщательно проверить все обстоятельства, прежде чем объявить того или иного тигра (леопарда) людоедом. Осмотр трупов людей, которых считают убитыми тиграми или леопардами, или — на наших равнинах — волками и гиенами, очень важен.

Я не буду приводить примеры, но мне известны случаи, когда убийство совсем ошибочно приписывалось хищным зверям.

Распространено ошибочное мнение, что все тигры-людоеды старые и чесоточные, так как избыток соли в человеческом мясе якобы вызывает чесотку. Я некомпетентен в вопросе о количестве соли в мясе человека и животных, но утверждаю, что питание человеческим мясом не только не портит шерсти зверей-людоедов, но, наоборот, дает противоположный результат. Все людоеды, которых я видел, обладали превосходным мехом.

Многие считают также, что детеныши зверей-людоедов сами автоматически становятся людоедами. Это предположение на первый взгляд звучит вполне резонно, однако оно не подтверждается фактами. В то же время обстоятельство, что люди не служат естественной добычей для тигров или леопардов,

заставляет предполагать обратное.

Детеныш ест то, что ему приносит мать, и я даже знаю случаи, когда тигрята помогали матери в ее нападении на людей. Однако я не знаю ни одного случая, когда тигр, после того как его родители-людоеды были убиты или он стал взрослым и вышел из-под их опеки, сам стал людоедом.

Часто возникает вопрос, чьей жертвой был убитый человек: тигра или леопарда. Общее правило, исключения из которого мне не известны, гласит, что все дневные убийства совершает тигр, а все ночные — леопард. Оба эти обитателя лесов имеют много одинаковых повадок, убивают свои жертвы сходным образом и способны перетаскивать убитых ими людей на большие расстояния. Поэтому было бы естественным предположить, что они охотятся в одни и те же часы. На самом деле это не так, ибо тигр смелее леопарда. Став людоедом, тигр теряет всякий страх перед человеком, а так как люди гораздо больше передвигаются днем, нежели ночью, тигр-людоед убивает свою добычу при дневном свете, не прибегая к нападению на человека ночью в его жилище.

Леопард, даже убивший десятки людей, никогда не перестает бояться человека. Избегая встреч с людьми днем, он убивает их ночью, застигая в пути или даже проникая в дома. Благодаря этим особенностям тигра-людоеда легче застрелить, нежели людоеда-леопарда. Количество убийств, совершенных тигром-людоедом, зависит, во-первых, от наличия естественной для него добычи в том районе, где он обитает, во-вторых, от характера увечий, превративших тигра в людоеда, и, в-третьих, от того, имеем ли мы дело с самцом или с самкой с детенышами.

Когда не имеется возможности составить свое собственное суждение по какому-либо вопросу, мы склонны полагаться на чужое мнение. Особенно это бросается в глаза, когда речь заходит о тиграх, и не только о тиграх-людоедах, но о тиграх вообще. Писатель, впервые употребивший выражения «жестокий, как тигр» или «кроважрый, как тигр» с целью подчеркнуть отвратительные свойства описанного им в пьесе злодея, не только обнаружил достойное сожаления невежество в вопросе о звере, которого он так заклеил, но и создал неверный образ, получивший самое широкое распространение. Именно эти выражения способствовали созданию неправильного мнения о тиграх у большинства людей, за исключением немногих, которым удалось составить свое, самостоятельное суждение, основанное на реальных фактах.

Когда я читаю слова «жестокий, как тигр» или «кроважрый, как тигр», я вспоминаю о маленьком мальчике, вооруженном

старым шомпольным ружьем, правый ствол которого имел трещину длиной в 6 дюймов, а приклад и стволы, чтобы они не развалились, были скреплены медной проволокой. И этот мальчик бродил по джунглям в те дни, когда там было в десять раз больше тигров, чем теперь. Мальчик засыпал там, где заставляла его ночь, разведя лишь небольшой костер, согревавший и развлекавший его в одиночестве. Время от времени он просыпался от рева тигров, то далекого, то совсем близкого. Проснувшись, мальчик подбрасывал ветку в костер, поворачивался на другой бок и снова спокойно засыпал. Ведь из собственного небольшого опыта и из рассказов других людей, подобно ему, побывавших в джунглях, мальчик знал, что если тигра не тревожить, он сам не причинит вреда. Увидев тигра днем, мальчик уходил с его пути, а если это было невозможно, стоял совершенно неподвижно, пока тигр не пройдет мимо. Я вспоминаю, как этот мальчик как-то скрадывал^[1] полдюжины диких кур и взобрался на куст терновника, чтобы осмотреть окрестности. Внезапно куст закачался, и с противоположной стороны его появился тигр. Он повернулся и посмотрел на мальчика, как бы говоря: «Эй, парень, какого черта ты здесь делаешь?» Не получив ответа, тигр обошел куст и удалился очень медленным шагом, ни разу не оглянувшись при этом.

И еще я думаю о десятках тысяч мужчин, женщин и детей, которые, работая в лесу, кося траву или собирая хворост, проводят день за днем рядом с тиграми. Возвратившись невредимыми домой, эти люди и не подозревают, что за ними следил этот «жестокий» и «кроважидный» зверь.

Полвека прошло с того дня, когда тигр вышел из-за куста терновника, на который взобрался мальчик. Последние 32 года из этого полустолетия я более или менее регулярно преследовал тигров-людоедов. И хотя мне приходилось видеть картины, которые заставили бы и камни плакать, я не помню ни одного случая, когда тигр действовал бы намеренно жестоко или был бы настолько кроважидным, что убивал людей без повода в большем количестве, чем требовалось, чтобы насытиться самому или накормить тигрят.

Если изредка под давлением необходимости тигр убьет человека или если в результате истребления его естественной добычи^[2] людьми он убьет два процента от того количества скота, которое ему приписывают, — это еще не основание для того, чтобы все тигры были заклеены как жестокие и кроважидные животные.

По общему признанию, охотники консервативны в своих убеждениях, ибо их взгляды складываются годами. Естественно,

что мнения охотников могут быть различными и притом не только в деталях, но иногда и в главном. Поэтому я не льщу себя надеждой, что все высказанные мною мысли встретят всеобщее признание.

Но в одном со мной согласятся все охотники независимо от того, охотились ли они на тигра из засады на дереве, со спины слона или стоя на собственных ногах, — это то, что тигр великодушный джентльмен беспредельной храбрости. Если он будет истреблен, а он будет истреблен, если общественное мнение не станет на его защиту, Индия обеднеет, лишившись прекраснейшего представителя своей фауны.

В отличие от тигров, леопарды иногда поедают трупы. Они становятся людоедами, приобретая вкус к человеческому мясу, когда неумеренное уничтожение дичи человеком лишает их естественной пищи.

Жители наших гор в большинстве случаев индусы,^[3] и поэтому они сжигают своих покойников. Кремация производится на берегах рек с тем, чтобы пепел попал в конце концов в Ганг и, возможно, в океан. Но большинство деревень расположено высоко в горах, в то время как реки зачастую протекают за много миль от них, внизу в долинах. Понятно, что в этих условиях похороны требуют больших усилий от членов маленькой общины, тем более что им надо не только перенести вниз труп, но и собрать и перенести топливо для кремации. Все же в нормальных условиях все похоронные обычаи тщательно соблюдаются. Но когда в горах свирепствует эпидемия, и люди умирают один за другим, тогда вместо сложных обрядов применяется совсем простой: в рот умершего кладут горячий уголек, после чего труп относят к обрыву и бросают его вниз в долину. Леопард, оказавшийся в районе, где ему не хватает естественной пищи, находит эти трупы и, поедая их, быстро приобретает вкус к человеческому мясу. Когда же эпидемия оканчивается и этот источник питания прекращается, зверь начинает нападать на людей.

Из двух кумаонских леопардов-людоедов, которые убили 525 человек, один появился после вспышки холеры, а другой — после эпидемии таинственной болезни, которая обрушилась на Индию в 1918 г. и получила название «военной лихорадки».

ЧАМПАВАТСКИЙ ЛЮДОЕД

Я был на охоте в Малани с Эдди Наульсом, когда впервые услышал о тигре, впоследствии получившем официальное наименование чампаватского людоеда.

Эдди, которого долго еще будут вспоминать в нашей провинции как охотника «par excellence»^[4] и автора неиссякаемого запаса охотничьих рассказов, был одним из немногочисленных счастливых, которым всегда везет в жизни. Ружье его было несравненным по точности и силе боя; один из его братьев слыл первым ружейным стрелком в Индии, второй — лучшим игроком в теннис в индийской армии. Поэтому, когда Эдди сказал мне, что его молочный брат, «лучший шикари»^[5] в мире», был командирован правительством, чтобы застрелить чампаватского людоеда, я был совершенно уверен, что деятельности людоеда будет скоро положен конец.

По каким-то непонятным причинам тигр все же не был убит и доставлял много хлопот еще четыре года спустя, во время моего посещения Найни-Тал. Были назначены премии, посланы шикари и даже команды гурков^[6] из гарнизона в Алмора. Несмотря на все эти меры, число человеческих жертв продолжало возрастать.

Тигрица (впоследствии выяснилось, что это была именно тигрица) появилась в Кумаоне^[7] из Непала уже вполне сложившимся людоедом. Оттуда ее прогнал целый отряд непальцев, после того как она унесла 200 человеческих жизней. В течение четырех лет в Кумаоне она добавила к этому числу еще 234 человека.

Так обстояли дела вскоре после моего приезда в Найни-Тал, где я встретил Бертауда. Бертауд был тогда заместителем уездного комиссара и пользовался всеобщей любовью и уважением. Поэтому неудивительно, что когда он сообщил мне о страхе, внушаемом людоедом населению уезда, и о той тревоге, которую ему причиняли сложившиеся обстоятельства, я обещал

выехать в Чампават немедленно после его сообщения о новой человеческой жертве.

Я поставил при этом два условия: отмену премии и удаление шикари и алморских солдат. Мотивы этих условий в сущности не требуют объяснения, так как всякий охотник поймет мое нежелание быть причисленным к категории охотников за премией и, так же как и я, не хочет быть случайно застреленным. Условия мои были приняты: неделю спустя рано утром Бертауд посетил меня и сообщил, что гонцы-сороходы принесли ему ночью известие о том, что тигр убил женщину в Пали, деревне между Деби-Дхура и Дунагхатом.

Рассчитывая на кратковременное пребывание там, я нанял шесть человек, которые должны были нести мой багаж и снаряжение. Выступив после завтрака, мы в первый день прошли семнадцатимильный путь до Джари. Позавтракав следующим утром в Морнаула, мы заночевали в Деби-Дхура и прибыли в Пали на следующий вечер, через пять дней после гибели женщины.

Население деревни, примерно пятьдесят человек мужчин, женщин и детей, было объято ужасом. Хотя солнце стояло еще высоко, я застал всех жителей в домах за прочно закрытыми дверями. Только после того, как мои люди развели костер, и я сел выпить кружку чаю, двери стали тут и там открываться и начали появляться испуганные крестьяне.

Мне сказали, что в течение последних пяти дней никто не решался выйти за порог своего дома. Антисанитарное состояние двора, где я остановился, ясно подтверждало это. Люди говорили, что продовольствия не стало хватать и что им грозит голодная смерть, если тигр не будет уничтожен или удален из этого района.

То, что тигр все еще находился где-то по соседству, было очевидным. Последние три ночи рев слышали на дороге, ярдах в ста от домов, а в день моего прибытия тигра видели в нижнем конце деревни.

Староста уже приготовил мне комнату, но нас было восемь человек и единственная дверь открывалась в очень грязный двор. Я предпочел поэтому провести ночь под открытым небом.

После легкой закуски, которая должна была заменить мне обед, я, удостоверившись, что мои люди находятся в безопасности в закрытом помещении, занял пост на краю дороги, прислонившись спиной к дереву. Жители деревни рассказывали, что тигр обычно ходит по этой дороге. Было полнолуние, и я надеялся, что мне представится случай сделать удачный выстрел, если я увижу тигра раньше, чем он меня.

Много ночей мне пришлось проводить в джунглях, когда я подстерегал диких зверей. Но это была первая, когда я имел дело с тигром-людоедом. Дорога передо мной была залита ярким лунным светом, и нависшие над ней справа и слева деревья бросали большие тени. Ночной ветерок шевелил ветви, тени перемещались, и тогда мне казалось, что приближается целая дюжина тигров; я горько жалел об увлечении, которое отдавало меня на милость тигра-людоеда. У меня не хватало смелости вернуться в деревню, хотя я понимал, что был слишком напуган для того, чтобы выполнить задачу, которую сам себе поставил. Так я провел долгую ночь. зуб на зуб не попадал и от страха и от холода. Серый рассвет, поднявшийся над видневшимися передо мной снежными вершинами, застал меня в полусне: я сидел, уткнувшись головой в колени. В такой позе застали меня пришедшие через час мои люди. Тигра я не видел и не слышал.

По возвращении в деревню я хотел попросить жителей (они были изумлены, как я остался живым в эту ночь) указать места, где нападал на них тигр. Желających не нашлось. Крестьяне только показывали мне со двора те направления, которые вели к местам гибели людей. Последний случай произошел на склоне горы к западу от деревни; сюда меня все же проводили. Женщины с детьми (всех их было около двадцати) занимались сбором листьев для скота, когда одна из них была убита. С волнением передавали мне они детали этого происшествия. Женщины вышли из деревни часа за два до полудня. Пройдя около полумили, они стали влезать на деревья и срезать листву. Жертва людоеда и две другие женщины выбрали себе дерево, растущее у края оврага. В дальнейшем я выяснил, что овраг этот имел в глубину около четырех футов, а в ширину — от десяти до двенадцати. Срезав листья, женщина стала спускаться с дерева. Незаметно подкравшийся тигр схватил ее за ногу. Женщина после невероятных усилий выпустила из рук сук, за который держалась при спуске, а тигр сбросил свою жертву в овраг. Когда женщина пыталась встать, тигр, схватив ее за горло, убил, а потом выскочил по склону оврага и исчез со своей добычей в густых кустах.

Все это произошло на глазах двух других женщин, находившихся на том же дереве, на расстоянии нескольких футов. Как только тигр со своей жертвой исчез из поля зрения, испуганные женщины и девушки побежали в деревню. В это время мужчины только что вернулись на обед. Вооружившись барабанами, металлическими кастрюлями — всем, чем можно произвести шум, отправилась спасательная партия — мужчины впереди, женщины сзади.

Дойдя до оврага, где была убита женщина, люди остановились и стали совещаться, как быть дальше. Но все споры прекратил тигр, громко заревевший в кустах, отстоявших ярдах в тридцати. Как один человек вся партия повернула и побежала в деревню. Когда отдышались, посыпались взаимные упреки: кто побегал первым, кто вызвал панику? Долго спорили, пока, наконец, кто-то заметил, что если никто не испугался и все были храбры, как утверждали, то зачем же терять время и почему не вернуться, чтобы попытаться спасти женщину.

Предложение было принято, и еще три раза спасательная партия приближалась к оврагу. На третий раз один из ее участников (у него было ружье) выстрелил — тигр в кустарнике опять заревел. После этого всякие попытки спасти женщину были «благоразумно» оставлены. На мой вопрос владельцу ружья, почему же он стрелял в воздух, а не в куст, последовал ответ, что тигр был очень разъярен и, если бы он, стрелок, к несчастью, попал бы в тигра, тот его, конечно, убил бы.

В это утро я три часа пробродил вокруг деревни, надеясь на встречу с тигром и в то же время ее опасаясь. Обходя кусты в лесистом овраге, я поднял стайку темноспинных серебряных фазанов, которые закричали. Сердце забилося в надежде на удачу.

Мои люди расчистили место под ореховым деревом, устроив там для меня столовую. После завтрака староста деревни попросил меня охранять жителей при уборке пшеницы. Он прибавил, что если урожай не будет собран в моем присутствии, то его совсем не соберут — население слишком напугано, чтобы выходить из домов.

Через полчаса все жители деревни с помощью моих людей горячо принялись за работу, а я с заряженным ружьем стоял на страже. Вечером урожай был собран с пяти больших полей, неубранными остались два небольших участка у строений; с ними, по словам старосты, нетрудно было справиться на следующий день.

Санитарное состояние деревни также улучшилось. Для моего личного пользования было отведено еще одно помещение. И в эту ночь, защитив от тигра открытую для вентиляции дверь плотно вкопанным кустом колючки, я смог, наконец, хорошо отдохнуть.

Присутствие мое ободрило население. Люди перестали бояться и приступили к обычным своим занятиям. Все же я не настолько заслужил их доверие, чтобы они согласились провести меня по окрестным джунглям. А я придавал этому известное значение. Крестьяне знали каждый фут местности на несколько миль вокруг деревни и при желании могли указать мне место, где я мог бы встретить тигра или по крайней мере увидеть его следы.

Что людоед — тигр, это было твердо установлено, но оставалось неизвестным, самец или самка, старый или молодой зверь. Эти сведения были необходимы для отслеживания зверя, но я мог получить их, только осмотрев следы тигра.

После раннего чаепития я заявил, что мне нужно добыть продовольствие для моих людей, и попросил крестьян указать места, где я мог бы застрелить горалов. Деревня была расположена на вершине большого гребня, тянувшегося от нее на восток и на запад. Прямо под дорогой, где я провел предыдущую ночь, гора, образуя несколько поросших травой террас, круто обрывалась к северу. Мне сообщили, что там было много горалов. Несколько мужчин высказали желание провести меня туда. Я выбрал троих и отправился, предупредив старосту, что если я найду так много горалов, как мне говорили, я застрелю одного для моих людей и двух — для жителей деревни.

Перейдя дорогу, мы спустились по крутому склону. Хотя мы внимательно глядели вправо и влево, но ничего не увидели. На полмили ниже холма было место соединения двух оврагов, откуда открывается чудесный вид на каменистый склон, заросший травой. Я оперся спиной на одинокую сосну и в течение нескольких минут зорко осматривал местность.

Вдруг мое внимание привлекло какое-то движение на вершине холма. Движение повторилось, и я мог рассмотреть, что это горал, шевеливший ушами. Животное стояло в густой траве — видна была только его голова. Спутники мои горала не заметили, и так как голова его оставалась теперь неподвижной и сливалась с окружающей местностью, я не мог направить их, чтобы они гнали на меня зверя. Указав людям, в каком направлении находится горал, я приказал им сесть и ждать, пока я не выстрелю. Я был вооружен старой винтовкой, которая искупала свою сильную отдачу мертвым боем на любую дистанцию. Расстояние примерно в двести ярдов не составляло непреодолимого препятствия. Я лег на землю, оперев ствол ружья о корень сосны, тщательно прицелился и выстрелил.

Дым от черного пороха затянул воздух; мои спутники не видели результата выстрела и думали, что я стрелял в скалу или в кучу сухих листьев. Я остался на месте. Перезарядив оружие, я заметил, что трава немного ниже того места, куда я выстрелил, зашевелилась, из нее появилась сначала задняя часть тела горала, а потом и весь зверь. Он покатился по крутому склону, на полпути от вершины опять исчез среди густой травы, напугав лежавших там двух горалов. Оба они вскочили с тревожным криком и побежали вверх по склону. Расстояние до них сократилось; я прицелился, дождался, пока более крупный горал

замедлил бег, и выстрелил ему в спину; когда другое животное поскало поперек склона, я прострелил ему плечо.

Бывают случаи невероятных удач. Лежа в неудобной позе, я стрелял на двести ярдов под углом в шестьдесят градусов по такой малой цели, как белое пятно на горле зверя: казалось бы, я имел не более одного шанса из миллиона попасть в цель, однако тяжелая свинцовая пуля при заряде из черного пороха ни на волос не уклонилась от цели и положила зверя на месте. А затем по крутому склону, пересеченному небольшими оврагами и выступами скал, убитое животное скатилось прямо туда, где лежали два других горала. Не успел первый подстреленный зверь выпутаться из густой травы, как два других в свою очередь покатались вниз по склону. Все три зверя лежали теперь на дне лощины. Забавно было видеть изумление и восторг моих спутников, которые в первый раз видели стрельбу из ружья. Спускаясь за добычей в лощину, они даже перестали думать о тигре.

Вылазка была успешной во многих отношениях. Я не только добыл продовольствие для жителей деревни, но и заслужил их доверие. Всякому известно, что охотничьи рассказы ничего не теряют при их образном изложении. Когда с горалов были сняты шкуры, а туши их разделаны, мои спутники дали полную свободу своему воображению. А потом, сидя за завтраком на свежем воздухе, я мог наблюдать удивление собравшейся толпы при рассказах о том, как горал был застрелен на расстоянии более мили и как заколдованные пули не только убили зверей, но и принесли их к ногам саиба.

После обеда староста спросил меня, куда я хочу идти и сколько мне нужно провожатых. Из возбужденно теснившейся вокруг меня толпы я выбрал двух из моих прежних спутников и направился с ними на место последней трагедии.

Индийцы здесь твердо придерживаются своих обычаев. Если кто-либо похищен тигром-людоедом, долг родственников разыскать хотя бы часть трупа, будь это кусочки костей, и предать их сожжению. В отношении последней жертвы эта обязанность все еще не была выполнена, и, когда мы уходили, родные обратились к нам с просьбой принести какие угодно останки, если только мы их найдем.

С раннего детства моей страстью было чтение следов в джунглях. В настоящем случае я слышал рассказы очевидцев смерти женщины, но на свидетелей не всегда можно положиться, а следы дают точную картину того, что произошло в джунглях. При первом же взгляде на местность я убедился, что тигр мог подойти незамеченным к дереву, только поднявшись по оврагу.

Спустившись в овраг ярдах в ста от дерева, я нашел на рыхлой почве между двумя камнями отпечатки лап. Следы указывали, что зверь — тигрица, едва вышедшая из молодого возраста. Немного далее по склону оврага, ярдах в десяти от дерева, тигрица залегла за камнем, видимо, в ожидании того, когда женщина начнет спускаться с дерева. Когда женщина, нарезав листьев, стала слезать, держась за сук толщиной около двух дюймов, тигрица подползла и, встав на задние лапы, схватила ее за ногу и сбросила в овраг. На суку видны были следы, показывающие, какие отчаянные усилия делала несчастная, чтобы задержаться: на твердой коре дуба и даже на пучках листьев, которые женщина пыталась захватить, остались полоски содранной с пальцев и ладоней кожи. На том месте, где тигрица убила свою жертву, были видны следы борьбы и пятно высохшей крови. Оттуда кровавая дорожка, уже засохшая, вела на противоположную сторону оврага. Выйдя по этому кровавому следу из оврага, мы нашли место, где тигрица съела свою добычу.

Широко распространено мнение, будто тигры-людоеды не трогают головы, рук и ног своих жертв. Это неверно. Если людоеда не тревожат, он ест все, включая пропитанную кровью одежду, как я наблюдал в одном случае.

На этот раз мы нашли одежду женщины и несколько кусков костей, которые и завернули в чистую ткань, захваченную с собой для этой цели. Как ни жалки были эти ничтожные останки, их было достаточно, чтобы выполнить обряд сожжения.

После чая я посетил место другой трагедии. Небольшой хутор в несколько акров был расположен за дорогой, отделявшей его от деревни. Прямо над дорогой на склоне холма владелец хутора построил себе хижину. Жена его — мать двоих детей, мальчика четырех лет и девочки шести, — была младшей из двух сестер. Как-то раз обе сестры заготавливали траву на холме, когда внезапно появилась тигрица и схватила старшую. Младшая целых сто ярдов гналась за тигрицей, размахивая серпом и умоляя тигра-людоеда отпустить сестру и взять ее взамен. Вся деревня была свидетелем этого невероятного героизма. Протащив мертвую женщину сто ярдов, тигрица бросила ее и обернулась против своей преследовательницы. С громким ревом зверь бросился на храбрую женщину. Та повернулась, побежала вниз по холму, перебежала через дорогу, очевидно, в намерении сообщить жителям о случившемся. Но те все видели сами. Непонятные звуки, которые издавала прибежавшая женщина, приписаны были сначала тому, что она запыхалась, была взволнована и испугана. Только после того как быстро организованная спасательная партия вернулась, не добившись никакого успеха, выяснилось, что

женщина утратила способность речи. Всю эту историю мне рассказали в деревне.

Когда я впервые увидел эту женщину, она была абсолютно немой уже целый год. Если не считать тревожного выражения глаз, женщина казалась совершенно нормальной. Когда я остановился, чтобы поговорить с ней, и сообщил, что прибыл для того, чтобы попытаться застрелить тигра, убившего ее сестру, немая сжала руки, опустилась на землю и коснулась моих ног, — я почувствовал себя негодным обманщиком. Правда, я прибыл с твердым намерением застрелить тигра. Но шансов на выполнение этого намерения было не больше, чем при поисках иголки в двух стогах сена: я имел дело со зверем, относительно которого было известно, что он никогда не убивает два раза подряд в одной

местности, никогда не возвращается к добыче, а район его действий простирается на несколько сотен квадратных миль.

По пути из Найни-Тал я обдумал множество планов. Один из них я испробовал, и никакие силы не заставили бы меня повторить подобную попытку. Другие варианты, после того как я попал на место действия, казались мне теперь такими же непривлекательными. К тому же здесь не было никого, кто мог бы помочь мне советом — это был первый случай появления в Кумаоне тигра-людоеда. Но все же надо было что-то предпринимать. Поэтому в течение трех последующих дней я с восхода до заката солнца бродил по джунглям, обойдя в окрестности все те места, где, по рассказам жителей, можно было бы встретить тигрицу.

Я вынужден тут несколько прервать свой рассказ: мне хочется опровергнуть распространившиеся в наших горах слухи, будто бы я переодевался в женскую одежду и, уходя в джунгли, подманивал тигров-людоедов, убивая их серпом или топором. Единственно, что я действительно делал для маскировки, — это надевал сари (женское покрывало) и в таком костюме резал траву или взбирался на дерево и обрывал листья. Но такая хитрость не принесла мне успеха.

Впрочем, как оказалось, тигры следили за моим деревом из укрытия (в одном случае из-за скалы, а в другом — из-за упавшего дерева), так что стрелять я не мог.

Возвращаясь к моему рассказу. Тигрица, по-видимому, оставила эту местность, и я, к большому огорчению жителей Пали, решил перейти в Чампават, в пятнадцати милях восточнее Пали. Выступив ранним утром, я позавтракал в Дунагхате и к заходу солнца достиг Чампавата; дороги в этих местах считались весьма небезопасными, и люди шли из деревни в деревню или на базар только большими компаниями. При выходе из Дунагхата со мной было восемь человек, в пути количество людей увеличилось, и в Чампават нас прибыло уже более тридцати. Некоторые из моих спутников были из числа тех двадцати человек, которые ходили в Чампават два месяца назад; они рассказали мне печальную историю:

«По эту сторону от Чампавата дорога на протяжении нескольких миль проходит у южного склона гор вдоль долины и примерно ярдов на пятьдесят выше ее дна. Два месяца назад компания из двадцати мужчин шла на базар в Чампават. Проходя этот участок дороги около полудня, мы вдруг услышали крики человека, доносившиеся снизу, из долины. Столпившись у края дороги, люди с ужасом заметили, что крики все приближаются. Вскоре появился тигр, несший обнаженную женщину. Волосы ее

волочились по земле с одной стороны тигра, а ноги — с другой. Тигр держал женщину за поясницу, а она била зверя в грудь и призывала бога и людей на помощь. Все это мы хорошо видели: тигр прошел от нас на расстоянии в пятьдесят ярдов. Когда крики вдали стихли, мы стали продолжать свой путь».

— И вы, двадцать мужчин, ничего не предприняли?

— Нет, саиб, ничего, так мы были перепуганы. А что может сделать испуганный человек? И даже если бы мы сумели отнять женщину, не разъярив тигра и не навлекши тем самым беды на самих себя, это все равно не помогло бы ей.

Позднее я узнал, что жертвой тигра тогда была жительница одной из деревень в окрестностях Чампавата. Тигр схватил женщину, когда та собирала валежник. Ее подруги побежали в деревню и подняли тревогу. Двадцать мужчин, шедших в Чампават, пришли в эту деревню как раз тогда, когда оттуда отправлялась «спасательная партия». Так как пришедшие знали, в каком направлении тигр унес женщину, они присоединились к этой партии. Вот продолжение их рассказа:

«Нас было пятьдесят или шестьдесят сильных мужчин, когда мы выступили на помощь женщине; некоторые из нас имели ружья. Примерно в одной восьмой мили от места, где лежал собранный валежник и где жертва была схвачена людоедом, мы нашли разорванную одежду. Тут люди забили в барабаны и стали стрелять. Так мы прошли еще более мили напрямик и вошли в долину. Там мы и нашли женщину — это была почти девочка, она лежала мертвой на большой каменной плите. Тело покойницы было совершенно целым; тигр не тронул его, он только облизал стекавшую кровь. Среди нас не было женщин, и мы, мужчины, отвернув лица, завернули мертвое тело в белье, которое сняли с себя некоторые из пришедших. Девушка лежала на спине, как спящий человек, и нам казалось, что она проснется от стыда при прикосновении мужчин».

Подобного рода истории часто рассказываются в деревнях в долгие бессонные ночи за плотно закрытыми дверями. Понятно, что в конце концов и характер, и быт людей, проводящих годы в местности, где действует тигр-людоед, изменяются. Человеку, попавшему туда со стороны, начинает казаться, что он очутился в мире далекого прошлого, в царстве зубов и когтей, когда саблезубый тигр загонял человека в укрытие глубоких пещер.

В те далекие дни Чампавата я был молод и неопытен, но полученное мною убеждение после немногих дней пребывания в Чампавате только укрепилось в результате последующего тридцатидвухлетнего опыта; нет ничего более ужасного, чем жить во власти тигра-людоеда и сознавать, что в таком же положении

находятся все близкие люди. Чампаватский тахсилдар,^[8] которому я предъявил свои рекомендации, посетил меня ночью в почтовой конторе, где я остановился. Он посоветовал мне перейти в другое помещение — сторожку, расположенную в нескольких милях от конторы. В ближайших ее окрестностях тигр убил несколько человек.

Рано утром на следующий день я в сопровождении тахсилдара прибыл в сторожку. Когда я завтракал на веранде, пришли двое мужчин и сообщили, что тигр убил корову в деревне, отстоявшей отсюда миль на десять. Тахсилдар попросил извинения — спешные дела требовали присутствия его в Чампавате; он сказал, что вернется вечером и проведет ночь с нами. Мои проводники оказались хорошими ходоками; дорога шла вниз по склонам, и мы в рекордно короткое время прошли десять миль. В деревне меня привели к загону для скота, где произошло нападение: теленок примерно недельного возраста был убит и частично съеден леопардом. Не имея ни времени, ни намерения застрелить этого леопарда, я расплатился с проводниками, а сам вернулся в сторожку. Оставался еще час светлого времени, когда я с чоукидаром^[9] пошел осматривать место, где, по его словам, тигр имел обыкновение пить воду. Это была головная часть орошавшего сады канала. На мягкой почве у водоема были следы тигра, оставленные несколько дней тому назад, но эти следы были совершенно отличны от отпечатков лап, которые я видел и внимательно изучал в овраге, где была убита женщина из Пали.

Вернувшись в сторожку, я застал там тахсилдара. Мы расположились на веранде, и я рассказал о результатах дня. Тахсилдар, выразив сожаление, что мне напрасно пришлось предпринять дальнюю экскурсию, встал и сказал, что ему предстоит еще длинный путь и поэтому надо выходить немедленно. Это меня очень изумило, так как раньше тахсилдар дважды говорил, что проведет ночь у меня. Дело, конечно, было не во мне, но я понимал угрожающую тахсилдару опасность. Он остался все же глух к моим убеждениям. Когда тахсилдар сошел с веранды среди мрака ночи с единственным спутником, несшим чуть светящийся фонарь, и отправился по дороге, где и днем люди отваживались появляться только большой группой, я, прощаясь, снял шляпу перед весьма смелым человеком.

* * *

На следующее утро я осмотрел фруктовые сады, чайные

плантации и выкупался в ручье. Около полудня благополучно вернулся из Чампавата тахсилдар, рассеяв мою тревогу за него.

Я беседовал с ним, смотря на пологие горные склоны и деревню, окруженную полями, и вдруг увидел, что какой-то человек выходит из деревни и движется прямо по направлению к нам. Когда человек стал приближаться, я увидел, что он то идет, то бежит, — очевидно, он нес важные известия. Сказав тахсилдару, что вернусь через несколько минут, я побежал вниз по холму навстречу гонцу. Человек присел, чтобы перевести дыхание. Как только я приблизился на расстояние, с которого можно было слышать голос, он крикнул мне: «Скорее, саиб, тигр только что убил женщину». «Сиди», — ответил я и побежал обратно в сторожку. Схватив ружье и несколько патронов, я сообщил об этом тахсилдару и попросил его следовать за мной в деревню.

Гонец принадлежал к той досадной категории людей, у которых язык и ноги не могут действовать одновременно. Если он раскрывал рот, то останавливался, а если шел, то закрывал рот. Приказав ему молчать и продолжать путь, я молча бегом спустился по склону.

В деревне нас встретила возбужденная толпа мужчин, женщин и детей. Как бывает обычно в таких случаях, все стали говорить одновременно. Один из присутствующих тщетно пытался успокоить это вавилонское столпотворение. Я отвел этого человека в сторону и предложил рассказать, что случилось. Он показал мне на одинокий дуб, стоявший на низком склоне, примерно в восьмой части мили от деревни, и сказал, что у этого дуба человек двадцать жителей занимались сбором сухих сучьев. Вдруг появился тигр и схватил молодую женщину лет шестнадцати — семнадцати. Все бросились бежать в деревню, и так как было известно, что я остановился в сторожке, ко мне отправили гонца с донесением.

Жена человека, с которым я говорил, участвовала в сборе сучьев, и она показала мне дерево за поворотом склона холма, где была похищена девушка. Однако никто из участников сбора не решился при бегстве оглянуться, чтобы узнать, унес ли тигр свою жертву, и если да, то в каком направлении. Приказав толпе не шуметь и оставаться в деревне до моего возвращения, я направился к дереву. Местность была совершенно открытой, и трудно себе представить, что такое животное, как тигр, могло подобраться незамеченным к группе из двадцати человек и его присутствие было обнаружено лишь после того, как девушка закричала.

На месте убийства была видна кровь, а вблизи, составляя

резкий контраст с багровой лужей, валялось разорванное ожерелье из ярко-голубых бус. Отсюда следы вели вверх и за поворот склона.

Следы тигрицы были хорошо заметны. С одной их стороны, там где свисала голова женщины, были большие брызги крови, а с другой — борозда от ее ног. В полумиле выше я нашел женское покрывало, а на вершине холма — юбку. Опять тигрица несла обнаженную женщину, но в этом случае жертва по милости судьбы была мертвой.

На вершине след повел в колючие кустарники; на отдельных колючках висели длинные пряди иссиня-черных волос девушки. Дальше тигрица прошла через заросли крапивы. Когда я пытался обойти это препятствие, за моей спиной послышались шаги. Ко мне подходил человек с ружьем. Я спросил его, зачем он пошел за мной, раз я приказал, чтобы никто не выходил из деревни. Он ответил, что тахсилдар велел ему сопровождать меня и он боялся послушаться этого приказа.

Было ясно, что человек решил точно выполнить данное ему поручение, а споры с ним привели бы к потере драгоценного времени. Я сказал ему, чтобы он снял свои тяжелые сапоги, и, после того как он запрятал их в кусты, посоветовал держаться ближе ко мне и тщательно следить за всем, что происходит позади нас.

На мне была пара тонких чулок, короткие, с открытыми коленями брюки и обувь на резине; к большому неудобству, пришлось все же пойти по следу тигра через крапиву, так как обходного пути не было.

Из зарослей крапивы следы крови поворачивали влево, а потом спускались прямо вниз по очень крутой горе, густо поросшей папоротником и рингалом (горный бамбук). Ста ярдами ниже след приводил в узкое и глубокое речное ущелье, по которому тигрица продвигалась с большим трудом — это видно было по сдвинутым камням и комкам осыпавшейся земли. Я прошел по этому ущелью пятьсот или шестьсот ярдов. Чем дальше мы шли вперед, тем более встревоженным казался мой спутник. Раз двенадцать он схватывал меня за руку и шептал слезливым голосом, что слышит тигра то с одной стороны, то с другой, то позади. Преодолев половину спуска, мы дошли до скалы футов в тридцать вышиной, и, так как моему спутнику казалось, что за ним гонятся все тигры мира, я приказал ему взобраться на эту скалу и ждать там, пока я не вернусь. Он очень охотно сделал это, осмотрелся и сообщил мне, что все в порядке. Я же продолжал идти вдоль родника, который огибал скалу, а потом на протяжении сотен ярдов тек прямо вниз, исчезая в

глубоком овраге. В том месте, где ручей впадал в овраг, вода, разливаясь, образовала небольшой водоем; на берегу этого водоема я увидел несколько кровавых пятен.

Тигрица донесла девушку до этого места, и мое приближение потревожило ее за едой. Осколки костей были разбросаны между глубокими отпечатками тигровых лап, постепенно наполнявшихся чистой водой. У края водоема я рассмотрел предмет, привлечший мое внимание еще при спуске вдоль родника. Это была часть человеческой ноги. Во все дальнейшие годы при моих охотах за тиграми я не видел ничего более потрясающего, чем эта стройная нога молодой женщины, отхваченная немного ниже колена так, как будто ее отрубили острым топором. Из ноги струилась кровь.

Осматривая ногу, я забыл о тигрице и вдруг почувствовал, что мне грозит большая опасность. Быстро вскинув ружье и положив пальцы на оба спуска, я поднял голову и увидел, как с противоположного берега родника высотой пятнадцать футов медленно посыпались комья земли, скатились вниз и упали в водоем. Тогда я был новичком в охоте, иначе я не подверг бы себя такой опасности. Возможно, я спас себе жизнь тем, что быстро вскинул ружье, — тигрица, задержав прыжок или придав ему иное направление, сбросила землю с высокого берега.

Берег был очень крут, единственный способ очутиться на нем был прыжок. Поднявшись немного вверх по течению, я разбежался, перепрыгнул через водоем, уцепился за куст на противоположной стороне ручья и подтянулся на береговой обрыв. Заросли стробилантов, примятые стволы которых только что начали выпрямляться, показали, что здесь еще совсем недавно прошла тигрица, а немного дальше, под нависшей скалой, я увидел место, где она оставила свою добычу, когда начала следить за мной.

Теперь следы — тигрица опять унесла девушку — вели в пересеченную скалистую местность площадью в несколько акров, где преследование становилось трудным и опасным. Трещины и расщелины в скалах были замаскированы папоротником и кустами ежевики. Каждый неверный шаг, результатом которого могла быть сломанная нога, привели бы тем самым к роковым последствиям. В такой обстановке мое движение вперед по необходимости было медленным, и тигрица пользовалась этим, чтобы продолжать еду. Раз двенадцать я доходил до места ее остановки, и каждый раз след становился более и более заметным.

Это была четыреста тридцать шестая человеческая жертва тигрицы, и зверь привык уже к тому, что во время еды его

беспокоят спасательные партии. Но, по-видимому, это был первый случай, когда его преследовали так упорно, и он выразил свое недовольство рычанием. Чтобы в полной мере представить себе, что значит рычание тигра, надо находиться в местности, подобной той, где был тогда я: кругом скалы с густыми зарослями; каждый неверный шаг может увлечь в расщелину или пропасть.

Я не могу рассчитывать, что мои тогдашние переживания будут вполне понятны читателю. Рев тигра и перспектива его нападения и пугали меня, и внушали надежду на успех. Если бы тигрица потеряла терпение и совершила нападение, моя задача была бы выполнена, я смог бы положить конец всем мукам и страданиям, причиняемым зверем-людоедом.

Рычание, однако, оказалось только угрозой, и тигрица, поняв, что она меня не отпугнула, а только понудила еще быстрее идти по ее следам, прекратила рев.

Уже целых четыре часа я шел по следу. Хотя я много раз замечал, как шевелились заросли, но ни разу не видел самого зверя. Тени, отбрасываемые противоположным склоном, показали мне, что пора идти обратно, чтобы вернуться в деревню до наступления темноты.

Погибшая от тигра женщина была индуска, следовательно, часть тела нужна была для сожжения. Поэтому, проходя мимо родника, я закопал на берегу ногу, чтобы сохранить для исполнения обычая.

Мой спутник, оставшийся на скале, был чрезвычайно обрадован, увидев меня. Долгое мое отсутствие и доносившееся сюда рычание тигра заставили его предположить, что тигр получил новую добычу. При этом он откровенно признавался, что больше всего боялся необходимости одному возвращаться в деревню.

Спускаясь по течению родника, я думал, насколько опасно идти впереди нервного человека, державшего в руках заряженное ружье. Мне пришлось, однако, переменить мнение, когда мой спутник, шедший впереди, поскользнулся и упал назад; его ружье — калибр 450, без предохранителя — повернулось при этом дулом против меня. С этого дня я установил твердое и непреклонное правило (исключение делалось только для Ибботсона): ходить на охоту за тиграми в одиночку, так как если спутник безоружен, его трудно охранять, а если он вооружен, трудно уберечься самому.

Дойдя до вершины горы, где мой спутник спрятал сапоги, я присел закурить и стал обдумывать план действий назавтра. Тигрица, несомненно, должна была доесть ночью свою добычу и

залечь на день в скалах.

Условия местности давали мало надежды взять зверя с подхода.^[10] Если бы я при этом поднял тигрицу, не получив возможности стрелять, она, вероятно, исчезла бы, уклонившись от встречи со мной. Единственно правильным решением задачи была организация облавы, если бы только удалось набрать достаточное количество загонщиков.

Я сидел на южном краю широкого амфитеатра скал, в поле зрения не было ни одного жилья. С запада тек ручей, пересекая широкую долину; на востоке ручей, подойдя к большой скале, поворачивал к северу и, вступив в узкое ущелье, покидал амфитеатр.

Передо мной поднималась гора до 2000 футов высотой, покрытая низкой травянистой растительностью, среди которой тут и там росли сосны. На востоке высилась другая гора, по своей крутизне доступная только для горалов. Если бы я сумел набрать достаточное количество людей, чтобы занять хребет на всем его протяжении от ручья до этой крутой горы и поднять тигра, ему оставался бы лишь один путь отступления — через ущелье.

Загон, конечно, был очень трудным, так как обращенный на север крутой горный склон, где я оставил тигрицу, был покрыт густым лесом и тянулся примерно на три четверти мили в длину и полмили в ширину. Все же, если бы загонщики точно выполнили мои указания, я мог бы рассчитывать на хороший выстрел.

Тахсилдар ожидал меня в деревне. Я разъяснил ему положение и попросил немедленно принять меры, чтобы собрать как можно больше людей, назначив встречу у дерева, где была убита девушка, в десять часов утра завтрашнего дня. Пообещав мне сделать все возможное, тахсилдар ушел в Чампават, я же направился в сторожку.

На следующее утро, встав на рассвете, я приказал своим людям собираться и ожидать меня в Чампавате, а сам пошел еще раз взглянуть на место намеченной облавы. Все расчеты показались мне правильными. За час до времени сбора я был на месте, где было назначено свидание с тахсилдаром.

Для меня было ясно, что перед тахсилдаром возникнут при сборе людей большие трудности: страх перед тигром глубоко укоренился во всей местности, уговоров было недостаточно, чтобы заставить людей покинуть дома. В 10 часов появился тахсилдар, а с ним только один-единственный спутник. Но затем люди стали подходить по двое или по трое, потом по десять человек — к полудню набралось 298 человек.

Тахсилдар сообщил загонщикам, что он не только не

возражает против взятого некоторыми огнестрельного оружия, на которое у них не было разрешения, но даже снабдит владельцев боеприпасами. Впрочем, принесенные ружья были таковы, что лучшим для них местом был бы какой-нибудь музей.

Когда люди собрались и получили боеприпасы, я направил их к холму, на котором нашел юбку девушки. Указав им на сосну, пораженную молнией и лишенную коры, я приказал загонщикам двигаться вдоль хребта. Мы договорились, что, когда я дам знак платком, стоя под этой сосной, они должны будут начать стрелять, бить в барабаны, кричать и бросать камни. Никому не разрешено было сходить с места до тех пор, пока я не вернусь и не дам соответствующего распоряжения. Убедившись, что все меня слышали и поняли, я отправился вместе с тахсилдаром, который заметил, что будет чувствовать себя со мной в большей безопасности, чем с загонщиками: ружья людей, наверное, будут рваться, а от этого приходится ждать много несчастий.

Сделав большой обход и перейдя верхний конец долины, мы поднялись на лежащий напротив холм и двинулись к засохшей сосне. Спуск отсюда был очень крут; тахсилдар, обутый в легкую обувь из патентованной кожи, заявил, что не в состоянии идти в ней далее. Пока он ее снимал, люди, находившиеся на хребте, подумали, что я забыл дать им условный сигнал, и стали стрелять и кричать. Я же в это время был еще в ста ярдах от ущелья, и не сломал себе шею, спеша на условленное место, лишь потому, что родился в горах и поэтому держался на ногах так же твердо, как любое горное животное.

Сбегая вниз по склону, я заметил у края ущелья заросшую густой травой площадку. Искать более удобного места не было времени, и я сел в траву спиной к горе. Трава была примерно фута в два высотой и закрывала меня в сидячем положении до половины. Оставаясь неподвижным, я мог рассчитывать быть незамеченным. Передо мной высилась гора, где находились загонщики, а ущелье, откуда я ожидал появления тигрицы, было сзади слева.

На горе начался адский шум: стрельба из ружей, бой барабанов и крики сотен людей. Когда шум достиг апогея, я увидел, как тигрица выскочила на травянистый склон справа от меня, примерно в трехстах ярдах. Она прошла короткое расстояние, и за это время находившийся под сосной тахсилдар разрядил оба ствола своего дробовика. Тигрица круто повернула назад и побежала; когда она исчезла в кустарниках, я вскинул ружье и послал ей вдогонку безнадежный, в сущности, выстрел.

Услышав три выстрела, находившиеся на хребте люди, естественно, подумали, что тигрица убита. Они разрядили свои

ружья, раздались крики торжества. Когда я с замирающим дыханием прислушивался, не означают ли крики появления зверя на гребне горы, тигрица внезапно вышла из кустов слева от меня, перепрыгнула через ручей и двинулась прямо по ущелью.

Штуцер 500 калибра с патроном бездымного пороха, пристрелянный в нормальных условиях, в горах дает перелет. Когда тигрица внезапно остановилась, мне показалось, что выстрел дал перелет. На самом деле я целил правильно, но взял немного сзади. Опустив голову, тигрица сделала полуоборот в мою сторону, предоставив мне возможность выстрелить ей в лопатку на расстоянии менее тридцати ярдов. При втором выстреле тигрица вздрогнула, но продолжала стоять с прижатыми ушами и оскаленными зубами, а я сидел с ружьем навскидку и думал, как было бы хорошо, если бы оно было заряжено. Но штуцер был пустым, а патронов у меня больше не было: я захватил с собой только три патрона, так как не предполагал, что мне придется стрелять более двух раз, третий заряд предназначался на крайний случай.

К счастью, раненый зверь по каким-то причинам не решился на нападение. Он медленно повернулся, перешел через поток, поднялся по осыпи и остановился на узком выступе, отходящем перпендикулярно от крутой скалы у места, где лежал большой плоский камень. Здесь, на камне, рос небольшой куст, и я заметил, что тигрица при подъеме на выступ его раздвинула. Отбросив всякую осторожность, я крикнул тахсилдару, чтобы он принес мне свое ружье. В ответ он мне что-то долго кричал, но единственное, что я мог расслышать, было слово «фут». Положив свое ружье, я бегом бросился по склону, схватил ружье тахсилдара и возвратился обратно.

Когда я приблизился к ручью, тигрица вышла из куста на скалу, находившуюся передо мной. Я был от нее в двадцати ярдах, поднял ружье и, к своему ужасу, увидел, что между его казенной частью и стволами было расстояние примерно в три восьмых дюйма. Когда тахсилдар стрелял из обоих стволов, ружье не разорвалось; я надеялся, что оно не разорвется и теперь, но опасность ослепнуть от пороховой вспышки имелась. Однако пойти на риск было необходимо; глядя на бусинку, заменявшую мушку, я выстрелил в открытую пасть тигра. Возможно, что я промахнулся, возможно, что и это ружье не стреляло точно цилиндрической пулей на двадцатифутовую дистанцию. Во всяком случае мой заряд не попал тигру в пасть, а проник ему в правую лапу (оттуда я впоследствии извлек его пальцами). К счастью, тигрица находилась уже при последнем издыхании, попадания в лапу было достаточно, чтобы остановить ее на месте.

С того момента, как тигрица появилась, пытаясь пройти по ущелью, я забыл о загонщиках; об их существовании мне внезапно напомнили доносившиеся откуда-то выше по горе крики: «Он здесь, на скале! Сбейте его оттуда и дайте нам разорвать его на части!» Я сначала не верил своим ушам, когда мне послышалось «разорвать его на части», но я не ошибся; теперь и другие загонщики увидели тигрицу, и крики повторились по всему горному склону.

Выступ, по которому раненый зверь взобрался на скалу, был, к счастью, расположен с противоположной от загонщиков стороны и достаточно широк, чтобы позволить мне подкрасться вдоль его края. Когда я взобрался на скалу и стал над тигрицей, горячо надеясь, что зверь мертв, у меня не было времени выяснить это обычным путем, бросая в зверя камни, — загонщики появились из леса и побежали по открытому пространству, размахивая ружьями, топорами, ржавыми копьями и мечами.

У скалы — высота ее была футов двенадцать или четырнадцать — движение людей приостановилось, так как склон был гладко отполирован селевыми потоками и не давал точек опоры даже для босой ноги. Ярость толпы при виде злейшего врага превосходила всякое воображение. Среди народа не было ни одного человека, так или иначе не потерпевшего от тигрицы.

Какой-то мужчина — он казался безумным и действовал как подстрекатель — все время кричал, размахивая мечом: «Это шайтан, убивший мою жену и двух моих сыновей!» Как иногда бывает в толпе, возбуждение так же внезапно улеглось, как и разгорелось. К чести человека, потерявшего жену и детей, надо сказать, что он первым положил свое оружие. Он подошел к скале и сказал: «Мы обезумели, саиб, увидев нашего врага, но теперь безумие прошло, и мы просим саиба и тахсилдара простить нас». Вынув неиспользованный патрон, я положил ружье на тигрицу и, повиснув на руках, с помощью присутствовавших спустился со

скалы. Я сказал людям, как подняться на скалу, и мертвый зверь был с нее снят и перенесен на ровное место. Там могли собраться и видеть тигра все присутствующие.

Когда тигрица встала на скалу и посмотрела на меня, я заметил, что в пасти ее что-то было не в порядке. Теперь я увидел: у зверя сломаны правые клыки на верхней и на нижней челюстях, при этом на верхней челюсти — наполовину, а на нижней — целиком до кости. Повреждение зубов — результат пулевого ранения — не позволяло ей убивать свою естественную добычу, и в этом была причина того, что тигрица стала людоедом.

Люди умоляли меня не снимать шкуру с тигрицы на месте и просили разрешения пронести зверя до заката солнца по всем деревням, говоря, что их жены и дети только тогда поверят в смерть ужасного врага, когда убедятся в этом своими глазами.

Срезав два молодых дерева, прочно привязали к ним труп тигрицы снятыми чалмами, поясами и набедренными повязками. Когда все было готово, носилки подняли, и мы двинулись к подножию крутого склона. Люди предпочли нести тигрицу вверх по горе, на противоположном склоне которой располагались деревни, а не идти по густо заросшему лесом склону, где происходил загон. При помощи простого способа образовались две людские цепи: каждый шедший позади крепко держался за пояс или другую часть одежды идущего впереди. Когда я решил, что людей для переноса тигра достаточно, то они окружили носилки, чтобы при надобности поддерживать носильщиков и служить им опорой. Вся процессия двинулась вверх по горе.

Это шествие напоминало мне муравьев, переносящих жука через какое-нибудь препятствие. За главными силами шел арьергард под руководством тахсилдара. Если бы людские цепи порвались на тысячефутовом подъеме, несчастные случаи были бы неминуемы. Но цепочки не порвались. Жители вышли на гребень и с песнями направились на восток, а мы с тахсилдаром повернули на запад и пошли в Чампават.

Наша дорога шла вдоль гребня. Возле кустарников, на колючках которых зацепились длинные пряди волос девушки, я задержался и бросил последний взгляд на амфитеатр гор, где недавно разыгралась трагическая сцена.

На пути, вниз по горе, загонщики нашли голову несчастной девушки. Узкий столб дыма, подымавшийся в тихом воздухе из ущелья, указывал, что родные исполняли обряд над последней жертвой чампаватского людоеда на том самом месте, где зверь был убит.

После обеда, находясь во дворе тахсилдара, я увидел большое факельное шествие: процессия зигзагами спускалась по склону

горы. Множество людей пело песни горцев, разносившиеся в тихом воздухе. Часом позже к моим ногам была положена тигрица.

Среди теснившейся вокруг толпы содрать шкуру со зверя было трудной задачей. Чтобы ускорить работу, я обрезал голову и лапы, рассчитывая заняться отделкой их позднее. Полицейская охрана была выставлена у туши, а на следующий день, когда собралось все население окрестностей, лапы и хвост тигрицы были разрезаны на мелкие куски и распределены. Эти кусочки мяса и костей были употреблены для ожерелий, которые носят на шее дети горцев. Прибавление кусочка тигра к другим талисманам должно придать храбрость носителю ожерелья и к тому же обезопасить его от нападения диких зверей.

Пальцы девушки — тигрица проглотила их целиком — присланы мне были тахсилдаром в банке со спиртом. Я опустил их в Найниталское озеро неподалеку от храмов Нандадеви.

Пока я снимал шкуру тигрицы, тахсилдар со своими подчиненными при участии старост и почетных стариков соседних деревень и купцов чампаватского базара занимался выработкой программы большого празднества на следующий день. Около полуночи, после того как ушла последняя большая группа людей, издававших громкие крики радости по поводу того, что дороги и тропы между деревнями, закрытые последние четыре года тигром, вновь стали свободными, я покурил на прощание с тахсилдаром и сообщил ему, что не могу больше оставаться. Поручив ему представлять меня на празднестве, я с моими людьми решил отправиться в путь, рассчитывая проделать семьдесят миль за два дня.

На рассвете, приторочив тигровую шкуру к седлу, я поехал вперед, чтобы успеть заняться в Деби-Дхура отделкой шкуры. Там я рассчитывал заночевать. Проезжая мимо хижины на холме у Пали, я подумал, что могу доставить известное удовлетворение немой женщине, сообщив ей, что ее сестра отомщена. Оставив лошадь покормиться (она родилась близ снеговой линии и ела все — от дубовых веток до крапивы), я поднялся по холму к хижине и разложил шкуру тигрицы перед дверью, положив под ее голову камень. Дети, жившие в хижине, смотрели на это зрелище расширенными от изумления глазами. Услышав мой голос, в дверях показалась мать.

Я не рискую вдаваться в теоретические рассуждения по поводу шока и противошока, так как ничего не понимаю в этом вопросе. Все, что я знаю, — это то, что женщина, которая считалась немой в течение двенадцати месяцев и четыре дня тому назад не делала даже попыток отвечать на мои вопросы, побежала

от хижины к дороге, приглашая мужа и соседей прийти и посмотреть, что привез саиб. Это внезапное восстановление речи очень озадачило детей, которые не могли оторвать глаз от лица матери.

Пока готовился чай, я рассказал жителям деревни, как был убит тигр-людоед. Через час мы снова двинулись в путь; целых полмили меня провожали благодарные крестьяне Пали.

На следующее утро мне пришлось столкнуться с леопардом. Упоминаю об этой встрече только потому, что она задержала мой отъезд из Деби-Дхура и потребовала от меня и моей маленькой лошадки дополнительной траты сил. К счастью, мой пони был так же тверд на ногах, как и силен. Держась за его хвост на крутых подъемах, сидя в седле на ровных местах и следуя за ним бегом при спусках, я сумел покрыть дорогу до Найни-Тал — расстояние в 45 миль — за время с девяти часов утра до шести часов пополудни.

Несколько месяцев спустя на дурбаре^[11] в Найни-Тал губернатор Соединенных провинций сэра Джон Хьюитт наградил чампаватского тахсилдара ружьем, а человека, сопровождавшего меня при розысках девушки, — прекрасным охотничьим ножом. На оружии были выгравированы соответствующие надписи, оно заняло почетное место среди семейных реликвий обоих домов.

Я никогда не видел его родителей. Человек, у которого он был куплен, говорил мне, что это спаниель, имя его Пинча и отец его был отличной подружейной собакой.

Щенок мне, в сущности, был не нужен. Но случайно при мне одному из моих друзей принесли семь щенков одного помета, притом в очень грязной корзине. Пинча был самым младшим и самым тощим: было совершенно ясно, что он приблизился к пределу в борьбе за свою жизнь. Оставив своих менее несчастных братьев и сестер, щенок обошел меня кругом, а потом лег и свернулся у моих ног. Когда я поднял его и спрятал за пазуху — утро было страшно холодным, — щенок выказал мне свою признательность, лизнув меня в лицо, а я постарался не дать ему понять, что чувствую его противный запах.

Тогда ему было три месяца, и купил я его за пятнадцать рупий. Теперь ему тринадцать лет, и всего золота Индии не хватит, чтобы купить его у меня.

Когда я принес щенка домой и он впервые познакомился с хорошей едой, теплой водой и мылом, мы упразднили его кличку Пинча и назвали Робинем в память верной старой колли, спасшей жизнь моего младшего брата (ему тогда было четыре года) и мою (мне было шесть) от нападения разъяренной медведицы.

Робин реагировал на хорошую пищу, как иссохшая почва на дождь. После того как он прожил у нас несколько недель, я как-то утром взял его с собой. Мне хотелось приучить его к звуку выстрела. Отойдя на некоторое расстояние, я выпустил два заряда.

У края нашей усадьбы растут колючки. Когда я обходил их, из них поднялся павлин. Я забыл, что за мной по пятам шел Робин, и сбил птицу выстрелом. Павлин упал в кусты, туда за ним кинулся Робин. Кустарник был густой и колючий, войти в него было невозможно, я обогнул его и вышел на поляну с большими деревьями. У меня был киноаппарат, и представлялся случай сделать единственный в своем роде снимок. Павлин, старая самка с распушенными перьями на шее, с перебитым крылом, побежал в чащу, таща за собой вцепившегося в хвост Робина. Подбежав, я необдуманно схватил птицу за шею и приподнял с земли. Она быстро ударила обеими ногами — и Робин полетел кувырком. Но уже через несколько секунд он был на ногах и танцевал вокруг мертвой птицы, тыкая мордочкой то в ее голову, то в хвост.

На первый раз урок был достаточным, и когда мы вернулись домой, то трудно было сказать, кто из нас был более гордым: Робин со своей первой птицей или я, спасший Робина из грязной корзинки. Охотничий сезон приближался уже к концу, и в ближайшее время Робину не приходилось отыскивать более крупной дичи, чем перепел или горlinka, изредка — куропатка.

Лето мы проводили в горах. При нашем ежегодном переселении на равнину в ноябре как-то в конце пятнадцатимильного пути лангур, отделившийся от большой стаи, поскакал по склону и перебежал через дорогу в нескольких дюймах перед носом Робина. Не обращая внимания на мой свист, Робин помчался за лангуром; тот быстро очутился в безопасности на дереве. Местность была открытая, с отдельными деревьями. После крутого спуска в тридцать или сорок ярдов она становилась ровной, а потом снова круто обрывалась в лежащую немного ниже долину. Вправо от этой ровной площадки вокруг глубокой дождевой промоины росло несколько кустов. Робин смело вошел в этот кустарник и сразу из него выскочил. Он бежал с прижатыми ушами и опущенным хвостом, спасая свою драгоценную жизнь от огромного леопарда. Леопард мчался за Робин; при каждом прыжке расстояние сокращалось. Я был безоружен, и вся помощь с моей стороны ограничилась криками во всю силу моих легких. К моим крикам присоединились и голоса носильщиков моего багажа. «Концерт» достиг апогея, когда сотня, а то и более лангуров стали на разные голоса издавать свои тревожные крики. Неравная отчаянная погоня продолжалась ярдов двадцать пять — тридцать, но как раз тогда, когда леопард мог уже схватить Робина, преследователь свернул в сторону и исчез в долине, а Робин обогнул горный склон и присоединился к нам на дороге. Из этого случая, когда Робин был на волосок от смерти, он извлек два полезных урока на всю

жизнь: первый — что гнаться за лангурами опасно, второй — что тревожный крик лангура указывает на присутствие леопарда.

Позже щенок возобновил свое учение, прерванное весной. Вскоре, однако, стало ясно, что отсутствие ухода за ним в раннем возрасте и плохое питание сильно отразились на сердце Робина: он уставал после малейших усилий.

Для охотничьей собаки нет ничего более печального, чем оставаться дома, когда ее хозяин отправляется на охоту. Так как охота по перу была для Робина недоступной, я стал брать его с собой на охоту по зверю. Он так же быстро привык к этому спорту, как утка к воде, и вскоре стал сопровождать меня во всех моих экскурсиях с винтовкой.

Мы с ним поступали так. Выходя рано утром, разыскивали следы тигра или леопарда и шли по этим следам. Когда отпечатки лап были видны, по следу шел я, а когда зверь углублялся в джунгли, шел Робин. Так мы нередко следовали за зверем целые мили, пока его не настигали. Следуя за зверем пешком и стреляя с места стоя на ногах, гораздо легче сделать верный выстрел, чем при стрельбе сверху, с махана^[12] или со спины слона. Во-первых, при пешем преследовании раненого зверя случайные выстрелы почти исключаются; во-вторых, легче поразить убойные места, когда приходится стрелять не сверху, а на одном уровне со зверем. Но все же и при самых тщательных выстрелах мне случалось иногда только легко ранить тигра или леопарда, и они буйствовали затем до тех пор, пока я не смирял их вторым, а иногда и третьим выстрелом. И только один раз при подобных обстоятельствах Робин покинул меня в затруднительном положении. И когда мы встретились с ним после кратковременной разлуки, то решили, что недоразумение исчерпано и о нем не надо больше вспоминать. А теперь мы оба стали старше и, вероятно, менее впечатлительны. Так или иначе, Робин — он уже превысил обычный предел долголетия собак и теперь, когда я пишу, лежит на подстилке, с которой, пожалуй, никогда уже не встанет, — Робин взглядом умных глаз и взмахом хвоста разрешил мне продолжать рассказ.

* * *

Тогда я не заметил леопарда, пока он не вышел из густого кустарника и не остановился, глядя на меня через левое плечо. Это был самец необычайных размеров с красивым блестящим мехом; пятна на его шкуре выделялись, как тщательный узор, разрисованный на богатом бархатном фоне. Мне представился

случай выстрелить из ружья с хорошим боем на дистанции в пятнадцать ярдов. Леопард высоко подпрыгнул, упал, затем повернулся и бросился обратно в тот густой куст, откуда появился перед выстрелом. Слышно было, как он с шумом пробирался через кусты — двадцать, сорок, пятьдесят ярдов, но потом шум прекратился так же внезапно, как и начался. Такое неожиданное прекращение шума может иметь два объяснения: либо леопард упал мертвым, либо он, пройдя пятьдесят ярдов, вышел на открытое место.

В этот день мы с Робинсом зашли далеко. Солнце было уже близко к закату, а мы все еще находились в четырех милях от дома. Джунгли эти были необитаемы.

Мы повернули на север и пошли домой. Отметить место, где оставили леопарда, не было необходимости: я чуть не полвека днем, а иногда и ночью бродил по этим джунглям и нашел бы дорогу в любое место с завязанными глазами.

На следующий день, как только рассвело, мы с Робинсом пришли на место, где я стрелял. Робин шел впереди и очень осторожно осматривал местность, затем поднял голову и, потянув воздух, приблизился к краю кустарников, около которых упавший леопард оставил большие пятна крови. Для меня не было нужды рассматривать кровавый след, чтобы определить место ранения: я стрелял на коротком расстоянии и видел, куда попала пуля, а столб пыли, поднявшийся после выстрела с противоположной стороны, показывал, что пуля прошла навывлет.

Надо было идти по следу, но перед этим нам необходим был небольшой отдых после четырехмильного пути в полной темноте; он был полезен и потому, что солнце должно было скоро взойти, и в этот ранний час все животные, населяющие джунгли, были на ногах; перед тем как отправиться далее, было интересно послушать, что они могут сообщить нам о раненом леопарде.

Мне удалось найти сухое место под деревом, куда не проникла роса, Робин растянулся у моих ног. Только что я кончил курить сигарету, и вдруг закричала самка оленя-читала, за ней еще одна, потом третья примерно ярдах в шестидесяти влево от нас. Робин вскочил и, обернувшись, взглянул на меня. Уловив мой взгляд, он повернулся в сторону, откуда доносился крик оленя. С того дня как Робин впервые слышал тревожный крик лангура, он приобрел уже большой опыт и знал теперь, как и другие слышавшие крик читала птицы и звери, что олень предупреждал население джунглей о присутствии леопарда.

Крик оленя с очевидностью указывал, что леопард был у него на виду. Еще немного терпения — и мы могли узнать, жив ли леопард. Читалы кричали минут пять, потом стихли, затем сразу

опять закричали, потом стали раздаваться их обычные голоса. Леопард, следовательно, был жив и переместился, после чего все стихло. Нам оставалось определить местонахождение леопарда; эти сведения мы могли получить, следя за поведением оленей.

Пройдя по ветру ярдов пятьдесят, мы вступили в густой кустарник, следя за оленями, — задача нетрудная потому, что Робин ходит по джунглям так же бесшумно, как кошка, а долгая практика научила и меня осторожно передвигаться по джунглям.

Оленей мы увидели, только подойдя к ним на расстояние в несколько футов. Они стояли на открытом месте и все смотрели в одном направлении — на север, именно туда, где вчера вечером прекратился шум в кустах.

До этого момента олени были для нас полезны: они указывали, что на поляне лежал леопард и что он был жив; они показали нам, в каком направлении зверь удалился. Для получения этих сведений понадобился почти час. Но если бы олени заметили нас и подняли тревогу, они в одну секунду свели бы к нулю ту пользу, которую принесли нам ранее.

Я обдумывал, не лучше ли нам пойти обратно по нашему следу, а потом попытаться пойти позади кричавших оленей и попробовать под их прикрытием найти случай для выстрела или сдвинуть их с места, подражая голосу леопарда, как вдруг одна из самок повернула голову и взглянула прямо мне в лицо. В следующую секунду с тревожным криком она убежала. Мне в это время оставалось только пять ярдов до открытого места, но, как я ни спешил, леопард мчался быстрее. Я только увидел, как в кустах исчезли задняя часть его тела и хвост. Олень лишил меня возможности стрелять. Леопарда надо было вновь отыскивать и выслеживать — это было задачей Робина.

Я постоял на поляне несколько минут, чтобы дать леопарду возможность залечь и чтобы до нас дошел его запах, а потом послал Робина в западном направлении, наискось от дувшего с севера ветра. Мы прошли ярдов шестьдесят или семьдесят. Робин остановился и повернул морду против ветра. В джунглях Робин нем и удивительно владеет своими нервами. Но он не может, однако, побороть дрожь сухожилий задних ног, когда видит леопарда или чувствует сильный и свежий запах этого зверя. Эти сухожилия теперь у него дрожали и шевелили длинную шерсть на задней поверхности бедер.

Летом предыдущего года над этой частью леса прошел сильный циклон, поваливший много деревьев. В направлении одного из этих деревьев, находившегося ярдах в 40 от нас, и смотрел теперь Робин. Ветви дерева были обращены в нашу сторону, а по обеим сторонам лежавшего ствола росли небольшие

кусты и отдельные пятна низкой травы.

При иных обстоятельствах мы пошли бы с Робинсом прямо вперед. Но в данном случае дополнительные меры предосторожности были нелишними. Ведь мы имели дело не только с зверем, который при ранении утрачивает всякий страх перед человеком, но и с таким, который в течение пятнадцати часов накапливал свое раздражение и у которого инстинкт борьбы должен был дойти до предела.

Выходя в это утро, я взял с собой винтовку калибра 275, ей я пользовался и накануне вечером. Хорошее ружье, когда приходится нести его многие мили, но не такое оружие, которое нужно, когда имеешь дело с раненым леопардом. Вот почему вместо того, чтобы идти прямо, я пошел параллельно упавшему дереву, в пятидесяти ярдах от него.

Шаг за шагом — Робин шел впереди — мы двигались вдоль этой линии. Когда мы прошли ветви и поравнялись с прикорневой частью ствола, Робин остановился. Приглядевшись, я увидел привлечший внимание Робина предмет. Это был тихо подымавшийся и опускавшийся кончик хвоста леопарда, верный знак того, что зверь готовится к нападению. Я успел только повернуться на каблуках вправо и вскинул ружье, как леопард перепрыгнул через разделявшие нас кусты и бросился на меня. Моя пуля, выпущенная больше для того, чтобы заставить леопарда отклониться, без всякой надежды убить его или хотя бы задеть, прошла под его брюхом и пробила мясистую часть левого бедра. Скорее звук выстрела, чем эта рана, вынудил леопарда несколько отклониться в прыжке — он пронесся мимо моего правого плеча, не задев меня, и исчез в кустах позади.

Робин не отошел от моей ноги, мы с ним осматривали место, где прошел леопард. Было много крови, но нельзя было сказать, кровоточила ли старая рана или это был результат моего последнего выстрела. Во всяком случае, для Робина это было безразлично: он, не колеблясь, пошел по следу. Миновав труднопроходимые места, мы вошли в заросли; они были мне по колено. Так прошли сотни две ярдов, пока не увидели леопарда прямо перед собой. Не успел я навести на него ружье, как он уже исчез в кусте. Куст этот со стелющимися по земле ветвями был очень значительных размеров и не только скрывал леопарда, но и

давал ему ряд преимуществ для нового нападения.

С моим оружием дальнейшее преследование леопарда было легкомыслием; мы повернули домой.

На следующее утро мы опять были на месте. Робин с волнением ожидал нашего выступления и, оставляя без внимания все интересные запахи в джунглях, заставил бы меня, если бы это было возможно, пробежать весь наш четырехмильный путь.

На этот раз я вооружился ружьем большего калибра и чувствовал себя поэтому гораздо увереннее, чем накануне. В нескольких сотнях ярдов от куста я осторожно послал вперед Робина, зная, насколько опасно надеяться, что раненый зверь находится именно там, где он был оставлен за несколько часов перед этим. Мне вспомнился один печальный случай.

Мой знакомый охотник ранил тигра после полудня и прошел по долине несколько миль по кровавому следу. На следующее утро в сопровождении нескольких человек, один из которых нес его заряженное ружье и указывал дорогу, он решил пойти по вчерашнему следу от того места, где оставил зверя вчера. Примерно в миле от места, где тигр был оставлен накануне, проводник, который был, между прочим, местным шикари, наткнулся на раненого тигра и стал его жертвой. Остальные же участники облавы спаслись бегством.

Я точно заметил расположение куста и послал Робина напрямик в нескольких ярдах от него по подветренной стороне. Робин знал все, что необходимо было знать. Его метод розыска зверя — движение поперек ветра. Мы прошли еще немного и находились в нескольких ярдах от куста, когда Робин встал, повернулся против ветра и указал мне, что он чует леопарда. Как и накануне, мы стояли лицом к упавшему дереву, оно лежало среди густых зарослей, через которые прошел леопард после нападения на нас. По нашу сторону от лежащего дерева местность была открытой, но по другую его сторону густые кусты доходили до пояса. Приказав Робину идти в прежнем направлении, я прошел с ним мимо вчерашнего куста (он не возбудил в Робине интереса), и мы достигли промоины дождевого потока. Здесь, сняв куртку, я положил в нее столько камней, сколько могли выдержать застёжки, и вернулся с этим импровизированным мешком на поляну, около дерева.

Держа ружье наготове, я занял позицию в пятнадцати ярдах от дерева и стал бросать камни — сначала в дерево, потом в кусты по ту его сторону в надежде заставить леопарда (если он жив) выскочить на открытое место, где я имел бы с ним дело. Когда запас камней истощился, я стал кашлять, бить в ладоши и кричать. Но ни во время бомбардировки, ни позже не было

признаков того, что леопард жив, двигается или издает какие-либо звуки.

Теперь у меня были основания идти прямо к дереву и посмотреть, что же происходит по ту сторону. Но, помня старую распространенную в джунглях поговорку: никогда не считать леопарда мертвым, пока с него не снята шкура, — я решил обойти вокруг дерева, постепенно суживая круги до тех пор, пока мне не станет хорошо видно, что делается под его ветвями и на всем протяжении ствола. Радиус моего первого круга был около двадцати пяти ярдов. Я прошел этот круг на две трети, как вдруг Робин остановился. Пока я разглядывал, что привлекло его внимание, послышалось громкое сердитое ворчание и прямо на меня выскочил леопард. Все, что я успел перед этим заметить, — это сильное движение кустарника прямо перед нами. Я успел только сделать полуоборот и вскинуть ружье, когда голова и плечи леопарда появились из кустов в нескольких ярдах от меня. Прыжок леопарда и мой выстрел произошли одновременно; отскочив влево и назад, как только мог, я разрядил второй ствол в бок промелькнувшего мимо меня леопарда.

Когда раненый зверь — тигр или леопард — делает неудачное нападение, он всегда отступает и, не будучи вновь потревоженным, не пытается повторить атаки.

Я шагнул влево, чтобы не наступить на Робина, и, когда стал его разыскивать, не мог нигде увидеть. Это был первый случай за время наших совместных охот, когда он покинул меня в трудном положении. Он теперь, вероятно, старался найти дорогу домой, и у него было мало шансов избежать тех опасностей, которые лежали на его четырехмильном пути через джунгли. Кроме естественных преград, которые могли на таком далеком пути оказаться для Робина непривычными, налицо была еще его сердечная болезнь. Поэтому на поиски Робина я отправился с самыми тяжелыми предчувствиями и вдруг увидел его голову, выглядывавшую из-за дерева на краю небольшой поляны, ярдах в ста от меня. Когда я поднял руку и позвал Робина, он исчез в кустарнике, но немного позже с опущенными глазами и прижатыми ушами молча подполз к моим ногам. Положив ружье, я взял Робина на руки, и он второй раз в жизни облизал мое лицо, выражая при этом тихими горловыми звуками, как он обрадован, найдя меня невредимым, и как ужасно пристыжен тем, что меня покинул.

В этом случае наши реакции на неожиданную опасность, с которой мы столкнулись, были очень типичны для человека и собаки, когда опасность слышна, но не видна: Робина она вынудила искать спасения в быстром и молчаливом бегстве, у

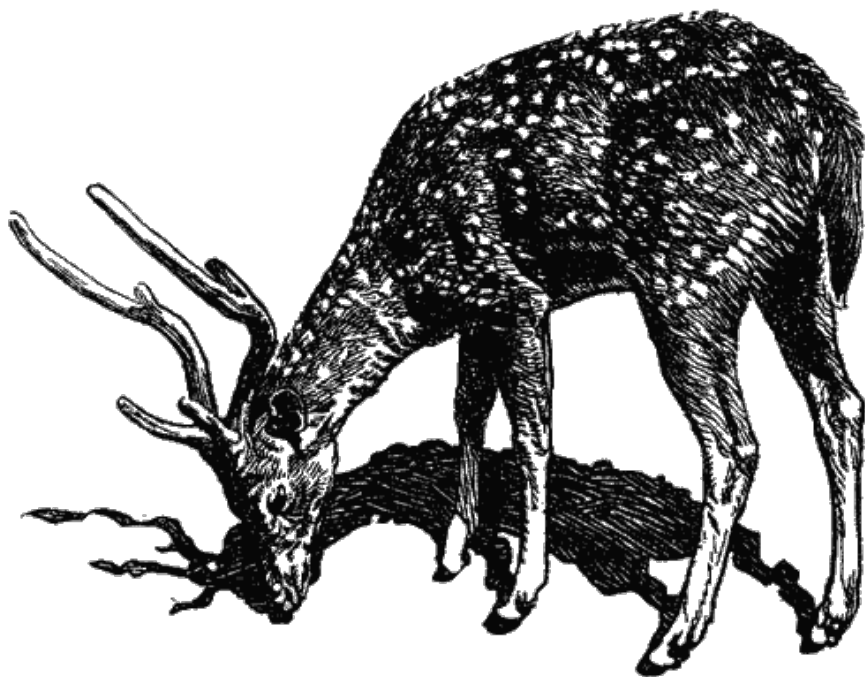
меня же ноги как бы вросли в землю, причем как быстрое, так и всякое иное отступление было невозможным.

Когда я разъяснил Робину, что он не заслуживает порицания за нашу временную разлуку, и его маленькое тело перестало дрожать, я опустил его на землю, и мы вдвоем дошли до места, где леопард, едва не одержавший над нами верх, лежал мертвым.

Я окончил свое повествование, и пока я вам его рассказывал, Робин, самый верный и великодушный друг, которого когда-либо имел человек, удалился в «блаженные охотничьи уголья».

ЧОУГАРСКИЕ ТИГРЫ

Карта восточного Кумаона, висящая передо мной на стене, отмечена крестами, а под каждым крестом указана дата. Эти кресты показывают место и время официально полученных сведений о человеческих жертвах чоугарского тигра-людоеда. На карте 64 креста. Не думаю, чтобы цифра была вполне точной, так как карта заполнялась мной в течение двух лет и не о всех жертвах, имевшихся в то время, мне сообщили. Кроме того, лица, изувеченные и умершие от ран впоследствии, не отмечены на карте.

Первый крест обозначен 15 декабря 1925 г., а последний — 21 марта 1930 г. Расстояние между крайними крестами с севера на юг пятьдесят миль, а с востока на запад тридцать миль. Это площадь около тысячи пятисот квадратных миль среди гор и долин, где зимой лежит глубокий снег, а летом царит палящий зной. На всей территории чоугарский тигр установил царство террора. Там разбросаны деревни разной величины: одни с населением в сто и более человек, другие в один или два дома. Искоженные босыми ногами тропы соединяют эти деревни. Некоторые из этих троп проходят по густым лесам. Когда из-за тигра движение по этим тропам стало опасным, все связи между

деревнями ограничили́сь человеческими голосами. Встав на высоком месте — будь это скала или крыша дома, — обитатель деревни привлекал внимание жителей соседней деревни и, когда на призыв откликались, передавал новости. Так шли новости от деревни к деревне, причем в невероятно короткий срок для этих обширных пространств.

На совещании в уезде в феврале 1929 г. я взял на себя обязательство сделать попытку расправиться с этим тигром. В это время в Кумаоне было три людоеда, и, так как чоугарский здесь причинял наибольший вред, я обещал заняться им в первую очередь.

Карта, отмеченная крестами и датами, предоставленная мне администрацией, показывала, что людоед действовал главным образом в деревнях, расположенных севернее и восточнее Калаагарского хребта. Хребет этот имеет протяжение миль в сорок, достигает высоты в восемь тысяч пятьсот футов, склоны его покрыты густым лесом. Лесная дорога проходит вдоль северной стороны хребта; местами на протяжении целых миль она тянется через густой лес из дуба и рододендрона, местами одну сторону дороги окаймляет лес, а другую — поля. У поворота дороги находилась калаагарская лесная сторожка, куда я и направлялся. После четырехдневного пути, завершившегося крутым подъемом на четыре тысячи футов, я достиг сторожки апрельским вечером 1929 г.

Человеческие жертвы чоугарского тигра-людоеда

Деревня — Число людей

Тали	— 1
Деби-Дхура	— 1
Бархон	— 2
Чамили	— 6
Кахор	— 1
Ам	— 2
Далканиа	— 7
Лохар	— 8
Агхаура	— 2
Пахарпани	— 1
Падампури	— 2
Танда	— 1
Несорийя	— 1
Джангаон	— 1

Кабрагаон — 1
Кала-Агар — 8
Рикхакот — 1
Матела — 3
Кундал — 3
Бабиар — 1
Кансюн — 1
Гаргари — 1
Хайракхан — 2
Укхалдхунга — 1
Пакхари — 1
Дунгари — 2
Гални — 3

Всего — 64

Годовые итоги

1926 — 9 жертв

1927 — 15 жертв

1928 — 14 жертв

1929 — 17 жертв

1930 — 9 жертв

Всего — 64 жертвы

Последней жертвой тигра-людоеда был молодой человек двадцати двух лет. Он был убит, когда пас скот.

На следующее утро пришла повидаться со мной бабушка этого юноши.

Она рассказала, что людоед напал на ее единственного родственника совсем неожиданно. Поведав мне его жизнь со дня рождения и восхваляя его качества, она настойчиво просила меня принять трех молочных буйволов в качестве приманки, добавив, что, если я убью тигра при помощи ее буйволов, она получит удовлетворение от участия в отмщении за внука. Эти буйволы были для меня совершенно бесполезны, но, зная, что отказ будет

сочтен за оскорбление, я поблагодарил старую даму и сказал, что буду рассчитывать на ее буйволов, после того как использую четырех молодых бычков буйволов, приведенных из Найни-Тала.

Затем собрались старосты соседних деревень; от них я узнал, что тигра в последний раз видели десять дней тому назад в деревне, находившейся отсюда за двадцать миль на восточном склоне хребта. Там он убил мужчину и женщину. Искать по следам десятидневной давности не было смысла. После продолжительного разговора со старостами я принял решение перейти в деревню Далканиа на восточном склоне хребта. Далканиа отстоит в десяти милях от Кала-Агара и примерно на таком же расстоянии от деревни, где были убиты мужчина и женщина. На карте число крестов в Далканиа и окрестных деревнях показывало, что там именно и была главная квартира людоеда.

На следующее утро после завтрака я оставил Кала-Агар и двинулся по лесной дороге, которая, как мне сказали, доведет меня до конца хребта. Там я должен был перейти на гору и по ней спуститься две мили до Далканиа. Дорогой этой, проходившей через густой лес, пользовались очень мало. Осматривая по пути все следы, я около двух часов пополудни был у начала тропы. Здесь меня встретило несколько жителей Далканиа. Они уже слышали о моем намерении остановиться в их деревне и пришли сказать, что сегодня тигр напал на группу женщин, занимавшихся жатвой в десяти милях от Далканиа.

Хотя носильщики несли мое лагерное оборудование уже восемь миль, они были готовы пойти со мной и дальше. Но я, узнав, что десятимильная дорога в деревню очень трудна и к тому же проходит через густой лес, решил направить моих спутников и пришедших крестьян в Далканиа, а сам осмотреть место нападения тигра.

В три часа пополудни, подкрепившись, я двинулся в свою десятимильную экскурсию. При благоприятных условиях десять миль — это два с половиной часа спокойной ходьбы, но в данном случае условия никак не могли считаться благоприятными. Путь вдоль восточного склона гор был извилист, пересекал глубокие овраги, по сторонам его находились то скалы, то густые кустарники, то деревья. А так как к каждому укрытию, которое могло таить для меня внезапную гибель от голодного людоеда, надо было подходить с предосторожностями, продвижение было очень медленным. Я все еще находился в нескольких милях от цели, когда заходящее солнце предупредило меня, что пора сделать остановку.

При других обстоятельствах сон под звездным небом на

постели из сухих листьев гарантировал бы ночной отдых, но в создавшейся обстановке спать на земле значило бы рисковать жизнью. Долгая практика научила меня выбирать подходящие деревья и комфортабельно на них устраиваться. Спать на дереве было для меня обычным делом. В данном случае я выбрал дуб и, тщательно прикрепив к суку ружье, проспал несколько часов. Вдруг я был разбужен возней каких-то зверей под деревом. Звуки перемещались. Теперь я услышал царапанье когтей по коре и понял, что семья медведей лезла на растущее ниже по склону дерево карпал. ^[13] На жировке медведи очень сварливы; сон стал невозможным, пока они не наелись и не ушли.

Через 2 часа после восхода солнца я добрался до деревни. Она состояла из двух хижин и загона для скотины и располагалась среди леса на поляне площадью в пять акров. Люди маленькой общины были вне себя от радости при виде меня. Мне указали поле пшеницы в нескольких ярдах от жилищ, на котором лежавший в засаде тигр был замечен как раз в то время, когда он подкрадывался к трем женщинам, занятым уборкой урожая. Человек, который заметил тигра и поднял тревогу, сообщил мне, что зверь ушел в джунгли и что там к нему присоединился другой тигр; они вдвоем спустились по склону горы в лежащую ниже долину. Жители двух хижин не могли заснуть, так как тигры, обманутые в своих ожиданиях добычи, ревели с короткими перерывами всю ночь. Рев их прекратился только незадолго до моего прихода.

Наличие двух тигров подтверждало мои прежние сведения о том, что людоеда сопровождал вполне уже выросший тигренок.

Индийские горцы очень гостеприимны. Когда крестьяне узнали, что я провел ночь в джунглях и что мой лагерь находился в Далканиа, они предложили приготовить мне обед. Я знал, что это может затруднить небольшую общину с ее скудными ресурсами, и поэтому попросил вскипятить мне только чай. Но чая в деревне не было — мне дали напиток из подслащенного молока, очень сытный и достаточно вкусный. По просьбе моих хозяев я встал на стражу, пока они кончили уборку пшеницы. В полдень, сопровождаемый добрыми пожеланиями населения, я спустился в долину в том направлении, где ревели тигры.

Долина начиналась от водораздела трех рек — Ладхия, Нандхаур и Восточной Гоула — и тянулась на протяжении двадцати миль на юго-запад; она была покрыта густым лесом. Идти по следу было невозможно. Чтобы увидеть тигров, следовало привлечь их внимание на себя или скрасть с подхода, пользуясь сигналами животного мира джунглей.

Читателям интересно, быть может, узнать, что птицы и звери

джунглей и «четыре небесных ветра»^[14] имеют очень большое значение для достижения успеха в охоте за тиграми. Здесь не место перечислять названия животных, от тревожных криков которых зависит в значительной мере и успех и личная безопасность охотника. В стране, где трех- или четырехмильный подъем или спуск отражает тысячефутовые изменения общей высоты местности, разнообразие животного мира весьма значительно. Но ветер на любой высоте есть постоянно действующий фактор, и несколько слов о его значении при пешем преследовании тигра представляются уместными.

Тигры не знают, что люди лишены чутя. Став людоедом, тигр относится к человеку совершенно так же, как к другим животным. Следовательно, он приближается к намеченной жертве против ветра или ожидает ее в засаде, лежа под ветром.

Значение этого обстоятельства станет ясным, если представить себе, что в то время как охотник старается увидеть тигра, тот в свою очередь старается скрасть охотника или лежит, поджидая его в засаде. Такое состязание, учитывая высоту тигра, его окраску и бесшумность движений, очень неравное, но в пользу охотника действует ветер.

Во всех случаях, когда убийство совершается тигром с подхода или скрадом, зверь приближается к жертве сзади. Для охотника — самоубийство идти в густые джунгли, где есть все основания ждать, что тигр следит за ним и может напасть внезапно, если охотник не умеет полностью разбираться в воздушных течениях. Так, например, если охотнику по условиям местности необходимо двигаться в том направлении, откуда дует ветер, то опасность находится позади, но если он пойдет «челноком»^[15] под углом к направлению ветра, ему надо считаться с опасностью с правой или левой стороны. При чтении книги все эти приемы не кажутся очень привлекательными и, может быть, не совсем понятны, но на практике они действенны. А так как невозможно все время двигаться спиной вперед, я не знаю лучшего способа передвижения против ветра по густым зарослям, в которых прячется голодный людоед.

К вечеру я достиг края долины, но так и не увидел тигра и не мог удостовериться по поведению зверей и птиц в присутствии его в джунглях. Единственным строением в поле моего зрения был загон для скота, стоявший высоко на северном склоне края долины.

Я был очень внимателен при выборе места для ночлега в этот день и был вознагражден спокойным сном. Вскоре после наступления темноты тигры подали голос, а через несколько минут с пастбища донеслись два выстрела из шомпольного ружья

и крики. Затем наступила тишина.

На следующий день около полудня, когда я обследовал каждый клочок земли в долине и поднимался по травянистому склону, собираясь присоединиться к моим носильщикам в Далканиа, я услышал крики со стороны загона для скота. Крики повторялись, и когда я откликнулся, то увидел, как какой-то человек взобрался на высокую скалу и с этого места стал кричать в долину, призывая саиба, который прибыл из Найни-Тала, застрелить людоеда. Когда я сказал ему, что этот саиб — я, он рассказал, что около полудня скот выбежал из оврага с моей стороны долины и что при проверке после возвращения в загон выяснилось, что исчезла одна белая корова.

Человек подозревал, что корова убита тиграми, рев которых он предыдущей ночью слышал примерно в полумиле западнее от того места, где был я. Поблагодарив его за сведения, я бросился обследовать овраг. Пройдя немного вдоль его края, я нашел следы бежавшего в панике стада и, идя по следам, без труда нашел место, где была убита корова. Убив корову, тигры стащили ее в овраг по крутому склону. Подходить по волоку^[16] не следовало. Поэтому я сделал большой обход и подошел с противоположной стороны оврага к месту, где, по моим предположениям, лежала корова. Эта стена оврага была менее обрывиста, чем та, по которой тигры тащили корову, и густо поросла молодым кустарником — условия для подхода были идеальными. Шаг за шагом, тихо как тень я пробирался через кусты, достигавшие мне до пояса. Когда я был ярдах в тридцати от оврага, какое-то движение привлекло мое внимание. Внезапно у кустарников показалась белая нога коровы. Мгновением позже раздалось громкое ворчание: тигры были у добычи и, вероятно, ссорились из-за какого-то лакомого куска.

Несколько минут я простоял в полной неподвижности. Рычание не повторялось. Подходить ближе было опасно. Если бы я даже успел, оставаясь незамеченным, подобраться на тридцать ярдов и убить одного из тигров, то было пятьдесят процентов вероятности, что второй тигр бросится на меня, тогда как местность исключала возможность самозащиты. В двадцати ярдах влево от меня и примерно на таком же расстоянии от тигров был выступ в десять — пятнадцать футов вышиной. Если бы я смог незаметно взобраться на выступ, наверное, легко мог бы выстрелить по тиграм. Опираясь на руки и колени и толкая перед собой штуцер, я прополз через кустарник к краю скалы и остановился на минуту, чтобы перевести дыхание и проверить, заряжен ли штуцер. Потом я стал взбираться на скалу. Когда глаза мои достигли уровня ее вершины, я увидел обоих тигров.

Один поедал заднюю часть коровы, а другой лежал вблизи и облизывал лапы. Оба тигра казались приблизительно одинаковых размеров. Тот, который лизал лапы, имел более светлую окраску. Сделав вывод, что светлая окраска связана с возрастом и что это и есть старый людоед, я тщательно прицелился и выстрелил. После выстрела он подпрыгнул и упал на спину. Второй тигр исчез из поля зрения раньше, чем я успел нажать на второй спуск. Тигр, по которому я стрелял, лежал неподвижно. Бросив в него несколько камней и убедившись, что зверь мертв, я подошел и почувствовал разочарование: беглый взгляд убедил меня, что я ошибся и застрелил молодого тигра. Ошибка эта в течение последующих двенадцати месяцев стоила жизни двенадцати людям, а в одном случае чуть не лишила жизни и меня.

Разочарование несколько смягчалось такими соображениями: если молодая тигрица сама и не убивала людей, то она, вероятно, помогала своей старой матери при ее нападениях (впоследствии я узнал факты, подтверждающие это предположение); во всяком случае, она была выкормлена человеческим мясом, и я для самоутраждения имел право отнести ее к категории «потенциальных» тигров-людоедов.

Снять шкуру с тигра с посторонней помощью на открытом месте и при наличии необходимых инструментов — дело несложное, но в данном случае работа отнюдь не была простой. Я был один среди густого кустарника, и единственным моим орудием был карманный нож. И хотя реальной опасности нападения людоеда не было, так как тигры никогда не убивают, удовлетворив свои потребности в пище, у меня в глубине души все же оставалось неприятное ощущение: мне казалось, что тигрица вернулась и следит за каждым моим движением.

Солнце почти уже село, а моя трудная работа все еще не была закончена. Приходилось провести еще одну ночь в джунглях, и я решил оставаться на месте. Судя по следам, тигрица была очень старой. Всю свою жизнь она провела в местности, где имелось почти столько же ружей, сколько и людей. Она все знала о человеке и о его повадках. Но все же не исключена была вероятность, что тигрица вернется ночью к добыче и останется поблизости от нее до утра.

Найти подходящее место для ночевки было трудно, но дерево, выбранное мною для ночлега, оказалось, как я понял на рассвете, самым неудобным из всех, на каких мне приходилось высидеть двенадцать часов подряд. Ночью временами слышно было, как ревела тигрица. По мере наступления утра рев становился все слабее и слабее и, наконец, прекратился где-то на хребте, возвышавшемся над долиной.

Усталый, иззябший и голодный — я пятьдесят четыре часа оставался без еды, — в прилипнувшей к телу одежде (ночью четыре часа лил дождь) я слез с дерева, когда видимость стала удовлетворительной, прикрепил к куртке тигровую шкуру и двинулся в Далканиа.

Мне не приходилось взвешивать сырой тигровой шкуры, но теперь мне казалось, что если в начале моего пятнадцатимильного пути шкура плюс голова и лапы весили сорок фунтов, то в конце его — я мог бы в этом присягнуть — вес их был двести фунтов.

Во дворе, общем для дюжины домов, вымощенном большими синеватыми плитами, я застал моих спутников в беседе с сотней, а то и более местных крестьян. Мое появление не было замечено. Но те приветствия, которые выпали на мою долю, когда забрызганный грязью и кровью я остановился среди сидевших на корточках людей, никогда не изгладятся из памяти.

Моя маленькая палатка была разбита на жнивье в сотне ярдов от деревни. Там уже ждал нас чай на импровизированном столе, сделанном из досок и ящиков. Крестьяне рассказывали, что люди, прослужившие у меня десять лет и не раз участвовавшие в подобного рода экспедициях, отказались верить тому, что я мог стать жертвой тигра. Они день и ночь кипятили воду для чая в ожидании моего прихода. Они упорно доказывали невозможность моей гибели старостам Далканиа и окрестных деревень, которые готовы были уже послать в Найни-Тал извещение о моей смерти.

Волей-неволей пришлось принимать горячий душ на виду всей деревни. Я был слишком грязным и усталым, чтобы прятаться от чужих взглядов. После сытного обеда, когда я собирался уже ложиться спать, вспышка молнии, а за ней тяжелый раскат грома возвестили приближение бури. В такой обстановке колышки палатки мало помогают, пришлось спешно доставать длинные шесты, вбивать их в землю и прикреплять к ним веревки палатки. Целый час продолжалась буря с ливнем; это было самое сильное ненастье, которое когда-либо выпадало на долю маленькой палатки. Часть креплений была сорвана, но остальные удержались, устояли и шесты. Почти все вещи промокли насквозь, и небольшой ручеек в несколько дюймов глубиной протекал от одного угла палатки к другому. Но постель оставалась довольно сухой. Около десяти часов вечера я поместил своих спутников в надежном месте — в отведенном для них крестьянском доме. Сам я, положив рядом заряженное ружье, беспребудно проспал двенадцать часов подряд.

На следующий день я занялся просушкой походного снаряжения и обработкой тигровой шкуры. Тем временем жители

деревни отдыхали от полевых работ: они собрались и делились со мной всеми своими переживаниями по поводу действий тигра и изредка слушали мои рассказы. Каждый из присутствующих мог сообщить об утратах или своих лично, или родственников. Некоторые из них даже носили на себе следы когтей и зубов тигра, который пытался их уничтожить. Мое сожаление о пропущенном случае убить зверя ими не разделялось. Правда, тут прежде был только один тигр-людоед. Но в последние месяцы спасательные партии, искавшие останки человеческих жертв, встречали двух тигров. Неделью тому назад были убиты мужчина и его жена; это давало основание думать, что оба тигра были людоедами.

Моя палатка была расположена на горе, с которой открывалась широкая панорама. Прямо внизу находилась долина реки Нандхаур, на противоположной стороне ее поднималась на высоту девяти тысяч футов лишенная растительности гора. Когда я вечером сидел с картой и хорошим биноклем в руках, крестьяне указали мне места, где за последние три года было убито двадцать человек. Жертвы более или менее равномерно распределялись на пространстве в сорок квадратных миль. В здешних лесах был дозволен свободный выпас скота, и я решил использовать моих буйволов как приманку, привязав их там, где часто проходил скот.

В течение последующих десяти дней никаких известий о тигрице не поступало. Я проводил время, посещая по утрам буйволов, обходя лес днем и опять привязывая их на ночь. На одиннадцатый день мне сообщили, что в овраге под моей палаткой была убита корова. Осмотр трупа, однако, убедил меня, что виновник убийства — старый леопард, следы которого мне уже попадались несколько раз.

Жители жаловались, что леопард в течение нескольких лет берет с них тяжелую дань скотом, и я решил подкараулить его, устроив засидку. Неглубокая пещера вблизи мертвой коровы была подходящим укрытием. Недолго просидев в этой пещере, я увидел спускавшегося с противоположной стороны оврага леопарда. Но только я вскинул ружье для выстрела, как со стороны деревни раздались встревоженные голоса, призывающие меня на помощь. Причина этих криков могла быть только одна — появление тигра; схватив шляпу, я, к крайнему изумлению леопарда, выскочил из пещеры. Он сначала распластался на земле, а потом исчез по склону оврага. Поднявшись наверх, я крикнул приближавшемуся человеку, что иду, и поспешил к нему с предельной скоростью.

Гонец бежал все расстояние от деревни. Отдышавшись, он

сообщил мне, что тигр только что убил человека примерно в полумиле от дальнего края деревни. Когда мы бежали вниз по горе, я увидел, что во дворе одного из домов уже собралась толпа. И на этот раз мое приближение осталось незамеченным. Заглянув через головы собравшихся людей, я увидел сидевшую на земле девушку. Часть платья с нее была сорвана. Закинув голову назад и упираясь руками в землю, она сидела без звука и движения, только грудь ее высоко поднималась, а с лица и затылка текла кровь, свертывавшаяся в густую массу.

Мое присутствие скоро было замечено, и я смог приблизиться к потерпевшей. Пока я осматривал ее раны, множество людей, говоря одновременно, передавало подробности происшествия. Оказывается, нападение произошло на довольно открытой местности, на виду у многих жителей и даже мужа молодой индианки; испуганный криками тигр бросил жертву, скрылся в направлении леса, оставив ее лежащей замертво на том месте, где она упала; люди побежали в деревню, чтобы сказать мне о происшествии; затем молодая женщина пришла в сознание и вернулась в деревню; все считали, что она, конечно, умрет от ран через несколько минут и что тогда жители отнесут ее труп на место нападения, а я смогу устроить у трупа засидку и убить тигра.

Пока мне все это рассказывали, глаза потерпевшей не отрывались от моего лица и следили за малейшими моими движениями с умоляющим выражением, напоминающим взгляд раненого и испуганного животного. Простор для моих движений, известное спокойствие для обдумывания дальнейших действий, а для раненой чистый воздух — были совершенно необходимы. Я опасаясь, что примененные мной методы были не такими деликатными, как следовало бы. Когда последний из мужчин поспешно удалился, я послал женщин — они до этого времени оставались на заднем плане — за теплой водой и приказал им готовить бинты из моей рубашки, она была относительно сухой и чистой. Какая-то девушка (она казалась на грани истерического припадка) отправилась в деревню на поиски ножниц. Вода и бинты были давно уже готовы, когда девушка вернулась с единственной парой ножниц, имевшихся в деревне. Они найдены были в доме давно умершего портного; его вдова пользовалась ими для выкапывания картофеля. Лезвия ножниц, имевших примерно восемь дюймов в длину, не совпадали ни в одной точке. После тщетных попыток исправить ножницы я решил оставить в покое слипшиеся от крови волосы раненой.

Основных ран от когтей тигра было две: одна начиналась между глазами и шла прямо по голове к затылку и шее, разодрав

кожу на две отвисшие половины; вторая начиналась вблизи от первой и шла по передней части головы к правому уху. Кроме этих страшных зияющих ран, было много глубоких царапин на правой груди, правом плече и правой стороне шеи, а также глубокий разрез на тыльной стороне правой руки, несомненно полученный при тщетной попытке женщины защитить рукой голову.

Мой приятель доктор, однажды участвовавший со мной в охоте на тигра, после нашего возвращения в одно тревожное утро подарил мне двухунцевую бутылочку с желтой жидкостью и посоветовал иметь ее всегда под руками на охоте. Я уже больше года носил ее во внутреннем кармане охотничьей куртки, и жидкость частью испарилась. Но все же бутылочка была полна на три четверти. Обмыв голову и тело женщины, я вылил до последней капли содержимое бутылочки на ее раны. Сделав это, я закрепил кожу, перевязал раны, поднял потерпевшую и отнес ее в дом; он состоял из единственной комнаты, служившей супругам жильем, кухней и детской. За мной последовали женщины.

У двери дома к балке была подвешена корзинка, обитатель которой криком требовал, чтобы его накормили. Это было осложнение, с которым я не мог справиться, разрешение его я предоставил собравшимся женщинам.

Через десять дней, посетив накануне моего отъезда в последний раз пострадавшую, я нашел ее сидящей на пороге дома с младенцем на коленях. Все ее раны, кроме одной на шее, где когти тигра очень глубоко вонзились в мышцы, зажили. Разъединив свои пышные иссиня-черные волосы, чтобы показать мне, что кожа срослась вполне правильно, женщина с улыбкой сказала, что очень рада тому, что ее младшая сестра по ошибке взяла не те ножницы у вдовы портного (стриженные волосы — признак вдовства). Если мой друг доктор когда-либо прочтет эти строки, мне доставит удовольствие, что я мог ему сообщить, как данная им так предусмотрительно маленькая бутылочка желтой жидкости помогла мне спасти жизнь очень славной молодой матери.

Пока я занимался раненой, мои люди достали козла. Я пошел по кровавому следу, оставленному женщиной, дошел до места нападения и привязал животное к кусту. Потом влез на небольшой дуб, единственное дерево в ближайших окрестностях. Тут я приготовился бодрствовать всю ночь.

Спать нельзя было даже урывками: моя засидка незначительно возвышалась над землей, а тигрица все еще оставалась без обеда. Однако я ничего не увидел и не услышал в течение всей ночи.

При осмотре местности следующим утром (накануне вечером у меня не было для этого времени) я выяснил, что тигрица после нападения на женщину ушла на полмили вверх по долине до места, где протоптанная скотом дорожка пересекала реку Нандхаур. Потом тигрица прошла две мили по этой тропе до места соединения ее с лесной дорогой на хребте над Далканиа. Здесь следы терялись.

В течение следующих двух дней население всех окрестных деревень держалось так близко от жилищ, как только позволяли требования санитарии. На третье утро четыре скорохода принесли мне известие, что тигр унес жертву из Лохали, деревни, находившейся в пяти милях южнее Далканиа. Скороходы говорили, что расстояние до нее по лесной дороге — десять миль, но только пять напрямик, где они и предложили меня провести. Сборы мои недолги, вскоре после полудня я отправился в путь с четырьмя провожатыми.

Очень крутой двухмильный подъем вывел нас на гребень длинного хребта, расположенного к югу от Далканиа. Отсюда открывался вид на лежащую в трех милях ниже долину, где произошло убийство. Проводники не знали о нем никаких подробностей. Сами они жили в небольшой деревне в миле от Лохали и около десяти часов утра узнали, что одна женщина из Лохали убита тигром и что это известие необходимо передать мне в Далканиа.

Вершина горы, на которой мы остановились, была безлесной. Пока я отдыхал и курил, спутники знакомили меня с ориентирами окрестностей. Вблизи от места нашего отдыха под прикрытием большой скалы стояла небольшая уже развалившаяся хижина, окруженная изгородью из колючих кустов. Я спросил, что это за дом, и мне рассказали следующую историю.

Четыре года тому назад какой-то «бхатиа» (чужеземец^[17]), занимавшийся зимой отправкой грузов сахара-сырца, соли и тому подобных товаров с предгорных базаров во внутренние части уезда, построил этот домик для отдыха в пути и откорма в летнее, дождливое время года своего стада коз. Он рассчитывал использовать дом и в следующий зимний сезон. Через несколько недель козы этого человека спустились с гор и потравили посевы моих собеседников. Они пошли в хижину, чтобы заявить протест, но нашли ее пустой. Большая пастушья собака, охранявшая всегда хозяина дома при его ночных остановках в пути, лежала мертвой, привязанной к железному колышку. Возникли подозрения, что произошло преступление. На следующий день из окрестных деревень собралась группа людей и начаты были поиски. Показывая мне на сожженный молнией дуб примерно в

четырёхстах ярдах от нас, рассказчики говорили, что под этим деревом были найдены останки чужеземца: череп, обломки костей и его одежда. Это и была первая человеческая жертва чоугарского тигра-людоеда.

Спуститься по обрывистому склону от места нашей остановки было невозможно. По словам проводников, нам следовало двигаться полмили по гребню и там перейти на очень крутую и трудную для ходьбы тропинку, шедшую прямо вниз мимо их деревни до Лохали, видневшейся внизу в долине. Мы прошли половину дороги по гребню, когда я внезапно, без какой-либо явной причины, почувствовал, что нас преследуют. Разуверять себя в этом ощущении было совершенно бесполезно. С другой стороны, в окрестностях был только один людоед, он получил уже добычу милях в трех от этого места и, по-видимому, ее не бросил. Неприятное чувство все же не оставляло меня. Поэтому, когда мы достигли самой широкой части покрытого травой гребня, я приказал своим помощникам ждать моего возвращения, а сам пошел на разведку местности. Пройдя обратно до той точки, где мы поднялись на гребень, я вошел в заросли и тщательно осмотрел их, а затем вернулся на открытое место, где оставил своих спутников. Не было слышно ни единого тревожного крика зверя или птицы, указывавшего на присутствие тигра поблизости. Несмотря на это, я приказал всем идти вперед, а сам пошел в арьергарде, держа палец на спуске, постоянно оглядываясь назад.

Когда мы дошли до небольшой деревни, откуда пришли мои спутники, они попросили у меня разрешения остаться. Я был очень рад этой просьбе, так как нам еще предстояла целая миля пути через густые кустарники. Хотя ощущение, что меня преследуют, давно исчезло, но я всегда чувствовал себя спокойнее и безопаснее, когда мне приходилось оберегать только себя самого. Немного ниже края расположенных уступами деревенских полей был кристально чистый родник, откуда жители брали воду. Здесь на мягком и вязком грунте я обнаружил свежие отпечатки лап людоеда.

Следы эти вели от деревни в том направлении, откуда я пришел. Это обстоятельство, принимая во внимание неприятное чувство, которое я испытал на гребне, убедило меня, что у тигра что-то не получилось с добычей и что мои поиски могут остаться безуспешными. Выйдя из кустарниковых зарослей, я увидел Лохали. Деревня состояла из пяти или шести хижин. У дверей одной из них собрались люди.

Мое приближение по крутому открытому склону и спускавшимся уступами полям было замечено. Несколько человек отделилось от стоявшей у двери группы и пошло мне навстречу.

Один из них, старик, дотронулся до моей ноги и со слезами на щеках умолял меня спасти жизнь его единственной дочери. Часов в десять утра она пошла набрать сухих сучьев, чтобы приготовить обед. Небольшой поток протекал вдоль долины, на противоположном берегу круто возвышалась гора. У межи крайнего поля в расстоянии ста пятидесяти ярдов от дома женщина приступила к работе. Немного позднее несколько других женщин, занимавшихся на речке стиркой, услышали крик и увидели, как тигр, схватив женщину, исчез с нею в густых колючих кустах, тянувшихся вниз по течению. Прибежав в деревню, женщины подняли тревогу. Испуганные жители сами не пытались спасти жертву. Просьба о помощи была передана криками в соседнюю деревню, расположенную выше по долине, оттуда и пошли за мной четверо мужчин. Через полчаса раненая женщина приползла домой. Она говорила, что увидела тигра в тот момент, когда он уже приготовился к прыжку. Бежать было поздно. Когда женщина, бросившись вниз с отвесной скалы, находилась еще в воздухе, она была схвачена тигром; оба покатались вниз. Больше она ничего не помнила, пока не пришла в сознание вблизи реки. Не в силах кричать, она приползла в деревню.

Я слушал эту историю, пока мы шли к дверям дома. Приказав присутствующим не входить в единственную в доме дверь, я приподнял залитую кровью простыню, прикрывавшую женщину. У меня в кармане был только небольшой запас марганцевого калия. Но даже если бы на моем месте был квалифицированный врач со всеми необходимыми инструментами, и он, как я думаю, не смог бы спасти ей жизнь. Глубокие раны от зубов и когтей на лице, шее и других частях тела в жаркой и непроветриваемой комнате сразу превратились в септические. К счастью для женщины, она была в полубессознательном состоянии. Старик отец вошел за мной в комнату. Больше для того, чтобы успокоить его хотя бы тем, что делается все возможное, я смыл запекающуюся кровь с головы и тела женщины и, как только мог, очистил раны при помощи перочинного ножа и крепкого раствора марганцевого калия.

Думать о возвращении в мой лагерь было слишком поздно: надо было найти пристанище, где провести ночь. Немного выше по ручью и невдалеке от места, где женщины стирали белье, росло гигантское дерево пипал,^[18] обложенное каменной кладкой. Жители пользовались ею для религиозных церемоний.

Я разделся на этой каменной платформе — она была высотой в фут — и выкупался в ручье. Ветер заменил мне полотенце. Одевшись, я прислонился спиной к дереву, положил рядом заряженное ружье и приготовился провести так ночь. Место для

этого было, конечно, неподходящее, но было лучше в сравнении с деревянной и той темной комнатой со зловонной атмосферой и роями жужжащих мух, где тяжело раненная отчаянно боролась за жизнь.

Послышавшийся ночью плач женщин известил меня, что муки страдальцы кончились.

Случай с этой несчастной женщиной и с девушкой из Далканиа показал, что успех нападений старой тигрицы на людей в значительной мере зависел от помощи, которую она получала от молодого тигра. Как правило, на сто случаев нападения тигров-людоедов бывает только один, когда жертва ускользает от зверя. Относительно же этого людоеда стало ясно, что искалеченных им людей будет больше, чем убитых. Так как ближайшая больница отстояла за пятьдесят миль, я по возвращении в Найни-Тал обратился к администрации с предложением выслать запас дезинфицирующих средств и перевязочных материалов старостам всех деревень, расположенных в районе действия людоеда. Когда я опять посетил эти места, я рад был узнать, что моя просьба была выполнена и что дезинфицирующие средства спасли жизнь многих людей.

Следующую неделю я провел в Далканиа и в субботу объявил, что в понедельник отправляюсь домой. Я почти целый месяц провел во владениях людоеда, и постоянное напряжение при ночевках в палатке, при бесконечных многомильных хождениях днем — при этом с перспективой, что каждый шаг может стать последним, — начали отражаться на моих нервах. Жители приняли мое сообщение с огорчением и только тогда перестали просить меня переменить решение, когда заручились моим обещанием вернуться при первой возможности.

Утром в субботу, после завтрака, староста Далканиа посетил меня и попросил перед уходом добыть дичи для населения. Я охотно согласился и через полчаса в сопровождении одного из моих людей и четверых местных жителей, захватив винтовку 275 и обойму патронов, направился по той стороне реки Нандхаур в горы, на вершинах которых из моего лагеря часто видал горалов.

Один из сопровождавших меня крестьян был высокий худой человек с обезображенным лицом. Он был моим постоянным гостем в лагере и, обнаружив во мне хорошего слушателя, рассказывал и пересказывал мне историю своей встречи с людоедом так часто, что я без труда мог бы целиком повторить ее даже во сне. Эта встреча произошла четыре года тому назад. Лучшее представление о ней могут дать слова самого рассказчика.

«Видите ли вы, саиб, эту сосну за поворотом горы среди травянистого склона? Да, сосну, восточнее которой расположена большая белая скала. Так вот, у верхнего края этого травянистого склона и напал на меня людоед. Травянистый склон опускается книзу так отвесно, что никто, кроме горца, не найдет на нем точки опоры для ног. Мой сын — тогда ему было восемь лет — жал со мной траву в день, когда меня постигло несчастье. Охапки травы мы относили к опушке леса, на ровное место.

Я стоял на самом краю обрыва, связывая большой пучок травы, когда тигр прыгнул на меня и вонзил зубы — один под правый глаз, другой в подбородок, а два других — вот в это место на задней стороне шеи. Тигр сильно толкнул меня мордой, я опрокинулся на спину, а тигр навалился грудью на мою грудь; брюхо тигра было между моих ног. Падая назад, я вытянул руки, и моя правая рука захватила молодой дубок. В момент, когда мои пальцы цеплялись за деревце, в голову мне пришла мысль: ноги мои свободны и, если бы я сумел приподнять их, придвинуть и прижать к брюху тигра, я мог бы сбросить зверя и убежать. Боль, когда тигр раздробил мне все кости правой стороны лица, была ужасной. Но я не потерял сознание потому, что, видите ли, саиб, в то время я был молод и во всех наших горах никто не мог бы сравниться со мною в силе. Медленно-медленно, чтобы не возбудить у тигра подозрений, я приподнял ноги к обоим бокам тигра, осторожно прижимая мои босые стопы к брюху зверя. Потом я уперся левой рукой в грудь тигра и, толкнув что было сил, сбросил его. А так как мы находились на самом краю отвесного обрыва, тигр покатился вниз и увлек бы меня с собой, если бы я не держался так крепко за деревце.

Мой сын был так перепуган, что не мог убежать. Когда тигр исчез, я снял с сына белье, обвязал себе голову, а затем, держась за руку мальчика, пошел к деревне. Придя домой, я сказал жене, чтобы она созвала всех моих друзей: перед смертью мне хотелось увидеть их лица. Когда друзья собрались и увидели, в каком я состоянии, они хотели положить меня на носилки и отнести за пятьдесят миль в Алмора, в больницу. Я не согласился, так как сильно страдал и был уверен, что пришла смерть. А умереть я хотел на родине.

Принесли воды — меня мучила жажда, голова горела, как в

огне. Но когда мне влили в рот воду, она вытекла через раны в моей шее. А потом бесконечно долго сознание мое оставалось помутившимся, голова и шея очень болели. И когда я стал уже призывать смерть, чтобы избавиться от мук, мои раны зажили и я выздоровел.

И теперь, саиб, как вы видите, я старый, худой и седой, на мое лицо никто не может глядеть без отвращения. А мой враг живет и продолжает уносить жертвы. Но не надо заблуждаться, считая его тигром. Он не тигр, а злой дух, который принимает облик тигра только на короткое время, когда захочет человеческой крови и мяса. Но говорят, что вы — садху,^[19] саиб, а духи, охраняющие садху, гораздо могущественней этого злого духа. Это доказано тем, что вы один провели в джунглях три дня и три ночи и вышли оттуда целым и невредимым. А ваши люди говорят, что иначе и быть не могло».

Смотря на громадную фигуру этого человека, легко можно было себе представить, что он был настоящим богатырем. Надо было обладать совершенно исключительной силой, чтобы приподнять тигрицу на воздух,^[20] вынудив ее выпустить схваченную голову (оторвав при этом чуть не половину лица), и сбросить с крутой горы.

Мой друг предложил свои услуги в качестве проводника и с превосходно отточенным топором на длинной рукояти на плече повел нас извилистыми тропами в лежащую внизу долину. Перейдя вброд Нандхаур, мы пересекли несколько расположенных уступами полей, заброшенных теперь из страха перед людоедом, дошли до подножия горы и начали подъем. Склон оказался очень крутым и был покрыт лесом, а выше — лугами. Мой друг был утомлен, но не утратил быстроты: я мог не отставать от него, только призывая его к частым остановкам, во время которых любовался пейзажем.

Выйдя из леса, мы прошли наискось по травянистому склону к скале, подымавшейся над местностью на тысячу футов, а быть может, и более. На этой скале, покрытой местами куртинами низкой травы, я видел из моей палатки пасущихся горалов. Мы прошли еще несколько сотен ярдов, когда один горал выскочил из оврага, а после моего выстрела свалился и опять исчез из виду. Встревоженный этим выстрелом, другой горал, по-видимому спавший у подножия скалы, вскочил, взбежал по склону с быстротой, с которой мог бы сравниться с ним только его близкий родственник — тар. Когда горал взбирался наверх, я приложился, поставил прицел «двести ярдов» и стал ждать, пока зверь не остановится.

Он сделал это, выйдя на вершину скалы, чтобы заглянуть

вниз в нашем направлении. При моем выстреле горал пошатнулся, однако устоял на ногах и стал медленно продолжать подъем. После второго выстрела он упал, задержался на одну-две секунды на узком карнизе и потом свалился на то самое место на травянистом склоне, где впервые появился. Ударившись о землю, он стал катиться ниже и ниже на расстоянии сотни ярдов от нас и, наконец, остался лежать на выбитой скотом тропинке в ста пятидесяти ярдах ниже нас.

Только единственный раз за все годы своей охотничьей жизни я был свидетелем картины, подобной той, какую увидал в следующее мгновение. В том случае действующим лицом был леопард.

Как только движение убитого горала по склону остановилось, из оврага с противоположной стороны появился большой гималайский медведь и, не оглядываясь, быстро побежал по тропинке. Дойдя до мертвого горала, он сел и схватил его, потом стал обнюхивать; в это время я выстрелил. Возможно, что я поторопился или неправильно определил расстояние. Во всяком случае пуля пролетела слишком низко и ударила медведя в брюхо, а не в грудь. Нам, шести зрителям, показалось, что медведь приписал удар пули нападению горала. Он с тревожным ворчанием поскакал вниз по тропе. Когда медведь находился в ста ярдах ниже нас, я выстрелил пятым, и последним, зарядом. Эта пуля, как я потом выяснил, прошла через заднюю часть его тела.

Мои люди пошли за двумя горалами, а я отправился осмотреть кровавые следы. Судя по крови, медведь был тяжело ранен, но преследовать его с пустым ружьем было опасно. Медведи и при самых для них благоприятных обстоятельствах проявляют скверный характер, а будучи ранены, представляют собой страшных противников.

Когда мои слуги подошли ко мне, мы устроили краткий военный совет: лагерь находился от нас в трех с половиной милях, и так как было уже два часа пополудни, у нас не хватало времени, чтобы вернуться в лагерь за боеприпасами, пойти потом по следу медведя, убить его и попасть в лагерь до наступления темноты. Поэтому было принято единодушное решение немедленно начать преследование медведя и попытаться прикончить его топором и камнями.

Гора была крутой и почти лишенной растительности. Если нам удалось бы погнать зверя вверх, то, вероятно, представилась бы возможность выполнить нашу задачу. Мы отправились — я впереди, за мной три человека, а позади двое остальных, несших на спине горалов. Через двести ярдов кровавый след привел нас в

глубокий овраг. Здесь мы разделились: два человека перешли на дальнюю сторону оврага, а я с владельцем топора остановился; тут же пошли люди с горалами.

По моему сигналу все двинулись вниз. На дне оврага в пятидесяти ярдах от нас росли густые заросли карликового бамбука; когда в них был брошен камень, медведь выбежал с яростным рычанием. Шесть человек из всех сил бросились вверх по склону. Я не был привычен к таким упражнениям; оглянувшись вниз, не догоняет ли меня медведь, я к своему успокоению увидел, что он так же стремительно бежал теперь вниз, как мы вверх. Я окликнул своих спутников; трое из нас переменили направление и с громкими криками стали быстро настигать зверя. Отмечено было несколько удачных попаданий камнями, сопровождавшихся радостными возгласами людей и тревожным ворчанием медведя. За крутым поворотом оврага, приближаться к которому надо было с осторожностью, мы потеряли медведя из виду.

До этого места идти по кровавому следу было легко; но здесь овраг был завален большими камнями, за которыми мог подстерегать медведь. Люди, несшие горалов, присели отдохнуть, а мы произвели новую бомбардировку камнями с обоих склонов оврага. Потом мои спутники пошли вперед осмотреть овраг, я же пошел направо к крутой скале с обрывом примерно в двести футов. Ухватившись за дерево, я нагнулся над обрывом и увидел, что медведь лежит на узком карнизе в сорока футах подо мной. Я схватил камень весом около тридцати фунтов, приблизился к краю обрыва с риском свалиться вниз, поднял двумя руками камень над головой и сбросил его.

Камень ударился о карниз в нескольких дюймах от головы медведя, тот вскочил на ноги и исчез, появившись через минуту на склоне горы. Охота продолжалась. Местность была более открытой и менее заваленной камнями.

Мы четвером — хорошие бегуны — не отставали от медведя. Так мы с предельной быстротой пробежали милю или более того, миновали, наконец, лес и очутились на расположенных уступами полях. Дождевые потоки прорыли в полях несколько глубоких и узких промоин; в одной из них скрылся медведь.

Среди всех нас только человек с обезображенным лицом имел оружие; ему единогласно было поручено докончить медведя. Он осторожно подошел, занес свой прекрасно отточенный топор и опустил обух на голову медведя. Результат был неожиданный и странный. Топор отскочил от черепа медведя, как будто он ударился о резину. С яростным ревом зверь поднялся на задние лапы. К счастью, он не воспользовался своим преимуществом,

пока мы стояли скучившись, и мы успели разбежаться в разные стороны.

Медведю, по-видимому, не нравилась открытая местность, и, пройдя небольшое расстояние вниз по промоине, он опять залег. Теперь наступила моя очередь действовать топором. Медведь прекрасно понимал значение моего приближения. Только после долгих маневров мне удалось подойти к нему на расстояние, позволявшее ударить. Когда я был мальчиком, я мечтал стать лесорубом в Канаде и достиг достаточного умения владеть топором, чтобы раскалывать им спички. Я поэтому не опасался, как владелец топора, промахнуться и попортить топор о камни. Улучив момент, я погрузил все лезвие в череп медведя.

Шкуры гималайских медведей ценятся очень высоко. Когда я сказал владельцу топора, что ему принадлежит шкура медведя и вдобавок двойная порция мяса горала, он был очень горд, а другие спутники почувствовали некоторую зависть. Дав возможность людям — число их быстро возрастало за счет подходивших из деревни — снимать шкуры и делить добычу, я поднялся в деревню и, как уже было сказано, в последний раз посетил раненую женщину. День был очень утомительным, и если бы людоед явился в эту ночь, он мог бы захватить меня врасплох.

На моем пути в Далканиа было несколько длинных крутых подъемов по безлесным горам. Когда я указал на эти неудобства жителям деревни, они посоветовали мне двинуться в обратный путь через Хайракхан. На этой дороге был только один подъем на гребень, расположенный выше деревни, а за ним дорога шла все время вниз, до Ранибага, там я мог сесть на поезд, идущий в Найни-Тал.

Еще накануне я предупредил всех, что мы должны подготовиться к раннему выступлению. Незадолго до восхода солнца я попрощался с друзьями в Далканиа, и мы начали двухмильный подъем по лесной дороге на гребень гор. Лично я шел другой тропой, по которой местные крестьяне ходили на базары в предгорьях.

Извилистая тропа проходила среди леса и густого кустарника, то спускаясь в овраги, то выходя из них. Уже неделю не было сведений о тигрице. Отсутствие новостей заставляло меня быть крайне осторожным. Через час после выступления из лагеря я благополучно вышел на открытое место близ вершины горы в сотне ярдов от лесной дороги.

Это открытое место имело грушевидные очертания, ярдов сто в длину и пятьдесят в ширину; посередине была лужа застоявшейся дождевой воды. Замбар и другие звери использовали лужу как водопой, тут были и их лежки.

Интересуясь следами, я оставил тропу, находившуюся у окраины поляны и близко подходившую к дороге с нависшей скалой. Подойдя к луже, я увидел следы тигрицы на мягкой почве у края воды. Она приходила к луже тем же путем и, будучи, очевидно, потревожена мной, перешла через воду и углубилась в густые заросли на правой стороне поляны. Если бы я так же внимательно смотрел вперед, как назад, я увидел бы тигрицу прежде, чем она меня. Все же, хотя возможность была упущена, все преимущества были теперь на моей стороне.

Тигрица меня видела, иначе она не перешла бы через лужу и не поспешила бы в укрытие, как мне показали ее следы. Заметив меня, она также должна была увидеть, что я иду один. Наблюдая из укрытия (в этом не было сомнения), тигрица могла предполагать, что я, как и она, подойду к луже напиться. Мое поведение до сих пор должно было казаться ей совершенно естественным, и, если бы я сумел дать ей понять, что не знаю об ее присутствии, она, возможно, была бы менее осторожна. Остановившись и внимательно оглядываясь из-под поля шляпы, я кашлянул несколько раз, расплескал воду и затем, медленно двигаясь и подбирая по пути сухие ветки, подошел к подножию крутой скалы. Здесь я развел небольшой костер, повернулся спиной к скале и свернул папиросу. Пока я курил, костер погас. Тогда я лег, оперся головой на левую руку, положил ружье на землю, а палец — на спуск.

Гора надо мной была слишком крутой. Мне, следовательно, надо было оборонять только свой фронт, а так как густая растительность нигде не была от меня на расстоянии меньшем двадцати ярдов, положение мое было вполне безопасным. За все это время я ничего не видел и не слышал. Тем не менее я был убежден, что тигрица за мной наблюдает. Поля моей шляпы, затеняя глаза, не мешали мне наблюдать, и я дюйм за дюймом внимательно рассматривал джунгли в пределах поля зрения. Не было ни малейшего ветерка, не шевелился ни один лист, ни одна былинка. Мои люди могли появиться через час или полтора; я приказал им держаться всем вместе и петь с того момента, как они выйдут из лагеря и до тех пор, пока не присоединятся ко мне на лесной дороге. Было более чем вероятно, что за это время тигрица попытается выйти из укрытия, постарается скрасть меня или наброситься.

Бывают обстоятельства, когда время тянется очень медленно, бывает и так, что оно летит с невероятной быстротой. Моя левая рука, на которую опиралась голова, совсем уже онемела, но и при этом мне показалось, что пение людей внизу в долине донеслось слишком рано. Голоса становились все громче и громче. Я теперь

видел, как мои спутники выходили из-за крутого поворота. Возможно, что у этого поворота и увидела меня тигрица, когда вернулась по моему следу с водопою. Вторая неудача: последний представившийся при этой охоте случай был утерян.

После того как пришедшие передохнули, мы поднялись на дорогу и начали переход (он оказался очень длинным — двадцать миль) к лесной сторожке в Хайракхан. Пройдя сотни две ярдов по открытым местам, дорога вступала в густой лес. Я велел людям идти впереди, а сам оберегал арьергард. Так мы прошли две мили, а за поворотом увидели сидящего у дороги человека, пасшего буйволов. Пора было делать привал для завтрака. Я попросил пастуха сказать, где можно набрать воды. Он показал на гору прямо впереди и сказал, что там есть родник, откуда берут воду жители его деревни, расположенной прямо за выступом горы. Необходимость в спуске с горы за водой отпала, так как, пройдя немного дальше, мы нашли у дороги другой хороший родник.

Деревня, где жил пастух, расположена у верхнего края долины, той самой, где на предыдущей неделе была убита женщина из Лохали. Пастух сказал, что с тех пор о тигре ничего не слыхали, и добавил, что зверь, вероятно, находится теперь в другом конце уезда. Я разуверил его в этом, рассказав о свежих следах, виденных мной у лужи, и посоветовал ему возможно скорее собрать буйволов и возвращаться в деревню. Буйволы — их было около десятка — разбрелись у дороги. Он заявил, что уйдет, как только они соберутся к месту, где он сидел. Дав ему папиросу, я расстался с ним, сделав последние предостережения. Что случилось после моего ухода, было рассказано мне жителями этой деревни, когда несколько месяцев спустя я вновь посетил уезд. Вернувшись вечером в деревню, пастух рассказал собравшимся жителям о нашей встрече и о моих предостережениях. Оказывается, после того, как я исчез за поворотом дороги, он стал закуривать полученную от меня папиросу. Поднялся ветер. Чтобы огонь не потух, пастух наклонился; в этом положении его схватил тигр за правое плечо и повалил назад. Первая мысль его была о нас — с кем он только что расстался, — но, к несчастью, мы не слышали его криков о помощи. Помощь, однако, оказалась на месте, так как, едва заслышав его крик и рычание тигрицы, буйволы бросились на дорогу и прогнали людоеда. Рука и плечо пастуха были сломаны; с большим трудом ему удалось взобраться на спину одного из своих храбрых спасителей и в сопровождении стада добраться до дома. Крестьяне как могли перевязали пастуху раны и без остановок доставили его за сорок миль в больницу в Халдвани,

где он вскоре умер.

Когда Атропа,^[21] обрезая нити жизни, пропускает одну и режет другую, не зная, почему она пропустила нить и перерезала другую, — мы называем это роком. Целый месяц я прожил в открытой палатке в сотнях ярдов от ближайшего человеческого существа и от восхода до заката странствовал по джунглям. Несколько раз я переодевался женщиной и жал траву в местах, куда не отваживался заходить никто из местных жителей. Людоед, по всей вероятности, упустил несколько возможностей прибавить меня к своим трофеям, а теперь при своей последней попытке он совершенно случайно встретил этого несчастного человека и сделал его своей жертвой.

* * *

В феврале я вернулся в Далканиа. Несколько людей было убито, а еще больше ранено, после того как я покинул этот уезд предыдущим летом, притом в разных, далеко отстоящих одно от другого местах. Так как местопребывание тигрицы было неизвестно и возможности встретить ее в одном или другом месте были одинаковы, я решил вернуться в уже знакомые мне места и стать там лагерем.

В Далканиа мне сообщили, что накануне вечером на горе, где происходила охота на медведя, была убита корова. Люди, пасшие скот, уверяли, что зверь, убивший на их глазах корову, был тигр. Убитая корова лежала близ кустов на краю заброшенного поля и была хорошо видна с места, где была разбита моя палатка. То обстоятельство, что корова лежала на открытом месте и на нее не спускались грифы, позволило мне заключить, что она убита леопардом и что леопард залег поблизости от своей добычи. Густые заросли кустарника и овраги затрудняли подход к открытой площадке, так как зверь бродил где-то поблизости.

Справа находился травянистый склон, но он был слишком открытым, чтобы мое приближение к корове отсюда могло остаться незамеченным. Глубокий, сильно заросший лесом овраг, начинающийся почти с вершины горы, спускался к реке Нандхаур, проходя на недалеком расстоянии от убитого животного. На краю оврага росло дерево, на нем расселись грифы. Я решил сделать подход через этот овраг. План подхода мне пришлось продумать с помощью крестьян, они знали каждый фут местности. Солнце уже клонилось к закату, но при быстрой ходьбе у меня было еще время дойти до убитой коровы и вернуться в лагерь до наступления темноты.

Перед уходом я сказал моим спутникам, чтобы они были настороже. Если, услышав выстрел, они увидели бы меня на открытом месте около коровы, три или четыре человека должны были немедленно выйти из лагеря и, придерживаясь открытых мест, прийти ко мне. Если выстрелов не будет и я не вернусь утром, они должны будут начать поиски.

Овраг зарос кустами ежевики и был загроможден большими камнями. Ветер дул с вершины, замедляя мое продвижение. После крутого подъема я наконец дошел до дерева, на котором сидели грифы, но единственным результатом был вывод, что с этого места коровы не видно. Заброшенное поле — в бинокль оно имело совершенно правильные очертания — на самом деле было расположено полумесяцем, около десяти ярдов в самом широком месте и постепенно сходило на нет у обоих концов. По краям его окаймляли густые кусты, у ближней стороны круто спускалась гора. С того места, где я стоял, было видно только две трети поля, и, чтобы наблюдать остальную треть, на которой лежала убитая корова, мне нужно было или сделать большой обход и подойти с противоположной стороны, или взобраться на дерево, на котором сидели грифы.

Я избрал последнее. Корова, насколько я мог судить, лежала ярдах в двадцати от дерева, и было весьма возможно, что убивший ее зверь был еще на более близком от меня расстоянии. Влезть на дерево, не потревожив зверя, было невозможно: на дереве расположилось около двадцати грифов. Число их все возрастало. Так как места на верхних ветвях было мало, птицы хлопали крыльями и ссорились. Дерево нависало над склоном, примерно в десяти футах от земли от него отделялся большой сук. Встать на него с ружьем я мог только с большим трудом. Дождавшись новой ссоры грифов, я прошел по этому суку, с трудом сохраняя равновесие. Если бы при этом я поскользнулся или сделал неверный шаг, я упал бы вниз и неминуемо разбился. Добравшись до развилки, я сел.

Отсюда я хорошо видел корову; зверь только попробовал ее мясо. Просидев минут десять, я мог убедиться, что мое место не слишком комфортабельно. В это время два грифа, кружившие около меня и неуверенные в том приеме, какой будет им оказан на дереве, сели на поле недалеко от коровы. Присев на мгновение, они сразу взлетели, и в тот же момент кусты раздвинулись, и на открытое место вышел прекрасный самец-леопард.

Те, кому не приходилось видеть леопарда в его естественном окружении, не могут себе представить грациозности движений и прелести расцветки этого самого красивого и изящного зверя

наших джунглей. Но привлекательность леопарда не только в его наружности. Ни одному животному своих размеров он не уступит в силе и смелости. Называть такого зверя «нечистью», как это делают в некоторых местностях Индии, — преступление, так могут говорить только те, чье представление о леопардах ограничено виденными в клетке несчастными, голодными и жалкими экземплярами, томящимися в неволе.

Но как ни красив был находившийся передо мной зверь, судьба его была решена. Он стал нападать на скот, а я обещал жителям Далканиа еще во время своего предыдущего посещения избавить их от этого, впрочем меньшего, врага при первом представившемся случае. Случай представился, и я думаю, что леопард даже не слышал убившего его выстрела.

Из многих непонятных событий, с которыми приходится встречаться в жизни, труднее всего понять, почему несчастья упорно преследуют именно какого-либо одного человека или какую-нибудь одну семью. Взять, например, хозяина коровы, у труп которой я застрелил леопарда. Это был мальчик восьми лет, единственный ребенок в семье. Два года назад его мать, жавшая траву для этой коровы, была убита и съедена тигром, а двенадцать месяцев спустя такая же участь постигла и отца. Скудное имущество семьи было продано для уплаты небольших долгов, оставшихся после отца, и сын вступил в самостоятельную жизнь только обладателем единственной коровы. И надо же было, чтобы именно эту корову выбрал из стада в двести или триста животных убивший ее леопард. Я подозреваю, что моя попытка возместить потерю была не совсем полной: хотя новая рыжая корова была хорошим животным, она не могла заменить мальчику его прежнего четвероногого друга.

Мои служащие хорошо ухаживали за приведенными молодыми буйволами; через день после моего прибытия я стал привязывать буйволов в качестве приманки, хотя и мало надеялся, что на них пойдет тигрица.

В пяти милях ниже по долине реки Нандхаур у скалы в несколько тысяч футов высотой ютится небольшая деревня. За последние месяцы в этой деревне людоед убил четырех человек. Вскоре после того как я застрелил леопарда, ко мне явилась депутация из этой деревни с просьбой перенести туда мой лагерь из Далканиа. Мне сообщили, что тигра часто видели на скалах у деревни и что логово его, по-видимому, находилось в одной из многих пещер этих скал. Несколько женщин, жавших траву, видели тигра еще утром; крестьяне были так напуганы, что не решались теперь выходить из домов. Обещав депутации помочь чем могу, я на следующий день ранним утром поднялся на

возвышавшуюся над деревней гору и в течение полутора часов тщательно ее осматривал в бинокль. Потом я пересек долину и по очень глубокому ущелью взобрался на гору. Передвигаться здесь было очень трудно. Кроме опасности падения, при котором я мог сломать себе шею, была и другая — нападение тигра в местности, характер которой исключал возможность самозащиты.

К двум часам дня я закончил необходимый осмотр скалы и отправился вверх по долине в лагерь завтракать. Бросая последний взгляд назад перед тем, как начать крутой подъем в Далканиа, я увидел, что с того места, откуда я пришел, ко мне бегут двое людей. Добежав до меня, люди рассказали, что тигр только что убил бычка в глубоком овраге, где я был некоторое время тому назад. Сказав одному из прибывших, чтобы он пошел в мой лагерь и поручив моим слугам послать мне чаю и какой-нибудь еды, я повернул обратно и в сопровождении второго человека вернулся вниз по долине.

Овраг, где был убит бычок, имел футов двести в глубину и футов сто в ширину. Когда мы к нему приближались, я увидел, как взлетело много грифов. Подойдя к убитому животному, мы обнаружили, что грифы очистили его почти целиком, оставив кожу и кости. Место, где лежали остатки бычка, находилось только в ста ярдах от деревни, но дороги вверх по крутому склону оврага не было, и мой спутник провел меня на четверть мили вниз по оврагу, до пересечения его с пастушьей тропой. Тропа эта, поднявшись по горе, извивалась среди густых зарослей кустарников и приводила потом в деревню. Придя в деревню, я сказал старосте, что грифы погубили приманку тигра, и попросил его достать для меня молодого буйвола и крепкую веревку. Пока все это делали, двое моих людей вернулись из Далканиа с едой для меня.

Когда я опять входил в овраг, солнце почти зашло. За мной двигалось несколько человек и вело крепкого бычка-буйвола, которого в соседней деревне купил по моему поручению староста. В пятидесяти ярдах от места, где был убит бычок, лежала глубоко замытая в дно оврага сосна, снесенная с горы дождевым потоком. Прочно привязав буйвола к выдававшемуся из земли концу дерева, люди вернулись в деревню. Деревья поблизости не росли, и единственным пригодным для засидки местом был узкий карниз на расположенной ближе к деревне стене оврага. С большим трудом я туда взобрался; карниз имел два фута в ширину и футов пять в длину, возвышаясь на двадцать футов над дном оврага. Несколько ниже карниза скала образовала выступ, отчего получалось невидимое с карниза пространство. Карниз был очень неудобным: я вынужден был сидеть спиной к тому

месту, откуда следовало ожидать появления тигра. Привязанный буйвол находился ярдах в тридцати влево от меня.

Солнце село. Буйвол, лежавший до этого времени, встал на ноги и повернулся к верхнему краю оврага. В следующий момент по склону покатился камень. Стрелять в направлении звука было невозможно, поэтому я, чтобы не открыть своего присутствия, сидел неподвижно. Через некоторое время буйвол стал поворачиваться, пока не повернулся мордой в мою сторону. Это показывало, что испугавший его предмет — а я видел, что он был испуган, — находился за выступом скалы подо мной. Затем прямо подо мной появилась голова тигра. Выстрел по голове тигра может быть оправдан лишь крайней необходимостью, а всякое движение открыло бы мое присутствие. В течение казавшейся очень долгой минуты или двух голова тигра оставалась неподвижной, а затем в стремительном порыве вперед большим прыжком тигр бросился на буйвола. Как я говорил, морда буйвола была обращена против тигра. Чтобы избежать возможной раны от рогов буйвола при атаке в лоб, тигр при броске отклонился влево и напал поэтому на буйвола под прямым углом. Тут не было ни колебаний в выборе места для схватки, ни борьбы, ни звука — только столкновение двух тяжелых тел. Вскоре буйвол уже лежал неподвижно, а тигр, отчасти прикрывая буйвола своим телом, держал его за горло. Обычно полагают, что тигр убивает добычу сокрушительным ударом лапы по шее. Это неверно. Тигры убивают зубами.

Ко мне был обращен правый бок тигра. Тщательно прицелившись из ружья, я выстрелил. Бросив буйвола, тигр без звука повернулся и, прыгнув вверх по склону, исчез из виду. Несомненный промах, причины которого я не мог понять. Если тигр не заметил ни меня, ни вспышки выстрела, было вероятно, что он возвратится. Поэтому я перезарядил винтовку и остался на месте.

Оставленный тигром буйвол лежал без движения, и у меня появилось подозрение, что я попал в него, а не в тигра. Медленно протянулись пятнадцать минут — и вдруг из-за выступа скалы подо мной появилась голова тигра. Опять наступила долгая пауза. Тигр медленно подошел к буйволу и, осматриваясь, остановился. Спина тигра по всей ее длине давала мне хорошую цель, я не мог промахнуться во второй раз. Тщательно установив прицел, я не спеша нажал на спуск. Но, вопреки моим ожиданиям, тигр не упал, он сделал прыжок влево и бросился к небольшому боковому ущелью, сбрасывая камни при подъеме на крутой склон.

Два выстрела при относительно хорошем освещении на дистанции в тридцать ярдов были услышаны встревоженными

крестьянами за несколько миль в окружности. А все результаты, которые я мог им показать, — по-видимому, одна, быть может, и две дыры от пуль в мертвом буйволе. Ясно, что зрение меня обмануло или я при подъеме на скалу сдвинул мушку. Но тут, приглядываясь к малым предметам, я не обнаружил в своем зрении никаких недостатков, а беглый взгляд на мушку убедил меня в исправности прицела. Единственным объяснением моего двукратного промаха по тигру была плохая стрельба.

Надежды на третье возвращение тигра не было. И даже если бы он вернулся, я от этого вряд ли что-нибудь выиграл: оказавшись неспособным убить его при достаточно сносном освещении, теперь, при плохом освещении, я мог только подранить зверя. При таких обстоятельствах дальнейшее пребывание на скале было бесцельным.

Вся моя одежда промокла от пота после дневной ходьбы; к тому же стал дуть холодный ветер, обещавший стать еще холоднее; мои короткие брюки были из тонкого хаки; скала была не только твердой, но и холодной; кружка горячего чая ожидала меня в деревне. Все эти рассуждения были сами по себе прекрасны, но оставалось еще одно и убедительное основание, чтобы оставаться все же на месте, — это тигр. Наступила уже полная тьма. От деревни меня отделяло четверть мили, путь шел по устланному камнями оврагу и извилистой тропе среди кустов. Кроме предположения крестьян, что тигр, которого они видели накануне и по которому я стрелял, и был людоедом, я даже приблизительно не мог судить, где в сущности он находится. И хотя в это время он мог быть и где-либо за пятьдесят миль, он с такой же степенью вероятности мог наблюдать за мной с расстояния в пятьдесят ярдов. Поэтому какой бы неудобной ни была моя засидка, осторожность предписывала мне оставаться там, где я был. Время тянулось медленно, но и во мне стало крепнуть убеждение, что ночная охота — неподходящее для меня занятие... И что если этого зверя не удастся застрелить при дневном свете, его придется оставить в покое до тех пор, пока он не умрет от старости. Это убеждение укрепилось, когда иззябший и измученный, я, как только рассвет предоставил возможность верного выстрела, стал спускаться и, поскользнувшись на мокрой от росы скале, закончил спуск вверх ногами. К счастью, я «приземлился» на песке без ущерба для себя и для винтовки.

Несмотря на раннее время, я нашел жителей деревни на ногах и быстро очутился в центре небольшой толпы. В ответ на нетерпеливые вопросы я мог только сказать, что стрелял по «мнимому» тигру холостыми зарядами.

Выпитая у потрескивающего костра кружка чаю согрела меня,

и тогда я в сопровождении большинства мужчин и всех мальчиков, обитателей деревни, прошел на выступавшую над оврагом скалу, прямо над местом действия в предыдущую ночь. Тут я показал собравшимся людям, как тигр появился из-за выступа подо мной, как он прыгнул на буйвола и как я затем выстрелил, а тигр исчез в «том» направлении. И когда я указывал на место вверх, слышались возбужденные голоса: «Смотрите, саиб, здесь лежит мертвый тигр». Мои глаза были утомлены бессонной ночью, но, взглянув раз-другой, я не мог отрицать, что там действительно лежал мертвый тигр. На весьма естественный вопрос, почему я стрелял второй раз через двадцать или тридцать минут после первого выстрела, я сказал, что на том же самом месте опять появился тигр и что я выстрелил, когда он стоял близ буйвола, и что он ушел вверх по «этой» стороне оврага... Тут снова слышались крики, к кричавшим присоединились пришедшие теперь женщины и девочки. «Смотрите, саиб, здесь лежит другой мертвый тигр». Оба тигра казались примерно одинаковой величины и лежали ярдах в шестидесяти от того места, где я стоял.

Когда я спрашивал крестьян о втором тигре, они говорили, что в то время, когда были убиты четыре человека, и накануне, когда был убит бычок, они видели только одного тигра.

Брачный сезон у тигров тянется с ноября по апрель. Если один из лежавших тигров был людоед, он, очевидно, нашел себе пару.

Ярдах в двухстах от засидки нашелся удобный спуск в овраг. Я, а за мной все население деревни прошли мимо мертвого буйвола к тому месту, где лежал первый тигр. Когда я приблизился, мои надежды на успех возросли — зверь действительно был старой тигрицей. Передав ружье ближайшему человеку, я опустился на колени, чтобы осмотреть ее лапы.

В тот день, когда тигрица пыталась скрасть жавших пшеницу людей, она оставила несколько отчетливых следов на меже поля. Это были первые следы чоугарского людоеда, которые я видел, и я изучил их очень внимательно. Следы показывали, что тигрица — очень старое животное, лапы которого с возрастом стали плоскими. Подушки на передних лапах были сильно морщинисты, глубокая борозда пересекала всю подушку правой передней лапы, а пальцы были длинными и тонкими, каких мне не приходилось видеть у тигров. По такой необычайной лапе людоеда легко можно было узнать среди сотни мертвых тигров.

Я был разочарован: лежавший передо мной зверь не был людоедом. Когда я сообщил об этом собравшейся толпе, со всех сторон слышался протестующий ропот. Говорили, что я сам при

предыдущем приезде утверждал, что людоед — старая тигрица, что именно такую тигрицу я застрелил в немногих ярдах от места, где только недавно были убиты четыре человека. Что же значит лапа в сравнении с этим очевидным фактом? К тому же лапы у всех тигров одинаковы.

Второй тигр мог быть только самцом. Пока я готовился снимать шкуру с тигрицы, я послал партию людей за вторым зверем. Боковое ущелье было глубоким и узким. После криков и смеха тигр — прекрасный самец — был положен рядом с тигрицей.

Съемка шкуры с тигров, убитых четырнадцать часов тому назад, на обжигающем спину солнце и в присутствии непрерывно растущей, теснившейся кругом толпы была одним из самых неприятных дел, которыми мне пришлось заниматься. Вскоре после полудня оно все же было закончено. Мои люди аккуратно свернули шкуры тигров, и я начал обратный пятимильный путь к своему лагерю.

Утром ко мне пришли старосты и крестьяне из соседних деревень. Перед отходом я уверил их, что чоугарский людоед жив, и предупреждал, что уменьшение бдительности предоставит тигрице возможности, которых она ищет. Если бы с этим предостережением посчитались, людоед не унес бы столько жертв, как это было в течение последующих месяцев.

Не получив новых сведений о людоеде и пробыв еще несколько недель в Далканиа, я спустился с гор на совещание с уездной администрацией.

* * *

В марте 1930 г. Вивиан, уездный комиссар, объезжал владения тигра-людоеда. 22-го числа я получил от него письмо с просьбой спешно прибыть в Кала-Агар, где он будет ожидать моего прибытия. От Найни-Тала до Кала-Агара — миль пятьдесят. Через два дня после получения письма я прибыл к завтраку в калаагарскую лесную сторожку, в которой остановился Вивиан с женой.

После завтрака супруги рассказали мне, что они прибыли в сторожку в полдень 21-го числа и в то время, как они пили чай на веранде, одна из шести женщин, жавших траву на участке сторожки, была убита и унесена людоедом. Схватились за ружья. В сопровождении нескольких человек Вивиан, идя по следу, нашел женщину мертвой в кусте под дубом. Позже я осмотрел это место и нашел, что при приближении людей Вивиана тигрица

ушла вниз по склону и затем оставалась в зарослях кустов ежевики в пятидесяти ярдах от трупa. Для Вивиана был устроен махан на дубе, а два других — для его подчиненных на деревьях у лесной дороги, проходившей в тридцати ярдах выше места, где лежала убитая женщина. Маханы были немедленно заняты, на них просидели всю ночь, но тигр ничем не обнаружил своего присутствия.

На следующее утро тело женщины было унесено для кремации, а у лесной дороги в полумиле от сторожки был привязан буйвол. Тигрица убила его в ту же ночь. Вечером Вивианы расположились в засидке. Луны не было. Как только смерклось, даже близкие предметы стали невидимыми. Вивианы сначала услышали, а потом увидели зверя, подходившего к приманке. В полумраке они приняли тигра за медведя. Если бы не эта досадная ошибка, их попытка увенчалась бы успехом, так как и сам Вивиан и его жена — хорошие стрелки.

25-го числа Вивианы покинули Кала-Агар. Мои четыре буйвола прибыли из Далканиа. Тигрица, как казалось, склонна была теперь идти на такую приманку; я привязал буйволов вдоль лесной дороги на расстоянии в несколько сот ярдов один от другого. Три ночи подряд тигрица проходила в нескольких футах от буйволов, но их не трогала. На четвертую ночь ближайший к сторожке буйвол был убит. Осмотрев его на другое утро, я был разочарован, установив, что виновниками была пара леопардов, рев которых я слышал прошлой ночью над сторожкой. Перспектива стрельбы в этих местах меня не привлекала: я опасался отпугнуть тигрицу; но было совершенно ясно, что, если я не застрелю леопардов, они убьют и трех остальных буйволов. Поэтому я скрал леопардов, когда они грелись на солнце среди больших скал около убитого буйвола, и застрелил их обоих.

За калаагарской сторожкой лесная дорога на протяжении нескольких миль идет на запад через прекрасный лес из сосен, дубов и рододендронов. В этом лесу по сравнению с другими в Кумаоне имеется очень много дичи, замбаров, каркероv, кабанов и к тому же большое разнообразие птиц. В двух случаях у меня возникали подозрения, что тигрица убила в этом лесу замбаров. Я видел залитые кровью места, где были убиты олени, но самих животных не нашел.

Следующие четырнадцать дней я все светлые часы проводил или на лесной дороге, где в то время не ступала, кроме моей, ни одна человеческая нога, или в джунглях. Но только два раза мне удалось близко подойти к тигрице. Первый раз — когда я отправился посетить отдаленную деревню на южном склоне Калаагарского хребта, которую население покинуло в страхе

перед людоедом еще в прошлом году. На обратном пути оттуда я шел по пастушьей тропе, пересекавшей хребет и спускавшейся к лесной дороге. Когда я приближался к группе скал, я внезапно почувствовал, что меня впереди ждет опасность. Расстояние между гребнем и лесной дорогой было примерно триста ярдов. Тропа, оставив гребень, круто спускалась на несколько ярдов, поворачивала вправо и шла сотни ярдов наискось по горе. Скалы были примерно на половине этого отрезка тропы и справа от нее. За этими скалами крутой поворот уводил тропу влево, другой поворот был перед тем местом, где соединялась тропа с лесной дорогой.

Я неоднократно ходил по этой тропе и только в этот раз сомневался, проходить ли около скал. Чтобы избежать их, я должен был сделать большой обход над скалами или пройти несколько сотен ярдов по густому кустарнику. Второй путь грозил очень большими опасностями, но пойти по первому у меня не было времени, так как солнце совсем уже склонилось к закату, а мне предстояло еще две мили пути. Поэтому волей-неволей необходимо было идти мимо скал. Ветер дул вверх по горе, и я мог поэтому пренебречь густыми зарослями с левой стороны от тропинки и сосредоточить все внимание на скалах справа. Чтобы выйти из опасной зоны, мне надо было пройти сто футов. Я покрыл это расстояние фут за футом, идя боком, с обращенным к скалам лицом и с ружьем навскидку. Если бы кто меня видел — способ передвижения показался бы весьма странным.

В тридцати ярдах от скал была открытая поляна, начинавшаяся от правой стороны тропы и тянувшаяся вверх по горе на пятьдесят или шестьдесят ярдов. На этой поляне жировал каркер. Я заметил его раньше, чем он меня, и наблюдал за ним краем глаза. Увидев меня, оленек поднял голову. Так как я не смотрел в его сторону и двигался медленно, он стоял совсем тихо, как делают это звери, когда считают, что они не замечены. Дойдя до крутого поворота тропы, я взглянул через плечо и увидел, что каркер опустил голову и опять стал щипать траву. Я прошел только немного по тропе за местом поворота, как каркер бросился вверх по горе с истерическим криком. Быстрыми шагами я вернулся к повороту и как раз успел заметить движение в кустах у нижнего конца тропы. Было совершенно ясно, что каркер увидел тигрицу, и единственное место, где он мог ее увидеть, была тропа. Замеченное мной движение могло быть результатом полета птицы, но оно могло быть произведено и тигрицей. Так или иначе, надо было это проверить, перед тем как продолжать путь.

Струйка воды, текущая из-под скалы, размочила красную

глину, по которой проходила тропа, и таким образом получилась идеальная поверхность для отпечатка следов. На этой размокшей глине я оставил свои следы, а на моих следах нашел отпечатки плоских лап тигрицы. Она соскочила со скалы и следовала за мной, пока каркер не увидел ее и не издал тревожного крика, после чего тигрица сошла с тропы и вступила в кусты, среди которых я и заметил ее движение. Несомненно, что тигрица знала каждый фут местности. Не уловив удобного момента напасть на меня близ скал — здесь ей у поворота тропы помешал каркер, — она, вероятно, пошла через густой кустарник в надежде перхватить меня на втором повороте тропы.

При таких обстоятельствах идти дальше по тропе было нельзя. Поэтому я последовал за каркером вверх по поляне и, свернув влево, пошел по открытому месту до лесной дороги, лежавшей ниже. Здесь освещение было еще не достаточным, и это, как я думаю, нарушило планы тигрицы. После того как она вышла из своего укрытия в скалах, дело обернулось полностью в мою пользу. Я так же хорошо знал местность, как и тигрица. У нее не было оснований подозревать меня, я же прекрасно понимал ее намерения. Но все же из-за позднего времени я не мог использовать своих преимуществ.

Я упоминал о чувстве, предупреждающем нас об угрожающей опасности, и не хочу рассуждать об этом. Но могу утверждать, что чувство это вполне реально, хотя я не знаю и поэтому не могу объяснить, как оно действует. В данном случае я не видел и не слышал тигрицы, не получил никакого указания от птиц и зверей на ее присутствие. И все же я знал, без тени какого-либо сомнения, что она лежала в скалах и следила за мной. В этот день я провел в пути много часов и прошел много миль по джунглям без всякого ощущения тревоги. Когда я перешел гребень и проходил мимо скал, то знал, что тут для меня кроется опасность. Несколькими минутами позже это предчувствие подтвердилось тревожным криком каркера и тем, что я нашел отпечатки лап людоеда на моих следах.

* * *

Тем читателям, у которых хватит терпения следить за моим длинным рассказом, я с удовольствием дам ясный и подробный отчет о моей первой и последней встрече с тигрицей.

Встреча эта произошла после полудня 11 апреля 1930 г., через девятнадцать дней после моего прибытия в Кала-Агар.

В этот день в два часа дня я вышел с намерением привязать

своих трех буйволов в выбранных мной местах у лесной дороги. За милю от сторожки, там, где дорога пересекает гребень и идет с севера на запад перед Калаагарским хребтом, я встретил большую группу собиравших топливо людей. Среди них был старик, который, указав на рощу молодых дубов ярдах в пятистах от места, где мы находились, сказал, что здесь месяц тому назад людоед убил его единственного сына, юношу восемнадцати лет.

Я сидел на краю дороги и курил, а старик рассказывал мне всю историю, показывая место, где юноша был убит и где на следующий день было найдено все, что от него осталось. Старик обвинял в гибели сына мужчин, собиравших в тот день топливо, их было двадцать пять человек. Он с большим раздражением говорил, что люди эти убежали и оставили его сына на гибель. Некоторые из сидевших около меня мужчин были очевидцами этого происшествия. Они горячились, стараясь снять с себя ответственность за гибель юноши и обвиняя его самого в том, что он вызвал панику, когда, услышав рев тигра, стал уговаривать всех спастись бегством. Старик спорил. Он тряс головой и говорил: «Вы взрослые мужчины, а он ведь был мальчик. Вы убежали, бросили его на гибель». Я был огорчен, что поднял вызвавший ожесточенные споры вопрос, и больше для успокоения старика сказал, что привяжу одного из моих буйволов там, где, по его словам, погиб сын. Отправив двух буйволов обратно к сторожке, я взял третьего и пошел туда в сопровождении двух человек.

Пешеходная тропа, берущая свое начало от того места, где мы сидели, шла вниз по горе к долине и зигзагами вела до противоположного поросшего соснами склона, а затем соединялась с лесной дорогой в двух милях далее. Тропа проходила близ поляны по опушке дубовой рощи, где был растерзан юноша. На поляне — площадь ее была около двадцати квадратных ярдов — росла молодая сосна. Я ее срубил, привязал к пню буйвола и послал человека нарезать для него травы. Другого моего спутника, Мадо Синга, служившего во время войны в частях гарвальских стрелков и состоящего теперь в территориальных частях Соединенных провинций, я отправил к дубу, приказав ему обухом топора ломать сухие сучья и кричать возможно громче, как это делают горцы, собирая для скота листья с деревьев. Сам я занял позицию на скале фута в четыре высотой у нижнего края открытой местности. За этой возвышенностью находилась гора, круто спускающаяся к долине и густо поросшая деревьями и кустами.

Человек, посланный на поляну, несколько раз приносил охапки сжатой травы. Мадо Синг на дереве то кричал, то громко

пел. А я, стоя на скале с ружьем под мышкой левой руки, курил. Внезапно я почувствовал присутствие тигра. Быстро подождав к себе находившегося на поляне человека, я свистнул, желая дать понять Мадо Сингу, чтоб он был внимательным и сидел тихо. Мадо Синг находился на дереве влево от меня, человек, жавший траву, — прямо передо мной, а буйвол — теперь он стал проявлять беспокойство — справа от меня. Тигрица по этой местности не могла подойти незамеченной. И если бы она подходила, это могло быть только в одном направлении, а именно: сзади и ниже того места, где я находился.

При выборе своей позиции я заметил, что склон скалы был крутой и гладкий протяженностью на восемь или десять футов и что нижняя его часть была покрыта густым кустарником и молодыми соснами. Тигрице было трудно, но вполне возможно взобраться на скалу, однако я надеялся на то, что замечу ее в кустах при попытке влезть на скалу.

Я не сомневался в том, что тигрица, привлеченная в соответствии с моим замыслом шумом, который производил Мадо Синг, подошла к скале и что я почувствовал ее присутствие, когда она стала наблюдать за мной и рассчитывать дальнейшие действия. То, что я повернулся, а спутники мои молчали, могло возбудить у нее подозрение. Во всяком случае через несколько минут я услышал треск сухой ветки несколько ниже по склону горы. А затем чувство беспокойства исчезло и напряженное ожидание прошло. Случай был потерян. Но все же оставалась еще весьма надежная возможность стрелять, потому что тигрица могла вскоре вернуться и, считая, что мы ушли, вероятно, удовлетворилась бы нападением на буйвола. До заката солнца оставалось еще четыре или пять часов. Перейдя через долину и взобравшись на противоположный ее склон, я мог видеть всю ту сторону горы, на которой был привязан буйвол. Дистанция для стрельбы была в этом случае далекой — двести или триста ярдов, но моя винтовка била точно, и, даже если бы я только ранил тигрицу, я мог бы пойти по ее кровавому следу. Это было лучше, чем искать ее в джунглях на площади в сотни квадратных миль, как до сих пор.

Возникали, однако, трудности с моими спутниками. Отправить их в сторожку одних было бы просто убийством. Я по необходимости должен был взять их с собой.

Привязав буйвола к пню так, что тигрица не могла его утащить, мы оставили поляну и пошли по тропе, чтобы в соответствии с задуманным мною планом попытаться стрелять с противоположного склона горы.

Пройдя по тропе около сотни ярдов, мы дошли до оврага. На

противоположной его стороне тропа проходила через очень густой кустарник. Вступать туда втроем было неразумно. Я решил поэтому пойти по оврагу до места его соединения с долиной, пройти по долине и вернуться на тропу за кустарниками.

Овраг имел до десяти ярдов ширины и до пяти глубины. Когда я спускался в него со скалы, за уступ которой оперся рукой, снизу выпорхнул козодой. Посмотрев на место, откуда слетела птица, я увидел яйца. Эти яйца охристой окраски с густо-коричневыми пестринами, имели необычную форму: одно было удлинено и заострено, другое почти шаровидно круглое. В моей коллекции не было яиц козодоев, и я решил взять эту необычную кладку. Положить яйца мне было некуда, я взял их в левую руку, завернув слегка в мох.

Дальше по оврагу склоны становились выше; спустя шестьдесят ярдов я достиг впадины в двенадцать — четырнадцать футов. Воды, протекавшие в период дождей, отполировали скалу, как стекло, причем склоны были так круты, что не оставалось точек опоры для ноги. Поэтому, передав винтовку своим спутникам, я начал скользить по краю обрыва вниз. Только что мои ноги коснулись песчаного дна оврага, как оба моих спутника с развевающимися полами одежды приземлились по обе стороны от меня. Возвращая мне винтовку, они с большим волнением сообщили, что слышали тигра. Сам я, по правде говоря, ничего не слышал, быть может, потому, что моя одежда шуршала при спуске по скале. На мой вопрос они ответили, что громкий рев тигра был слышен откуда-то поблизости; но точно определить, откуда он доносился, они не могли. Тигры, подстерегающие добычу для своего обеда, не выдают ревом своего присутствия.

Единственное, но весьма неудовлетворительное объяснение, которое я мог придумать, — это то, что тигрица, проследив за нами после нашего ухода с поляны и увидев, как мы спускаемся по оврагу, пошла вперед и заняла позицию там, где ширина оврага суживалась наполовину, когда она была уже готова прыгнуть на меня, я исчез из ее поля зрения, соскользнув вниз, и она невольно выразила свое разочарование рычанием. Объяснение неудовлетворительное, если не допустить (для чего, в сущности, нет никаких оснований), что тигрица избрала себе на обед именно меня и поэтому не интересовалась двумя моими спутниками.

Мы все трое стояли теперь вместе. За нами была гладкая обрывистая скала; справа — стена скал, возвышавшаяся примерно на пятнадцать футов над дном оврага; слева — беспорядочное нагромождение больших камней в тридцать — сорок футов вышиной. Песчаное дно оврага, где мы стояли, имело около

сорока футов в длину и десять футов в ширину. У нижнего конца песчаного участка лежала поперек большая сосна, перегораживая овраг; благодаря этой плотине и возник песчаный участок. В двенадцати — пятнадцати футах за лежащим деревом находился отвесный край нависшей скалы. Когда я к нему приблизился — шаги мои по песку были беззвучны, — я, к большой своей радости, заметил, что песчаное дно продолжалось и за скалой. Скала, о которой я так много говорю, больше всего напоминала гигантскую грифельную доску толщиной у основания в два фута.

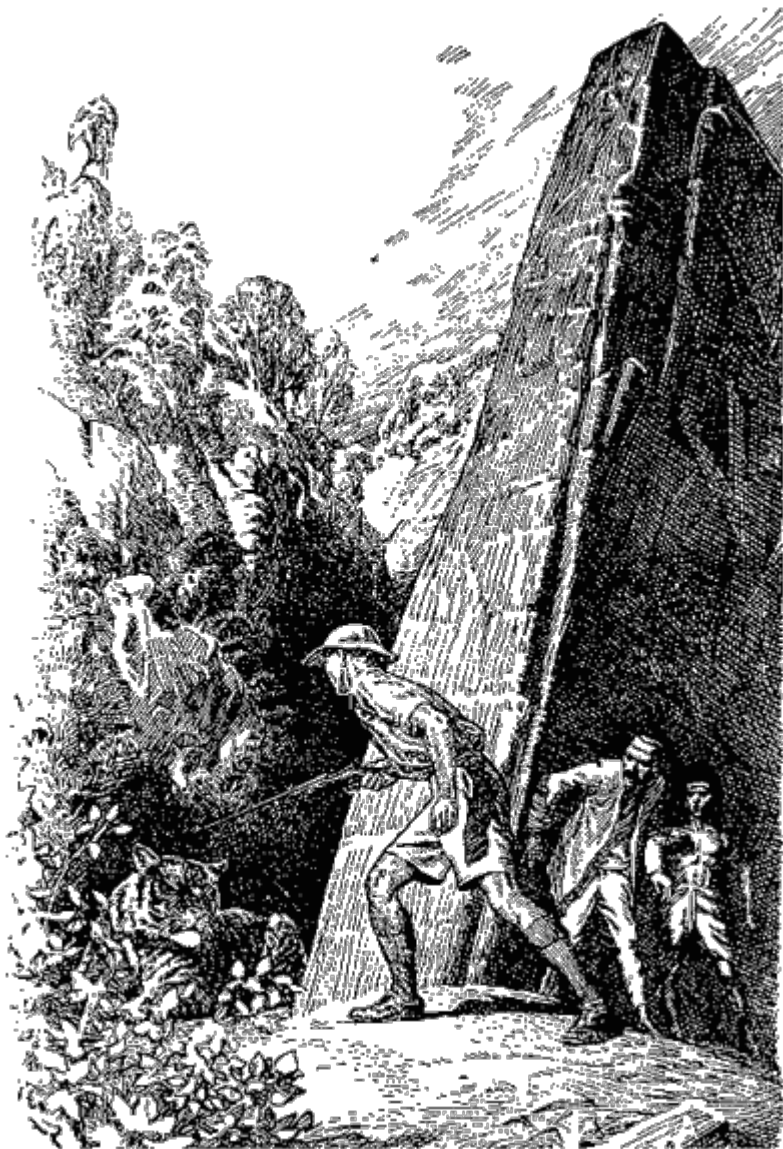
Когда я обогнул скалу и оглянулся через правое плечо, я увидел морду тигрицы.

Постараюсь дать ясную картину создавшегося положения.

Песчаный участок за скалой был совершенно ровным. Справа была гладкая плита пятнадцати футов в высоту и слегка наклоненная вперед, слева — голый крутой обрыв тоже футов в пятнадцать, над которым нависли густые колючие заросли, на дальнем конце — обрыв, похожий на тот, по которому я соскользнул, но несколько выше. Песчаный участок, окаймленный этими тремя природными стенами, имел около двадцати футов в длину и половину такого расстояния в ширину; на нем с вытянутыми вперед передними лапами и поджатыми под тело задними лежала тигрица. Голова ее возвышалась на несколько дюймов над передними лапами и, как выяснилось позднее, находилась в восьми футах от меня. На морде тигрицы была улыбка, подобная той, какую можно видеть на морде собаки, приветствующей своего хозяина после его долгого отсутствия.

Две мысли промелькнули в моем мозгу: одна — что мне необходимо первому сделать все необходимые движения, другая — что эти движения надо произвести так, чтобы не встревожить тигрицу. Я держал винтовку со снятым предохранителем в правой руке, по диагонали к груди, чтобы направить дуло на тигрицу, ружье надо было повернуть на три четверти окружности.

Поворот ружья одной рукой начался медленно и едва заметно. Когда я сделал четверть поворота, приклад коснулся моего правого бока. Теперь стало необходимым вытянуть руку, и, когда приклад передвинулся за мой правый бок, я медленно продолжал поворачивать ружье. Рука моя вытянулась на полную длину, и вес винтовки начинал давать себя чувствовать. Оставалось еще немного повернуть дуло. Тигрица, ни на мгновение не спускавшая глаз с моего лица, рассматривала меня все с тем же выражением удовольствия на морде.

Сколько времени занял поворот ружья на три четверти окружности, не могу сказать. Я смотрел в глаза тигрицы, поэтому не мог следить за движением ствола; мне казалось, что рука моя парализована и что поворот никогда не произойдет. Все же движение было закончено, и как только дуло было обращено на тигра, я нажал спуск.

Я услышал звук выстрела, резко раздавшийся в узком пространстве, и почувствовал отдачу. Хотя это были реальные признаки того, что оружие подействовало, я находился во власти страшного кошмара, когда кажется, что нажим на спуск был напрасным и что ружье отказывает в самый критический момент.

Заметный промежуток времени тигрица оставалась совершенно неподвижной, но потом очень медленно голова ее поникла на вытянутые лапы, и в то же время из отверстия, сделанного пулей, потекла струйка крови. Пуля повредила ей позвоночник и задела вершину сердца.

Два человека, шедших за мной в нескольких ярдах расстояния и отделенных от тигрицы скалой, приостановились, когда увидели, как я вытянулся и повернул голову. Они инстинктивно почувствовали, что я увидел тигрицу, и по моему поведению решили, что тигрица была совсем близко. Как мне говорил впоследствии Мадо Синг, он чуть не крикнул мне, чтобы я бросил яйца и взял ружье в обе руки. Когда я выстрелил и опустил к ногам дуло винтовки, Мадо Синг по моему знаку поспешил ко мне на помощь; я внезапно почувствовал, что не могу держаться на ногах, добрался до упавшего дерева и сел.

Еще не осмотрев лап тигра, я знал, что отправил в «блаженные охотничьи угодья» именно чоугарскую тигрицу. Ножницы, которые помогли ей перерезать нить жизни шестидесяти четырех человек (население уезда считало, что их число было вдвое большее), в тот момент, когда добыча, казалось, снова была в лапах зверя, перерезали нить его собственной жизни.

Мой успех был обусловлен тремя обстоятельствами, каждое из которых на первый взгляд могло показаться неблагоприятным: первое — яйца в моей левой руке, второе — то, что у меня было легкое ружье и третье — то, что тигр был людоедом.

Если бы в моей руке не было яиц и я держал ружье обеими руками, то, увидав тигра вблизи, инстинктивно попытался бы повернуться к нему. Прыжок тигра задержался из-за моей неподготовленности, иначе он был бы неизбежен. Затем, если бы винтовка не была такой легкой, я не мог бы направить ее так, как это было крайне необходимо, и потом разрядить ее вытянутой рукой. И, наконец, если бы тигр не был людоедом, он, найдя, что у него нет выхода, стал бы пробивать себе дорогу. А если тигр удаляет кого-либо со своей дороги, это приводит обычно к роковым результатам.

Пока мои спутники делали обход и поднимались на гору, чтобы освободить буйвола и взять веревку (она нужна была для других более приятных целей), я поднялся по скалам и вернул яйца их законному хозяину. Я прошу снисхождения за то, что так же суеверен, как мои собратья. Трижды в течение долгого времени, в общей сложности более года, я пытался, и пытался изо всех сил, застрелить тигрицу и все неудачно. А теперь, через несколько минут после того как я нашел яйца, счастье посетило

меня.

Яйца, которые все время находились в безопасности в моей левой ладони, были еще теплыми, когда я клал их обратно в маленькое углубление в скале, заменявшее гнездо. Когда я проходил по этому месту через полчаса, на яйцах уже сидела мать. На пестрой скале окраска птицы даже мне, точно знавшему местоположение гнезда, мешала отличить птицу от окружающих предметов.

Буйвол за эти месяцы стал таким ручным, что шел за человеком, как собака. Он спустился с горы, обнюхал тигрицу и лег на песке, спокойно занявшись жвачкой, пока мы привязывали убитого зверя к крепкому шесту, который срубили мои помощники.

Я думал отправить Мадо Синга в сторожку за помощью, но он не хотел и слышать об этом. Он и его товарищ ни за что не хотели уступить кому-либо честь нести людоеда. По его словам, задача эта не слишком трудна, если я соглашусь помочь им и если мы будем часто останавливаться для отдыха. Нас было трое сильных, закаленных мужчин, причем двое привыкли с детства носить тяжелые грузы. Тем не менее стоявшая перед нами задача требовала геркулесовых усилий.

Тропа, по которой мы спускались, была извилистой и слишком узкой, чтобы пронести по ней шест с привязанной к нему тигрицей. Поэтому мы часто останавливались, чтобы отдохнуть и привести в порядок прокладки, сделанные для того, чтобы шест не слишком врезался в плечи. Подымались мы прямо по горе через заросли ежевики и терновника, на колючках которых оставили часть своей одежды и кожи.

Солнце еще озаряло окрестные горы, когда три растрепанных, но очень счастливых человека, за которыми шел буйвол, принесли тигрицу в калаагарскую лесную сторожку. И с того вечера и до сегодняшнего дня ни одного человека не было убито или искалечено в горах и долинах на пространстве в несколько сотен квадратных миль, где в течение пяти лет свирепствовала чоугарская тигрица.

На карте восточного Кумаона, висящей передо мной на стене, я добавил еще один крест и дату: крест — в двух милях на запад от Кала-Агара, а дату — 11 апреля 1930 г.

Когти тигрицы были сломаны и стерты. Один из ее клыков был сломан, а передние зубы стерты до челюсти. Эти недостатки сделали ее людоедом. Они были причиной того, что тигрица не могла обычным способом и собственными усилиями убить большинство из тех людей, на которых нападала с того дня, как лишилась помощи молодого тигра, убитого по ошибке при моем

первом посещении местности.

«ПОВАЛЬГАРСКИЙ ХОЛОСТЯК»

В трех милях от нашего зимнего дома в глубине леса находится поляна примерно в сто ярдов длиной и пятьдесят ярдов шириной, с изумрудно-зеленой травой, окаймленная высокими деревьями, обвитыми лианами. На этой поляне — красота ее несравненна — я впервые увидел тигра, известного в Соединенных провинциях под именем «Повальгарский холостяк». Между 1920 и 1930 гг. добыть этого тигра было мечтой всех охотников этих провинций.

Солнце только что взошло в это зимнее утро, когда я поднялся на высокое место над поляной. На дальней стороне ее стоя диких кур копошилась в мертвой листве у берега кристально чистого ручейка, а на изумрудно-зеленой траве, покрытой росой, жировало пятьдесят, а быть может, и более оленей-читалов. Сидя на пне и куря, я любовался этой картиной, как вдруг ближайшая ко мне самка оленя подняла голову, обратилась в мою сторону и закричала. Через несколько мгновений из расположенных ниже меня кустов на открытое место вышел тигр. Целую минуту он простоял, высоко подняв голову и осматриваясь, а затем медленно и неторопливо пошел поперек поляны.

В богатом зимнем меху, освещенный восходящим солнцем, тигр представлял великолепное зрелище. Поворачивая голову то вправо, то влево, зверь шел по широкой очищенной ему оленями дороге. У родника тигр лег, утолил жажду, поднялся и, войдя в густые древесные заросли, подал три раза голос, как бы благодаря население джунглей за приветствие: при его появлении на поляне закричал каждый читал, закудахтали каждая дикая курица, заверещала на дереве каждая обезьяна.

В это утро «холостяк» (а это был он) далеко зашел от дома:

жилище его располагалось в овраге, в шести милях от места нашей встречи. Проводя жизнь в местах, где тигры добываются главным образом при помощи слонов, «холостяк» выбрал себе жилище разумно. Овраг, перерезая предгорья, имел около полумили в длину, крутые стены по обеим его сторонам возвышались на тысячу футов. У верхнего края оврага был водопад высотой футов в двадцать, а у нижнего края, где поток протекал по красной глине, овраг суживался до четырех футов. Поэтому охотник, пожелавший встретиться с «холостяком» в его доме, неизбежно должен быть пешим. Это было безопасное убежище, а правительственные правила, запрещающие ночную стрельбу, позволили тигру сберечь свою шкуру, получить которую стремились многие.

Несмотря на многочисленные попытки добыть «холостяка» с помощью приманки-буйвола, по нему ни разу не стреляли, хотя в двух случаях он находился на волоске от гибели. Один раз, после неудачного загона, канат, поддерживавший махан, сдвинулся как раз в критическое мгновение, когда Фред Андерсон стал целиться. Во втором случае «холостяк» подошел к махану, когда загон еще не начинался, а Хьюш Эди набивал свою трубку.

В том и другом случае тигра видели на расстоянии немногих футов: Андерсон описывал его, сравнивая по размерам с шотландским пони, а Эди говорил, что он ростом с осла.

Зимой я пригласил Уиндхема, нашего комиссара, знающего о тиграх больше, чем кто-либо другой в Индии, пойти на гарь у верхнего края оврага, где жил «холостяк», чтобы показать ему свежие отпечатки лап тигра, найденные мной на гари этим утром. Уиндхема сопровождали два опытейших шикари. Когда они все трое тщательно осмотрели и измерили следы, Уиндхем заявил, что, по его мнению, длина тигра — десять футов «между колышками»,^[22] один из шикари сказал, что зверь имеет десять футов пять дюймов «по кривой», а другой — десять футов шесть дюймов или немного более. Все три единогласно утверждали, что им никогда не приходилось видеть более крупного тигра.

В 1930 г. лесное ведомство начало большие порубки леса в местах вокруг жилища холостяка. Беспокойство надоело тигру, и он переменил квартиру. Это я узнал от двух охотников, взявших себе лицензии для того, чтобы застрелить тигра. Лицензии эти действительны только на пятнадцать дней. В эту зиму одни охотники сменяли других, но они так и не смогли встретиться с тигром.

Примерно в конце зимы старый почтальон-сороход, проходивший мимо нас утром и вечером на семимильном маршруте через лес в горную деревню, зашел ко мне как-то

вечером и сказал, что утром он видел на своем пути самые большие тигровые следы из всех попадавшихся ему за тридцать лет службы. Тигр, по его словам, пришел с запада и, пройдя вдоль дороги двести ярдов, ушел на восток по тропе, начинавшейся у миндального дерева. Дерево находилось в двух милях от нашего дома и было хорошо мне известным ориентиром. Тропа, по которой пошел тигр, тянется на полмили через густые джунгли, пересекает широкое русло, а потом соединяется с протоптанной скотом дорожкой, извивающейся у предгорий и исчезающей в глубокой лесистой долине. На следующий день рано утром я пошел вместе с Робинотом осмотреть местность. Моей целью было место, где пастушья тропа входит в долину. Здесь легко можно обнаружить следы любого зверя, приходящего в долину или покидающего ее. С момента нашего выхода Робин, по-видимому, понимал, что перед нами стоит особая задача. Он не обращал ни малейшего внимания ни на поднимаемых им диких кур, ни на подпустившего нас вплотную каркера, ни на двух замбаров, которые, завидев нас, остановились и закричали. Там, где тропа входила в долину, почва была каменистой. Когда мы пришли на это место, Робин опустил голову и тщательно обнюхал камни, а по моему сигналу повернулся и отправился по тропе. По его поведению я мог заключить, что он почуял тигра и что запах был свежий. Через сто ярдов дорога пошла по ровному месту у подножия горы; почва была мягкой. Здесь я увидел отпечатки лап тигра, и один взгляд на них показал, что мы идем по пятам «холостяка» и что он прошел перед нами за минуту или две.

За участком с мягкой почвой дорога на протяжении трехсот ярдов проходила по камням, а потом круто спускалась вниз к открытой равнине. Если тигр шел по тропе, мы должны были увидеть его на этом ровном месте. Мы прошли еще пять — десять ярдов, Робин остановился, обнюхал сверху и снизу куртину травы слева от тропы, повернул и вошел в траву, высота которой была около двух футов. По ту сторону от травы были заросли клеродендрона, имевшие в поперечнике примерно сорок ярдов. Этот кустарник растет густыми группами, бывает высотой в пять футов, имеет обильную листву и большие шапки цветов, напоминающих цветы конского каштана. Тень, даваемая кустарником, делает его привлекательным для тигров, замбаров и кабанов. Подойдя к клеродендрону, Робин остановился и вернулся обратно ко мне, сообщая этим, что он увидел в кустах что-то страшное и просит взять его на руки.

Подняв Робина с земли, я засунул его задние лапы в левый карман, он зацепился передними лапами за мою левую руку и находился в безопасности: у меня при этом обе руки были

свободны для пользования ружьем. В таких случаях Робин бывает абсолютно неподвижным: что бы он ни увидел, как бы себя ни вел зверь перед моим выстрелом или после выстрела, Робин не двигался и не мешал мне стрелять или смотреть.

Медленно продвигаясь, мы прошли полпути через кусты клеродендрона, и тогда я заметил, что кусты перед нами шевелятся. Подождав, пока тигр не выйдет из кустов, я пошел вперед в надежде увидеть его среди более или менее густых зарослей, но тигра нигде не было видно. Тогда я опустил Робина на землю, он повернул влево, я понял, что тигр ушел в близлежащий узкий и глубокий овраг. Этот овраг вел к подножию одиноко стоявшей горы, пещеры которой посещались тиграми. Мое ружье не подходило для встречи с тигром на короткой дистанции, к тому же было время завтракать. Мы с Робинсом повернули домой.

После завтрака я вернулся один, вооружившись тяжелым штуцером. Когда я приближался к горе, служившей в давно прошедшие времена местом сбора здешнего населения при нападениях гурков, я услышал звон большого бубенца, который привязывают на шею буйволов, и крики человека. Звуки доносились с плоской вершины горы, имевшей величину в пол-акра. Я поднялся туда и увидел кричавшего человека; он сидел на дереве и сбивал обухом сухие ветви. Под деревом собралось несколько буйволов. Заметив меня, человек стал звать и кричать, что я пришел как раз вовремя, чтобы спасти его и его буйволов от шайтана в образе тигра величиной с верблюда, угрожавшего ему в течение нескольких часов.

Из рассказа человека я узнал, что он пришел на гору вскоре после того, как мы с Робинсом отправились домой. Только что человек стал резать листья бамбука для буйволов, как увидел, что к нему приближается тигр. Пастух стал кричать, чтобы прогнать зверя, как он не раз делал при встрече с другими тиграми, но этот тигр, вместо того чтобы уйти, зарычал. Пастух побежал, за ним буйволы, он влез на ближайшее дерево. Тигр, не обращая внимания на крики, стал ходить кругом, а буйволы повернулись к нему рогами. Вероятно, тигр, услышав мое приближение, ушел только за мгновение до моего прихода.

Сидевший на дереве человек был моим старым приятелем, он изрядное время занимался браконьерством — до своей ссоры с деревенским старостой — в джунглях с ружьем этого самого старосты. Он стал умолять меня вывести его со стадом из джунглей. Поручив ему указывать дорогу, я пошел сзади и следил, нет ли здесь кого-нибудь. Вначале буйволы склонны были продолжать держаться вместе, но после некоторых убеждений мы

заставили их идти по одному. Когда мы прошли полпути по открытому месту, нам послышался голос тигра в джунглях справа от нас. Человек ускорил шаг, а я стал торопить буйволов, так как нам оставалось пройти еще милью по густым джунглям, перед тем как выйти к широкому руслу, за которым находилась деревня моего приятеля и где его буйволы были бы уже в безопасности.

Я заслужил репутацию человека, более интересующегося фотографированием зверей, чем их уничтожением. Перед расставанием мой друг умолял меня отложить на этот раз фотографию в сторону и убить тигра. Он говорил, что тигр такой большой, что может за один раз съесть буйвола. Я обещал сделать, что могу, и пошел обратно своим прежним путем по открытым местам навстречу случаю, каждая деталь которого глубоко врезалась в мою память.

Дойдя до развалин, я сел, ожидая, что тигр сам выдаст себя или что животное население джунглей сообщит мне, где он находится. Было около трех часов пополудни, и, так как солнце приятно грело, я положил шляпу на колени и задремал; через несколько минут я был разбужен ревом тигра.

Между равниной и горами был расположен участок в полмили шириной, поросший необычайно густыми кустарниками. Я определил, что тигр находится в горах на той стороне кустарниковых зарослей, примерно в трех четвертях мили от меня, а характер его рева показывал, что он ищет себе пару.

Вблизи от того места, где я сидел, проходила заброшенная гужевая дорога, по которой несколько лет тому назад возили лес. Она почти прямо вела к месту, где ревел тигр. Я мог бы пойти по этой дороге к зверю, но тут на горах росла густая трава, и у меня было мало шансов увидеть зверя без помощи Робина. Поэтому я решил заставить тигра самого прийти ко мне. Я был слишком далеко, чтобы он мог меня услышать; мне пришлось пробежать по заброшенной дороге несколько сотен ярдов, положить штуцер на землю, влезть на высокое дерево, откуда я три раза подал голос.

[23] Тигр немедленно ответил. Я слез с дерева, побежал обратно, подманивая тигра голосом, и добежал до равнины, не найдя по пути подходящего места, где можно было засесть в ожидании тигра. Надо было что-то предпринять и предпринять быстро, потому что тигр поспешно приближался. Отвергнув мысль воспользоваться небольшой впадиной, полной черной вонючей воды, я лег на открытом месте в двадцати ярдах оттуда, где дорога углублялась в кустарники. Отсюда мне открывался вид на дорогу на протяжении пятидесяти ярдов, но далее перспективу закрывал окаймлявший дорогу кустарник. Если бы тигр пошел по дороге, я стал бы стрелять при первом его появлении на

открытом месте.

Открыв штуцер, чтобы вполне удостовериться в том, что он заряжен, я сдвинул предохранитель и, удобно опершись в мягкий грунт локтями, стал ожидать появления тигра. Я не подал ему голоса с тех пор, как вышел на равнину, поэтому, чтобы указать ему направление, я издал тихий призыв, на который немедленно последовал ответ с расстояния в сто ярдов. Если тигр шел обычным ходом, то, по моим расчетам, он должен был появиться через тридцать секунд. Я очень медленно сосчитал до тридцати, потом дошел уже до восьмидесяти, когда краем глаза заметил движение справа в кустах, отстоявших от меня ярдов на десять. Скосив глаза в эту сторону, я увидел, как над кустами (вышина их была фута четыре) появилась большая голова. Тело тигра было скрыто кустами, и я мог видеть только его голову. Когда я медленно повернул дуло штуцера и направил свой взор на прицел, то заметил, что голова тигра не была обращена ко мне прямо. Так как стрелять приходилось вверх, а тигр смотрел вниз, я взял на дюйм ниже его правого глаза и нажал спуск. В последующие полчаса я чуть не умер от страха.

Вместо того чтобы, как я ожидал, свалиться мертвым, тигр выскочил из кустов и, подпрыгнув, упал навзничь на сваленное бурей, но еще зеленевшее дерево, имевшее примерно фут в толщину. С невероятной яростью тигр набросился на дерево и разломал его на куски, издавая непрерывное рычание и, что еще хуже, какой-то заставлявший стынуть кровь яростный звук, как будто на него напал злейший враг.

Ветки летели кругом, будто сломанные смерчем, а кусты рядом со мной дрожали и пригибались к земле. Каждый момент я ожидал, что тигр набросится на меня, потому что он смотрел на меня, когда я выстрелил, и знал, где я нахожусь.

Я был так испуган, что не мог даже перезарядить оружие, боясь произвести малейшее движение и тем привлечь к себе внимание тигра. Так я пролежал полчаса, обливаясь потом, с пальцем, застывшим на левом спуске. Потом ветви и кусты перестали двигаться, рычание стало повторяться реже и наконец прекратилось. Еще полчаса я пролежал совершенно неподвижно с онемевшими от тяжести ружья руками, а потом, отталкиваясь ногами, стал ползти назад. Так я покрыл расстояние в тридцать ярдов, а потом встал на ноги и, низко пригнувшись, бросился к желанному убежищу на ближайшем дереве. На нем я просидел

несколько минут и, так как кругом стало тихо, пошел домой.

На следующее утро я вернулся в сопровождении одного из моих спутников, опытного древолаза. Вечером накануне я заметил, что на окраине открытой площадки росло дерево примерно в сорока ярдах от места, где упал тигр. Мы с крайними предосторожностями подошли к дереву: я охранял моего спутника сзади, пока он лез на него. После долгого и тщательного осмотра окрестностей он взглянул на меня и покачал отрицательно головой. Потом, спустившись, сказал, что кустарники примяты на большой площади, но тигра не видно.

Я послал человека обратно на дерево с поручением внимательно обозревать местность и предупредить меня о всяком замеченном в кустах движении. Сам я решил осмотреть место, где вчера буйствовал тигр. У тигра были, по-видимому, какие-то намерения, так как он не только оборвал ветви и обломал куски дерева, но выдернул с корнями несколько кустов и обкусал их. Всюду было много кровавых брызг, а на земле две лужи запекшейся крови. Вблизи одной из них лежал осколок кости размером в два дюйма. Подняв его, я признал в нем кусок черепа тигра.

Кровавой дорожки от этого места не было. Это в сочетании с двумя лужами крови указывало на то, что меры предосторожности были весьма необходимы. Обходя это место, я находил то тут, то там небольшие пятна крови в местах, где тигр задевал мордую кусты. Отметив, что путь тигра вел прямо к гигантскому дереву семулу,^[24] отстоявшему на двести ярдов, я вернулся, взобрался на дерево, где находился мой человек, и попросил его смотреть сверху на местность, по которой я пойду.

У меня было очень неприятное предчувствие, что я найду тигра живым. При ранении в голову тигр может прожить несколько дней и даже оправиться от раны. Правда, у этого тигра был отбит кусок черепа, но мне не приходилось иметь дело со зверем в подобном состоянии, и я не знал, может ли он умереть через несколько часов или дней или прожить до старости. Поэтому я решил относиться к нему как к обыкновенному раненому тигру и не рисковать при выслеживании.

С моей высокой позиции я увидел, что немного влево от линии, ведущей к семулу, было еще два дерева: ближайшее в тридцати ярдах от окровавленного места, а другое еще за пятьдесят ярдов. Оставив моего спутника на дереве, я слез, взял штуцер, дробовик с запасом в сто патронов и весьма осторожно подошел к ближайшему из двух деревьев, влез на него футов на тридцать, втянув на крепкой веревке штуцер и дробовик. Штуцер я укрепил в развилке, так что он был под рукой на случай

необходимости. После этого я стал осыпать кусты мелкой дробью последовательно, ярд за ярдом, до подножия второго дерева. Делал я это затем, чтобы установить местонахождение тигра: раненый зверь, услышав близкие выстрелы или задетый дробью, должен был или зареветь, или броситься вперед. Не получив тут, однако, никаких указаний на присутствие тигра, я пришел ко второму дереву и обстрелял дробью кусты в нескольких ярдах от семула, выпустив последний заряд в самое дерево. После этого выстрела мне показалось, что я услышал тихое ворчание, но оно не повторялось, и я приписал его своему воображению. Запас патронов был исчерпан, поэтому, подождав моего спутника, я отправился домой.

На следующее утро я опять вернулся и встретил моего приятеля, человека с буйволами; он пас их на равнине. Как мне показалось, он при виде меня очень обрадовался. Причину этого я узнал позднее.

Трава все еще была покрыта росой, но мы отыскивали сухое место, закурили и обменялись впечатлениями и переживаниями последних дней. Мой приятель, как я уже говорил, в свое время порядочно занимался браконьерством и, проведя всю жизнь в пастьбе буйволов, в местности, изобиловавшей тиграми, или на охоте, знал джунгли неплохо.

Мы расстались с ним в первую встречу у широкого водного русла, он перешел на противоположную его сторону и присел послушать звуки, доносившиеся с того места, куда я пошел. Он слышал голоса двух тигров, мой выстрел, за которым последовало продолжительное яростное рычание тигра, и весьма естественно заключил, что я легко ранил тигра, после чего тигр убил меня. Вернувшись на место следующим утром, он был весьма заинтересован, услышав сотню выстрелов, и, не будучи в состоянии преодолеть любопытства, пошел взглянуть, что же случилось. Его буйволы, привлеченные запахом крови, указали ему место, где упал тигр, он увидел пятна засохшей крови и обломок кости. По его мнению, ни одно животное не могло прожить дольше нескольких часов после того, как у него отстрелили кусок черепа. Он был уверен, что тигр лежит где-нибудь мертвый, и предложил мне использовать его буйволов, чтобы разыскать тигра. Я слышал о способе разыскивать тигров с помощью буйволов, но сам никогда его не пробовал. После того как мой приятель согласился принять вознаграждение за ущерб, который мог бы возникнуть при нападении тигра на его животных, я принял предложение.

Собрав буйволов — их было двадцать — и двинувшись к месту, где я накануне стрелял дробью, мы пошли к семулу, за

нами следовали буйволы. Движение было медленным не только потому, что нам приходилось пробираться через кусты высотой по грудь и раздвигать их руками, чтобы найти место, где поставить ногу, но и потому, что мы должны были удерживать буйволов в их естественном стремлении разбредаться. Когда мы подошли к семулу (там кусты были пореже), я заметил небольшое углубление, заполненное сухими листьями. На них было несколько пятен крови, некоторые из них высохли, другие были совсем свежие. Положив руку на листья, я почувствовал, что место теплое. Как это ни казалось невероятным, тигр лежал в этом углублении накануне, когда я израсходовал сотню патронов. Ушел он с этого места, заметив наше приближение вместе с буйволами.

Буйволы, обнаружив кровь, стали бить копытами и обнюхивать землю. Перспектива оказаться между нападающим тигром и встревоженными буйволами была для меня незавидной. Я взял своего приятеля за руку, повернул его назад, и мы пошли на открытое место, за нами двинулись буйволы. Тут я велел своему спутнику идти домой и сказал, что вернусь на место действия завтра и буду иметь дело с тигром один на один.

Дорога в джунглях, по которой я ходил в эти дни из дому и обратно, на некотором протяжении проходит по мягкой почве. На четвертый день я увидел отпечатки следов крупного тигра-самца. Пройдя по этим следам, я понял, что тигр вошел в густой кустарник ярдах в ста правее семула. В этом было неожиданное осложнение, так как, не увидев тигра и притом на близком расстоянии, я не мог знать, был ли этот зверь ранен или нет. Затруднение могло быть устранено только при встрече с ним. Колебания были бесполезны, поэтому я вступил в кусты и двинулся к углублению почвы у подножия семула.

Кровавого следа не было. В течение часа или несколько больше я шел зигзагами через кустарник. Видеть впереди можно было только на несколько дюймов. Потом я подошел к сухому руслу ручья шириной в десять футов. Перед тем как спускаться к руслу, я посмотрел вперед, увидел левую заднюю ногу и хвост тигра. Тигр стоял совершенно неподвижно, голова и туловище его были скрыты деревом, только одну из ног и можно было видеть. Я поднял ружье к плечу, но потом опустил. Переломить ногу тигру было легко: зверь находился в нескольких ярдах. Предположение, что это именно и есть раненый тигр, было вполне законным, но в этой местности было два тигра, а сломать ногу здоровому тигру — только увеличило бы и без того значительные трудности. Затем нога отодвинулась, и я услышал, как тигр уходит. Придя на место, где он стоял, я нашел несколько кровавых капель.

Сожалеть о том, что я не переломил тигру ногу, было слишком поздно.

В четверти мили от этого места был небольшой родник. Возможно, что тигр, несколько оправившись от раны, пошел к нему. В надежде перехватить его там или дожждаться его прихода я пошел по звериной тропе, которая, как я знал, вела к роднику, и прошел по ней некоторое расстояние; внезапно слева от меня закричал и убежал в джунгли замбар. Стало ясно, что я вплотную приблизился к тигру, и только я сделал несколько шагов, как услышал громкий треск сухой ветви, будто на нее наступил тяжелый зверь. Звук послышался в пятидесяти ярдах, из того места, где прокричал замбар. Олень, несомненно, извещал население джунглей о присутствии тигра, и именно тигр наступил на сухую ветвь. Опустившись на четвереньки, я пополз в направлении, откуда донесся звук.

Кусты высотой в шесть — восемь футов имели густую листву на верхних ветвях и немного листьев у стволов; я мог видеть сквозь них футов на десять — пятнадцать перед собой. Я продвинулся на тридцать ярдов, твердо надеясь, что, если тигр нападет, он бросится на меня спереди (в других направлениях мне невозможно было сделать выстрела). Тут я увидел перед собой что-то красное, на чем отражались проникающие через листву на вершине кустарников солнечные лучи. Это могло быть опавшими листьями, могло быть и тигром. Я мог рассмотреть этот предмет, отодвинувшись на два метра вправо. Для этого, опустив голову так низко, что мой подбородок касался земли, я прополз это расстояние на животе и, приподняв голову, увидел тигра прямо перед собой. Он лежал, смотря на меня, солнце освещало его левое плечо. Получив две пули, он опрокинулся на бок, не издав ни звука.

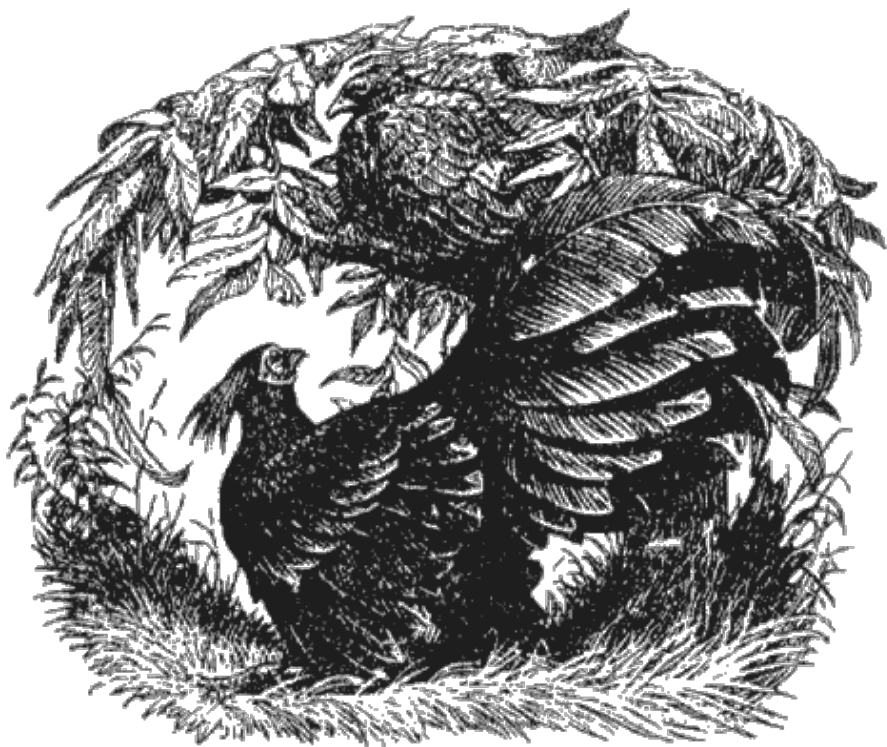
Я стоял над ним, и мои глаза пробегали по его великолепной фигуре. Не было необходимости рассматривать его лапы, чтобы убедиться в том, что передо мной лежит «Повальгарский холостяк». Направление полета пули, пущенной мною четыре дня назад, было изменено складкой кожи тигра. На задней части головы была глубокая ямка, которая удивительным образом была совершенно чистой и зажившей.

Звук моего выстрела должен был быть услышан. Я поспешил домой, чтобы не давать повода для беспокойства. Пока собирались люди, я за чашкой чаю рассказывал последние эпизоды этой охоты.

В сопровождении моей сестры, Робина и двадцати носильщиков я вернулся туда, где лежал тигр. Перед тем как его привязали к шесту, мы с сестрой измерили спину зверя от носа до

конца хвоста и от конца хвоста до носа. Дома мы опять перемерили тигра, чтобы убедиться, что не ошиблись в первый раз. Эти измерения не имеют значения, так как у нас не было нелицеприятных свидетелей, способных подтвердить их. Но они все же представляют интерес, ибо позволяют судить о точности, с которой опытный охотник определяет длину тигра по отпечаткам лап. Если вы помните, Уиндхем сказал, что тигр имел десять футов длины «между колышками» — это, грубо говоря, соответствует длине в десять футов шесть дюймов «по кривой». Один шикари сказал, что тигр имел десять футов пять дюймов по кривой, а другой — десять футов и шесть дюймов или немного более. Зверь был застрелен через семь лет после этих высказываний. При измерении его моя сестра и я установили, что тигр имеет десять футов семь дюймов длины «по кривой».

Я несколько подробнее остановился на этой истории, так как был убежден, что тем, кто охотился за этим тигром между 1920 и 1930 гг., небезынтересно узнать о судьбе «Повальгарского холостяка».

МОХАНСКИЙ ЛЮДОЕД

В восемнадцать милях от нашего летнего жилища в Гималаях тянется с востока на запад длинный горный хребет с высотами около девяти тысяч футов. Верхние части склонов восточного конца хребта покрыты роскошной злаковой растительностью. Ниже этих лугов хребет круто спускается вниз отдельными скалами к текущей в долине реке Коси.

Однажды группа женщин и девочек из деревни на северной стороне хребта косила траву, вдруг среди них появился тигр. Возникла паника, во время которой какая-то пожилая женщина споткнулась, покатилась по крутому склону и исчезла за скалой. Крики, очевидно, испугали тигра, он исчез так же таинственно, как появился. Когда разбежавшиеся женщины собрались и оправались от испуга, они спустились по травянистому склону и, заглянув через скалу, увидели, что спутница их лежит на узком карнизе немного ниже места, где они находились.

Женщина сказала, что она получила сильные повреждения. Оказалось, что она сломала ногу и несколько ребер и не в силах двигаться.

Стали обсуждать, как ей помочь, и в конце концов решили, что это мужское дело. Никто не хотел оставаться на месте; женщине объявили, что все пойдут в деревню за помощью. Женщина умоляла не оставлять ее одну, и по ее просьбе с ней согласилась побыть одна шестнадцатилетняя девушка. Женщины отправились в деревню, а девушка стала спускаться вправо, где расщелина позволяла ей взобраться на карниз.

Карниз тянулся примерно до половины скалы и в нескольких ярдах от места, где лежала женщина, заканчивался небольшой впадиной. Боясь упасть с карниза и разбиться на скалах, расположенных внизу на сотни футов, женщина попросила девушку отнести ее во впадину. Девушка успешно выполнила это трудное и опасное дело. В выемке места хватило только для одного; девушка прижалась к карнизу, повернувшись лицом к пострадавшей.

До деревни было четыре мили, и все сидевшие на скале думали о том, сколько времени понадобится их спутницам, чтобы дойти до деревни, сколько мужчин они застанут там в это время дня, как долго им придется объяснять, что именно случилось, и когда, наконец, придет помощь.

Разговор шел шепотом из страха, что тигр находится где-то вблизи и может их услышать. Внезапно женщина подала знак; девушка увидела выражение ужаса на ее лице и, повернув голову в направлении, куда был обращен взгляд женщины, увидела через плечо, как тигр выходит по расщелине скалы на карниз.

Немногие из нас, вероятно, не переживали кошмаров, когда кажется, что тело и голос парализованы в то время, как нас хочет уничтожить приближающееся чудовище. И когда мы пробуждаемся в поту, выступающем из каждой поры, то глубоко благодарим судьбу, что все это было только сном. Но у несчастной девушки не было такого счастливого пробуждения.

Немного воображения требуется, чтобы представить происшедшее. Скала с узким карнизом, во впадине которого лежит измученная женщина, тут же окоченевшая от ужаса девушка, прижавшаяся к краю скалы, и медленно подкрадывающийся к ней тигр. Никакого пути для бегства, никакой надежды на помощь.

Мадо Синг, мой старый приятель, находился в это время в деревне. Он возглавил спасательную партию. Спустившись по травянистому склону, люди увидели на карнизе лежащую в обмороке женщину и пятна крови. Пострадавшая была доставлена в деревню и, придя в себя, рассказала всю историю. Мадо Синг отправился ко мне за восемнадцать миль. Он был стар, ему было далеко за шестьдесят. Тем не менее старик отклонил мое предположение, что он устал и нуждается в отдыхе. Поэтому мы отправились вместе, чтобы выяснить положение.

Со времени происшествия прошло двадцать четыре часа, и все, что оставил тигр от храброй девушки, было несколько обломков костей и пропитанное кровью платье. Это был первый человек, убитый тигром, получившим впоследствии официальное наименование «Моханский людоед».

После нападения на девушку тигр спустился на зиму в долину Коси. По дороге, кроме других жертв, он лишил жизни двух служащих департамента общественных работ и приемную дочь члена нашего законодательного совета. С приближением лета тигр вернулся к месту первого убийства и в течение нескольких лет охотился в местностях выше и ниже по долине Коси, пока, наконец, не обосновался у горы над Моханом и в окрестностях деревни Картканоула.

На уездном совещании, о котором я упоминал в одном из предыдущих рассказов, выяснилось, что в это время действовали три тигра-людоеда, располагавшихся в следующих районах: в Чоугаре (уезд Найни-Тал), в Мохане (уезд Алмора) и в Канде (уезд Гарвал).

После того как было покончено с чоугарским тигром, Бенс, уездный комиссар в Алмора, напомнил мне, что я выполнил только часть обещания, данного на совещании, и что на очереди по списку был моханский тигр. Он заметил, что тигр стал более активным и с каждым днем представляет все большую угрозу для населения: только на предыдущей неделе он убил трех жителей деревни Картканоула. Бенс советовал мне отправиться именно в эту деревню.

Пока я был занят чоугарским тигром, Бенс убедил нескольких охотников поехать в Картканоула, но, хотя они занимали засидки над приманкой в виде убитых тигром людей и животных, им не удалось войти в соприкосновение с людоедом, и они вернулись в Раникет.

Бенс сообщил мне, что теперь все место действия будет предоставлено в мое исключительное распоряжение — весьма необходимая предосторожность, потому что при охоте за людоедами нервы слабеют и легко может случиться несчастье, если две или несколько групп охотников преследуют одного и того же зверя.

* * *

В ясный и жаркий майский день я с двумя слугами и шестью гарвальцами, ^[25] взятыми из Найни-Тала, сошел в час дня с поезда в Рамнагаре и начал пешеходное движение — двадцать миль — до Картканоула. Первый этап был всего лишь семь миль, но в Гарджия мы пришли только с наступлением вечера. Получив письмо Бенса, я так поспешно выехал из дому, что не успел получить разрешения занять лесную сторожку в Гарджия, поэтому ночевать пришлось на открытом воздухе.

На противоположном берегу Коси, близ Гарджия, есть скала в несколько сотен футов высотой. Не успел я заснуть, как услышал что-то, показавшееся мне стуком падения камней на лежавшие ниже скалы. Звук был именно таким, как если бы два камня с силой ударились один о другой. В жаркие ночи сон бывает беспокойным. Так как взошла луна и было достаточно светло, чтобы не наступить на змею, я встал с походной кровати и пошел посмотреть, в чем дело. Оказалось, что звук шел из колонии лягушек в болоте у края дороги. Мне приходилось слушать водяных, наземных и древесных лягушек, издающих странные звуки в разных странах, но я никогда не слышал ничего более странного, чем голос лягушек в Гарджия.

Выступив очень рано следующим утром, мы успели до наступления жары пройти двенадцать миль до Мохана. Пока люди готовили завтрак, чоукидар сторожки, два лесника и несколько человек, пришедшие с моханского базара, рассказывали мне историю о тигре. Последняя из них касалась рыбака, занимавшегося ловлей на реке Коси. Один из лесников претендовал на роль героя в этой истории и очень ярко описывал, как он пошел с рыбаком и как за поворотом течения реки они лицом к лицу столкнулись с тигром. И как рыбак бросился назад, сорвав ружье с его, лесника, плеча. И как потом они побежали, спасая жизнь, а тигр преследовал их по пятам. Я спросил: «Вы оглядывались?» — «Нет, саиб, — ответил лесник, удивляясь моей наивности. — Как может оглядываться человек, спасающий свою жизнь бегством от тигра?»

Рыбак, бежавший впереди, споткнулся среди густой травы о спящего медведя и упал, после чего началось большое смятение, крик, и все, включая медведя, бросились в разные стороны. Лесник, закончив свой рассказ, добавил, что на следующее утро рыбак покинул Мохан, жалуясь, что повредил себе ногу при падении через медведя и говоря, что ни при каких обстоятельствах он не станет ловить рыбу в реке Коси.

Около полудня мы были готовы продолжать путь. Столпившийся вокруг народ предупреждал о необходимости внимательно следить за людоедом в густом лесу, лежавшем перед нами. Мы начали подъем в четыре тысячи футов в Карткануола.

Продвижение было медленным, так как мои слуги несли тяжелый груз, тропа была очень крутой, а жара ужасной. В горных деревнях недавно происходили волнения, потребовалась даже посылка из Найни-Тала небольшого полицейского отряда; мне поэтому советовали взять с собой все необходимое и для себя лично, и для моих слуг, так как при неопределенности положения нельзя было рассчитывать получить что-либо на месте. Это и

было причиной того, что мои спутники были так нагружены.

После многих остановок в поздние послеполуденные часы мы дошли до края возделанных земель. Так как здесь моим людям не грозила опасность, я оставил их и пошел к домику лесника, видневшемуся из Мохана; мне его рекомендовали как наиболее удобное место стоянки у Картканоула.

Домик расположен был на гребне высокой горы, подымавшейся над Моханом. Когда я приближался к нему по ровному участку дороги, пересекавшей склон, и повернул к оврагу, поросшему густым кустарником, я встретил женщину, наполнявшую глиняный кувшин из небольшого родника, струившегося по деревянной колоде. Предвидя, что мое бесшумное приближение на резиновых подошвах может ее испугать, я кашлянул, чтобы привлечь к себе внимание. Заметив, что она чутко это восприняла, я остановился за несколько ярдов и закурил сигарету. Минуты две спустя, не поворачивая головы, я спросил, не опасно ли находиться в этом уединенном месте. После небольшого колебания женщина ответила, что место, конечно, небезопасное, но воду надо брать, а так как дома никого не было, она пошла одна. Разве у нее нет мужа? Есть, но он пашет, а при всех обстоятельствах женщина обязана принести воду. Долго еще она будет наполнять сосуд? Очень короткое время. Женщина теперь отбросила свои подозрения и страх, и я был подвергнут детальному допросу. Я полицейский? — Нет. Я офицер лесной охраны? — Нет. Так кто же? — Просто человек. Зачем я пришел? — Попытаться помочь жителям Картканоула. Чем? — Убить тигра. Где я услышал о тигре? Почему я пришел один? Где были мои люди? Сколько их? Как долго я намерен оставаться? и т. д.

Только удовлетворив свое любопытство, женщина заявила, что кувшин наполнен. Идя за мной и показывая мне один из гребней на южной стороне горы, она обратила мое внимание на большое дерево среди травянистого склона, где три дня назад тигр убил женщину. Я с интересом отметил, что дерево стояло только в двухстах или трехстах ярдах от домика лесника. Мы дошли теперь до подымавшейся в гору тропинки. Женщина сказала, что деревня, откуда она пришла, расположена сразу за поворотом горного склона, и добавила, что теперь она находится в полной безопасности.

Те из вас, кто знает индийских женщин, поймут, что мне очень повезло, в особенности если учесть, что в этих местах недавно были недоразумения с полицией. Я не вызвал у женщины тревоги и тем самым не возбудил к себе враждебного отношения во всей округе. Подождя, пока женщина наполнила кувшин, и

ответив на несколько вопросов, я приобрел друга, который в самое ближайшее время должен был сообщить всем крестьянам о моем прибытии, о том, что я не был официальным лицом и что единственной целью было желание избавить жителей от тигра.

Домик лесника стоял на небольшом возвышении, ярдах в двадцати от дороги, и так как дверь была заперта только цепочкой, я открыл ее и вошел. Небольшая комната была совершенно чистая, но в ней стоял затхлый запах давно необитаемого помещения. Позднее я узнал, что в домике никто не жил с тех пор, как восемнадцать месяцев назад в этих местах появился тигр-людоед. С обеих сторон комнаты было два узких помещения, одно из которых служило кухней, а другое — складом топлива. Домик мог служить приятным и безопасным убежищем для моих служащих. В нем не было никакой утвари. Открыв заднюю дверь и устроив в комнате сквозняк, я вышел и выбрал между домиком и дорогой место для своей палатки. Сев на камень у дороги, я стал ожидать прихода моих помощников.

Гребень горы в этом месте имел около пятидесяти ярдов в ширину, а так как домик стоял на южной стороне гребня, а деревня — на северной стороне горы, то ее из домика не было видно. Я просидел на камне не более десяти минут, как над вершиной со стороны деревни появилась голова, потом вторая и третья. Мой друг, женщина с кувшином, не замедлила сообщить о моем прибытии.

Когда незнакомые люди встречаются в Индии и хотят узнать о каком-либо интересующем их деле, они обычно избегают касаться его до самого последнего момента разговора и заполняют время обсуждениями самых разнообразных или личных дел собеседников, например: женат ли человек, а в положительном случае — сколько у него детей, мальчики они или девочки и в каком возрасте; если не женат, то почему; чем занимается, сколько зарабатывает и тому подобное. Вопросы, на которые в любой другой стране никто не стал бы отвечать, задаются в Индии так обычно и так бесхитростно, особенно в наших горах, что никому из живших среди нашего народа не придет в голову обижаться на это любопытство.

Во время моего разговора с женщиной я уже ответил на несколько подобных вопросов, но относительно некоторых домашних дел женщине непозволительно спрашивать мужчину. Эти вопросы заданы были мне пришедшими мужчинами. Они наполнили котелок из небольшого родника, в невероятно короткое время собрали сухие ветви, зажгли костер, вскипятили воду; появился чай и сухари. Вскрывая банку сгущенного молока, я слышал, как крестьяне спрашивали моих людей, зачем

употребляется сгущенное, а не свежее молоко, и ответ, что у нас нет свежего молока. Добавили и то, что я слышал о волнениях в этих местах и не рассчитывал достать свежего молока, поэтому мы и захватили большой запас сгущенного молока. Крестьяне казались очень огорченными, услышав все это. После переговоров шепотом один из них (позднее я узнал — староста из Карткануола) обратился ко мне и сказал, что они обижены тем, что я захватил с собой консервированное молоко, так как к моим услугам все запасы деревни. Я признал свою ошибку, объяснив ее тем, что я в этой местности чужой, и сказал старосте, что, если молоко достать можно, я охотно стал бы его покупать для ежедневного потребления, но что, кроме молока, мне ничего не нужно. Мой багаж был теперь разгружен, из деревни пришли новые посетители, и, когда я сказал моим слугам, чтобы они разбили палатку, я услышал восклицания ужаса собравшихся крестьян. Жить в палатке? Как, разве я не знал, что в этой местности находится тигр-людоед и что он каждую ночь ходит по этой дороге? Если я сомневаюсь в их словах, пусть я пойду и посмотрю на следы когтей на стенах домов, где дорога проходит через верхний конец деревни. К тому же, если тигр не съест меня в палатке, он, конечно, съест моих людей в доме, раз я там не буду их охранять. Последний довод заставил моих спутников насторожиться и присоединиться к убеждениям крестьян. Мне пришлось согласиться в конце концов остановиться в комнате, мои слуги заняли кухню, а шесть гарвальцев — помещение для топлива.

После того как разговор о людоеде начался, я мог продолжать его без того, чтобы собеседники поняли, что он только и интересовал меня с самого момента появления первого крестьянина из-за вершины горы. Мне указали тропу, шедшую к дереву, у которого тигр схватил свою последнюю жертву, и рассказали, когда и как была убита женщина. Дорога, по которой, как мне говорили, ходил каждую ночь тигр, шла на восток до Байтал-Гета, дальше она делилась на две: одну, ведущую вниз на Мохан, и другую на запад до Чакнакла на реке Рамганга. Дорога, шедшая на запад, пройдя на протяжении полумили по верхнему концу деревни по возделанным угольям, поворачивала на юг вдоль склона горы, проходила к гребню, где был домик лесника, и прямо по гребню спускалась в Чакнакл. Часть дороги между Карткануола и Чакнаклом, протяжением около шести миль, считалась очень опасной, и ею перестали пользоваться после появления людоеда. Позже я установил, что, пройдя возделанными землями, дорога вступала в густые древесные и кустарниковые заросли, тянувшиеся вплоть до реки.

Поля Карткануоула расположены главным образом по северной стороне гор, а за полями находится несколько небольших горных складок, разделенных глубокими оврагами. На самой близкой из них, примерно в тысяче ярдов от домика лесника, растет большая сосна. Около этого дерева десять дней назад тигр убил и частью уничтожил женщину. Три охотника, стоявшие в это время в лесной сторожке за четыре мили от этого места, не были в состоянии влезть на сосну, поэтому крестьяне устроили для них три махана на деревьях, отстоявших от ста до ста пятидесяти ярдов от трупа. Маханы были заняты охотниками и их слугами незадолго до захода солнца. Это происходило в новолуние. После захода луны крестьяне слышали несколько выстрелов, и когда на следующее утро они расспрашивали слуг, те сказали, что не знают, по какой цели стреляли охотники, так как сами они ничего не видели. Через два дня охотники устроили засидку над коровой, она была убита, как и в предыдущем случае; после захода луны началась стрельба. Вот такие «спортивные», но неудачные покушения и делают людоедов столь осторожными, что, чем дольше они живут, тем труднее становится их застрелить.

Крестьяне сообщили мне очень интересные новости о тигре. Они говорили, что всегда узнают о его приходе в деревню по тихо издаваемому стону. Спросив у них подробности, я узнал, что иногда проходивший между домами тигр стонал непрерывно, но что временами стон прекращался то на долгое, то на короткое время.

Из этого я заключил, что тигр страдал от раны и рана была такой, что боль от нее тигр чувствовал только на ходу, а это вызывало предположение о ране в ноге. Меня уверяли, что ни местные шикари, ни охотники, устраивавшие засидки, не ранили тигра. Впрочем, это не имело большого значения, так как тигр был людоедом много лет и рана, от которой он страдал, по моему предположению, как раз могла быть причиной людоедства. Вопрос весьма интересный, решить который можно было, только осмотрев тигра после его смерти.

Крестьяне были очень заинтересованы тем, что я придавал такое значение звукам, издаваемым тигром. Когда я сказал, что звуки эти показывают, что одна из лап имеет ранение, и что рана происходит от выстрела или от игл дикообраза, они согласились с моими рассуждениями, но заметили, что когда им приходилось видеть тигра, то он выглядел здоровым, а легкость, с которой тигр убивал и уносил свои жертвы, говорит о том, что он никак не может быть инвалидом. Все же они запомнили мои слова, и позже это составило мне репутацию человека со «сверхъестественным

Проходя через Рамнагар, я попросил тахсилдара купить для меня двух бычков буйволов и послать в Мохан, где их должны были принять мои слуги.

Я сказал крестьянам, что намереваюсь привязать одного буйвола около дерева, где три дня тому назад была убита женщина, а другого — у дороги в Чакнакл. Жители подтвердили, что не могут придумать лучших мест для приманки, но все же хотят обсудить и сообщить следующим утром, не смогут ли дать мне других полезных советов. Приближалась ночь, и перед уходом староста обещал мне завтра утром известить все окрестное население о моем прибытии и его цели, внушив ему необходимость без всяких проволочек ставить меня в известность о всех случаях гибели людей или нападениях тигра в этих местах.

Затхлый запах в комнате уменьшился, хотя все еще ощущался. Я не обращал на него внимания и после купанья и обеда привалил к двери два камня — другого способа держать ее на запоре не было — и, устав после дневных трудов, прилег на кровать. Сон у меня легкий, и часа через два или три я проснулся, услышав, как кто-то подошел прямо к задней двери. Схватив ружье и факел, я отодвинул ногой камни, открыл дверь и услышал удаляющиеся шаги. Судя по звуку, зверь мог быть тигром, но мог быть дикобразом и леопардом. Густые джунгли не позволяли рассмотреть его.

Вернувшись в комнату и положив на место камни, я почувствовал, что охрип; я приписал это тому, что после подъема из Мохана сидел на ветру. Но когда рано утром мои слуги открыли дверь и принесли мне кружку чаю, я понял, что получил ларингит, вероятно, оттого, что спал в давно нежилой комнате, потолок которой кишел летучими мышами. Мой слуга сказал, что он и его товарищи избежали заразы, но что шесть гарвальцев, ночевавших в кладовке для топлива, пострадали, как и я. Мои запасы лекарств ограничивались двухунцевой бутылочкой с раствором йода и несколькими таблетками хинина. Порывшись в ружейном футляре, я нашел еще небольшой пакет марганцовокислого калия, которым снабдила меня сестра при моей предыдущей поездке. Пакет пропитался ружейным маслом, но кристаллы были еще растворимы; я положил порядочное их количество в банку с горячей водой и добавил туда йода. Получившееся лекарство оказалось очень действенным и хотя

сильно зачернило зубы, но зато смягчило воспаление горла.

После раннего завтрака я направил четырех человек в Мохан, чтобы привести буйволов, а сам отправился осмотреть местность, где была убита женщина. По сведениям, полученным накануне, мне нетрудно было найти место, где тигр напал на женщину и убил ее, когда она связывала охапку сжатой травы. Трава и веревка все еще лежали на месте, где женщина их оставила, там же были и две охапки травы, брошенные спутницами женщины, когда они в ужасе побежали в деревню. Крестьяне говорили мне, что тело убитой разыскать не удалось.

Женщина была убита на верхнем краю небольшого склона, по которому тигр унес ее в густые кустарники. Здесь зверь подождал, возможно, пока не исчезли из виду две другие женщины, затем пересек гребень, видный из домика, а потом спустился с добычей прямо вниз по горе в густые древесные и кустарниковые заросли. Следы имели теперь четырехдневную давность, идти по ним было бесполезно, и я отправился к себе в домик.

Обратный подъем на гребень был очень крутым. Когда к полудню я добрался до места, то нашел на веранде дома целый склад горшков и кастрюль разных размеров и форм, все они были наполнены молоком. По сравнению со скудным предыдущим днем наступило изобилие: молока хватило бы на целую ванну. Мои слуги сообщили, что все их протесты ни к чему не привели и что каждый крестьянин, ставя посуду на веранде, заявил, что позаботится о том, чтобы я, пока нахожусь в их деревне, не нуждался в свежем молоке.

До наступления ночи я не мог рассчитывать на возвращение из Мохана моих людей с буйволами, поэтому после завтрака пошел осмотреть дорогу в Чакнакл.

Гора от дома поднималась постепенно на высоту тысяч в пять футов и, грубо говоря, имела треугольные очертания. Дорога, пройдя по полям примерно полмили, резко поворачивала влево, пересекала другую скалистую гору, подымалась на гребень, изгибалась вправо и шла по гребню до Чакнакла. По гребню дорога шла ровными местами на коротком протяжении, а потом вниз, причем спуск местами облегчался резкими поворотами.

Я весьма тщательно осмотрел местность на протяжении трех миль. Если тигр регулярно ходит по какой-либо дороге, он обязательно оставляет следы в виде царапин от когтей у краев этой дороги. Значение этих царапин то же, как у домашних кошек и других представителей семейства кошачьих. Они весьма интересны для охотника, так как помогают понять: самец это или самка; в каком направлении зверь двигался; давно ли он прошел;

направление, в котором находится место его постоянного пребывания, и примерное до него расстояние; что зверь добыл; ели ли зверь недавно человеческое мясо. Каждый, кому приходилось охотиться за людоедом в незнакомой местности, вполне понимает важность таких, при этом легко получаемых сведений. Тигры оставляют отпечатки своих лап на дороге, по которой ходят, а по следам можно судить, например, о направлении и скорости движения зверя, о том, самец это или самка, молодой или старый, все ли четыре лапы зверя в порядке, а если не в порядке, то какая из них раненая.

Дорога, по которой я шел, была давно заброшена и поросла низкой жесткой травой, только на одном или двух влажных местах имелась подходящая для отпечатков почва. Одно из таких мест находилось в нескольких ярдах от выхода дороги на гребень. Прямо под ним виднелась зеленая лужа застоявшейся воды — место регулярных водопоев замбара.

Царапины когтей тигра я нашел за углом, где дорога поворачивала влево, пройдя через поля. Самые свежие из них имели трехдневную давность. В двухстах ярдах от царапин над дорогой примерно на треть ширины нависла скала в десять футов вышиной, на вершине ее была площадка шириной в два-три ярда, видная с дороги только при подходе со стороны деревни. На гребне я также нашел царапины от когтей, но не мог найти следов лап, пока не вышел на первый крутой поворот. Срезая его, тигр оставил след при прыжке на довольно мягкой почве. След суточной давности немного осыпался, но и при этом можно было видеть, что его оставил крупный старый тигр-самец.

Когда приходится идти по местности, где действует тигр-людоед, то движение должно быть очень медленным, так как препятствия на пути, будь то дерево, куст или скала или неровность рельефа, могут таить смерть и приближаться к ним надо с крайней осторожностью. При этом, если нет ветра (а в этот вечер ветра не было), приходится все время внимательно наблюдать за тем, что происходит сзади и по сторонам. А вокруг все было так интересно. Ведь дело происходило в мае, когда тут на высотах в четыре-пять тысяч футов были в полном цвету орхидеи. И мне никогда не приходилось видеть такого разнообразия и богатства цветов, как в этих горах. Прекрасные белые орхидеи были весьма многочисленны, и каждое второе дерево независимо от его размеров было сплошь покрыто этими цветами.

Здесь я впервые увидел птиц, которых впоследствии Пратер из Бомбейского естественноисторического музея любезно определил как горных ласточек. Их окраска — однообразно

сероватая со слабым розоватым оттенком на груди; по размерам они немного уступают розовым скворцам. Эти птицы находились при выводках. Птенцы — в выводках их было по четыре — сидели в ряд на вершине высокого дерева. А родители летали иногда на расстоянии двухсот — трехсот ярдов, охотясь за насекомыми. Быстрота полета их поразительна. Я совершенно уверен, что в этом отношении с горной ласточкой не сравнится ни одно пернатое существо в северной Индии, включая и большую тибетскую ласточку, проводящую у нас зиму.

Другая интересная черта этих птиц — их удивительное зрение. В некоторых случаях они летят по совершенно прямой линии на сотни ярдов, перед тем как вернуться к птенцам. Учитывая скорость полета, кажется невозможным, чтобы ласточки при таких значительных перелетах охотились на насекомых, однако после каждого вылета они возвращаются с добычей. Я думаю, что они способны видеть насекомых на таком расстоянии, на котором человеческий глаз не мог бы заметить их даже при помощи самого сильного бинокля.

Охраняя свой тыл, разыскивая следы, наблюдая за природой и прислушиваясь к каждому звуку в джунглях (в миле расстояния замбар внизу на склоне к Мохану предупреждал население джунглей о присутствии тигра, а каркер и лангур по дороге в Чакнакл — о присутствии леопарда), я не замечал, как летит время. К закату я миновал скалу, у которой внизу проходила дорога. Несомненно, это было самое опасное место из всего пройденного мною пути. Тигру, залегшему в поросшем травой клочке земли на скале, нужно было только ожидать прихода кого-либо в любом направлении по дороге, чтобы получить новую добычу. Да, это ловушка, которую надо запомнить.

Когда я вернулся в домик, оба буйвола уже находились здесь, но в этот вечер уже поздно было что-либо предпринимать.

Мои люди поддерживали огонь в домике почти целый день, и воздух в нем стал свежим и приятным. Но я теперь не хотел рисковать, ночуя в комнате с закрытыми дверями. Я распорядился поэтому срубить два колючих кустарника и прочно укрепил их у порога, перед тем как лечь в постель. В эту ночь в джунглях все было спокойно, и после крепкого сна я проснулся со значительно улучшенным состоянием горла.

Утром я расспрашивал крестьян, отмечая все, что они говорили мне о людоеде и о тех попытках, которые предпринимались, чтобы его застрелить. После завтрака я привязал одного буйвола на небольшом гребне скалы, где тигр прошел, унося женщину, а другого — на повороте дороги, где видел отпечатки его лап.

На следующий день утром я нашел обоих буйволов, мирно спящих после того, как они почти целиком уничтожили большие запасы оставленной им травы. На шею каждому из них я раньше привязал бубенцы. Отсутствие звона бубенцов ввело меня в заблуждение и вызвало разочарование, когда я увидел, что они попросту спят. Этим вечером я переместил второго буйвола с поворота дороги к луже стоячей воды.

Самые распространенные способы охоты на тигра — это засидка и загон. В обоих случаях как приманкой пользуются молодыми бычками буйволами. Выбирают место, наиболее подходящее для устройства засидки или загона. Вечером приманка привязывается такой веревкой, которую она не в состоянии оборвать, хотя тигр может это сделать. Если тигр взял приманку, над убитым животным устраивают засидку или в этой местности организуется загон.

В настоящем случае ни один из этих способов не был применим.

Хотя моему горлу стало гораздо лучше, я не мог просидеть сколько-нибудь значительное время на махане, не кашляя, а загон на пересеченной и богатой лесом местности был безнадежным. Оставался один путь: взять тигра с подхода. Для этой цели я тщательно выбрал место для моих буйволов, привязал их к деревьям дюймовыми пеньковыми веревками, а затем расстался с ними на целые сутки.

Посещал я буйволов каждый день утром и вечером, как только условия света позволяли стрелять, так как тигры — все равно, людоеды они или нет, — убивают добычу и ночью и днем. В свободное время я ожидал новостей из соседних деревень, лечил горло и отдыхал, а мои шесть гарвальцев кормили и поили буйволов.

На четвертый день вечером, возвращаясь на закате солнца с гребня после посещения буйволов, я подошел к повороту дороги в тридцати ярдах от нависшей скалы. Внезапно, и в первый раз после моего прибытия в Картканоула, я почувствовал, что нахожусь в опасности и что опасность грозит мне с находившейся передо мной скалы. Пять минут я простоял совершенно неподвижно, рассматривая передний край скалы и ожидая заметить там какое-нибудь движение. На таком расстоянии даже мигание века привлекло бы мое внимание, по все было неподвижно. Тогда я прошел десять шагов и опять остановился, наблюдая за скалой еще несколько минут. То, что я не заметил никакого движения, меня не успокоило, людоед был на скале, в этом я был уверен. Вопрос был в том, что же мне предпринять? Гора была очень крутой, на ней росли густая трава, деревья и

кусты. Какой бы трудной ни была ходьба по горе, я, если бы дело происходило в более ранний час, пошел бы назад, обошел тигра сверху и попытался его застрелить. Но теперь оставалось только полчаса светлого времени и изрядная часть мили до конца пути. Сойти с прямой дороги было безумием, поэтому, сдвинув предохранитель и приложив ружье к плечу, я направился вперед, чтобы пройти мимо скалы.

Ширина дороги на этом участке была около восьми футов. Выйдя на самый край противоположной от скалы дороги, я пошел боком, ощупывая землю ногой, прежде чем сделать шаг. Движение было медленным и трудным, но, когда я поравнялся с нависшей скалой и стал проходить мимо нее, возникла большая надежда, что тигр не двинется с места раньше, чем я достигну той части дороги, с которой площадка над скалой, где залег тигр, была уже видна. Однако тигр, которому не удалось захватить меня врасплох, не собирался делать каких-либо попыток.

Только что я миновал скалу, как услышал выше себя тихое ворчанье, а немного позже каркер с криком появился с правой стороны, а две самки замбара подали голос у вершины треугольной горы.

Тигр ушел с целой шкурой, у меня она тоже уцелела, так что в этом случае жалеть было не о чем. Я был уверен, что с места на горе, где присутствие тигра было указано замбаром, тигр сможет услышать звон бубенцов буйвола, привязанного на гребне у лужи.

Дойдя до полей у деревни, я встретил группу ожидавших меня людей. Они слышали крики каркера и замбара и были огорчены тем, что я не видел тигра. Я утешил их, что питаю большие надежды на завтрашний день.

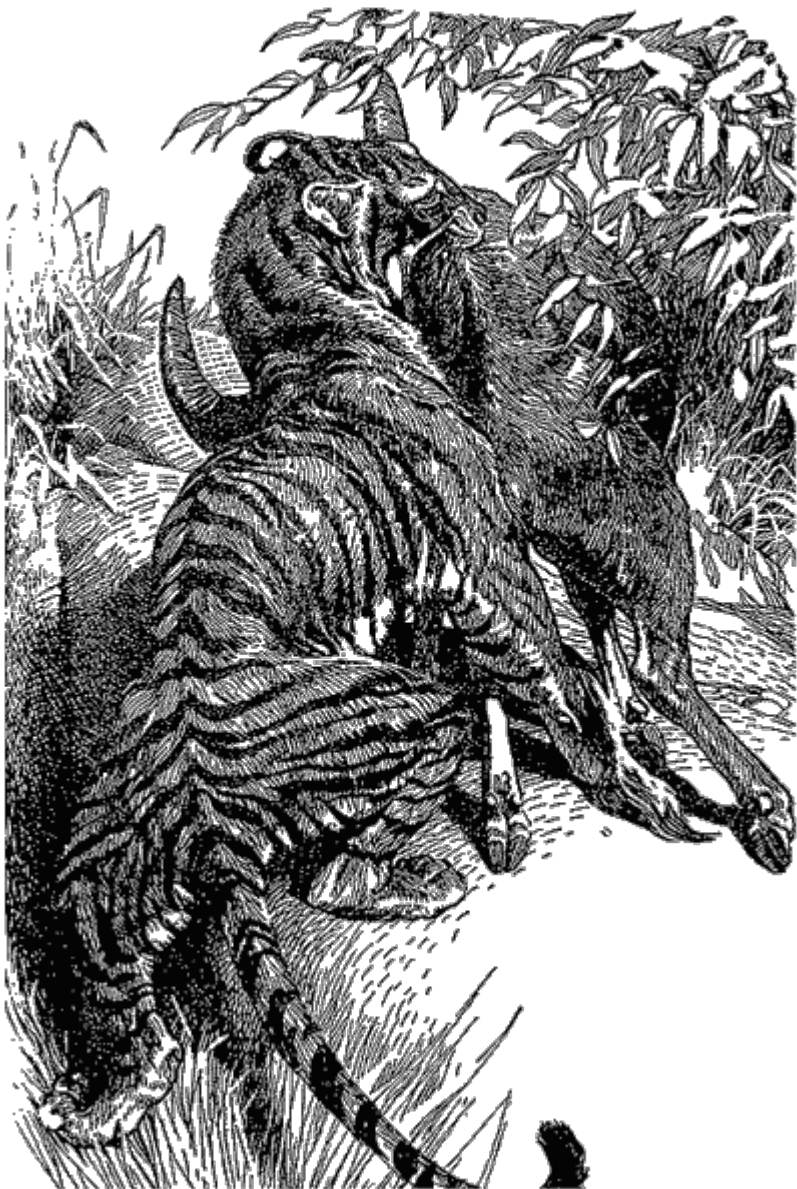
* * *

Ночью прошел пыльный смерч, а затем сильный дождь. К сожалению, я обнаружил, что крыша домика протекает во многих местах. Я нашел место, где лило меньше, чем в других, перенес туда мою походную кровать и продолжал спать. Проснулся я сияющим ясным утром. Дождь очистил атмосферу, каждый листик, каждая травинка сверкали в лучах восходящего солнца.

До этого дня я начинал обход с ближайшего буйвола, но в это утро возникла настоятельная необходимость изменить принятый порядок. Сказав моим людям, чтобы они подождали, пока солнце не поднимется высоко, а затем пошли поить и кормить ближайшего буйвола, я с большими надеждами направился вниз по чакнаклской дороге, предварительно почистив и смазав свое

ружье, бывшее для меня надежным другом в течение многих лет.

Нависшая скала, мимо которой я проходил вчера вечером с таким волнением, на этот раз не причинила мне ни малейшего беспокойства. Миновав ее, я стал разыскивать следы, так как дождь размягчил поверхность дороги. Но я ничего не увидел, пока не пришел к сырому месту, которое тянулось, как я уже упоминал, по ближней стороне гребня и близко от лужи, где был привязан буйвол. Тут на мягком грунте я нашел отпечатки лап тигра, сделанные еще перед бурей: тигр двигался по направлению к гребню. Вблизи от этого места на краю дороги находился большой камень высотой фута в три. Раньше, идя по дороге, я выяснил, что только с этого камня я мог видеть за ее подъемом привязанного буйвола. Взобравшись на камень и осторожно подняв голову, я обнаружил, что буйвол исчез. Открытие это являлось и неприятным и необъяснимым.

Чтобы тигр не занес буйвола куда-нибудь далеко в джунгли (а там стрелять по нему можно было только при условии засидки на земле или на дереве, что при состоянии моего горла было неприемлемым), я связал вместе четыре дюймовых пеньковых веревки, — и все-таки тигр ушел вместе с добычей!

На мне была обувь с подошвой из тончайшей резины. Совершенно беззвучно я приблизился к молодому дереву, к которому был привязан буйвол, и осмотрел землю. Буйвол был убит перед бурей, но унесен после того, как дождь прошел, причем до этого времени тигр не съел ни кусочка буйвола. Три из

связанных мной вместе веревок были перегрызены, а четвертая оборвана. В таких случаях тигры обычно не перекусывают веревок, но этот поступил так. Добычу он утащил в направлении к Мохану. Мои первоначальные планы потерпели крушение, но на помощь мне пришел дождь. Толстый ковер мертвой листвы, бывший до этого дня сухим, стал теперь мягким и мог быть примятым. Следовательно, при отсутствии ошибок с моей стороны труды, которые понес тигр, унося добычу, могли бы оказаться напрасными.

Входя в джунгли, где в любой момент может возникнуть необходимость стрелять, я никогда не чувствую себя уверенным, пока не буду убежден в том, что мое оружие заряжено. Нажать в момент опасности спуск и очутиться в «блаженных охотничьих угодьях» или в других местах только потому, что оружие не заряжено, есть следствие небрежности, для которой не может быть оправдания. Поэтому, хотя я и знал, что зарядил штуцер перед подходом к нависшей скале, я опять открыл его и вытащил патроны. Один, с помятыми краями, я заменил, потом несколько раз ставил и снимал предохранитель, чтобы убедиться в том, что он легко двигается (курковым штуцером я никогда не пользовался). Затем пошел по волоку.

Собственно говоря, слово «волоку» в применении к следу, оставленному тигром, перемещающим свою добычу с одного места на другое, может ввести в заблуждение, потому что тигр при таких обстоятельствах не тащит, а несет (я видел, как тигр унес вполне взрослую корову за четыре мили). А если добыча так тяжела, что тигр не в состоянии ее унести, он ее бросает. Волок бывает то отчетливо, то мало заметным, в зависимости от размеров добычи и от того, за какое место держит ее тигр. Например, если добыча — замбар и тигр держит его за шею, задняя часть оленя будет волочиться по земле, оставляя явственный отпечаток. Если такого же замбара тигр держит за середину спины, следы могут быть слабыми или их может не быть вовсе.

В данном случае тигр нес буйвола за шею, поэтому задняя часть тела буйвола оставляла след, идти по которому не представляло трудностей. Сотню ярдов тигр прошел по диагонали горного склона, пока не достиг крутого глинистого обрыва. При попытке пройти здесь он поскользнулся, выпустил добычу, она скатилась вниз на тридцать или сорок ярдов, пока не задержалась у дерева. Дойдя до буйвола, тигр схватил его за спину, и теперь только одна из ног буйвола местами задевала за землю, оставляя слабый след. Но так как склон был покрыт высоким папоротником, идти по следу было не слишком трудно.

При падении тигр сбился с взятого направления и был, по-видимому, в нерешительности, куда нести добычу. Сначала он прошел двести ярдов направо, затем сотню ярдов прямо вниз через густые заросли рингала (карликового бамбука). Пробившись с большим трудом через рингал, тигр повернул влево и прошел по горе в поперечном направлении к склону несколько сотен ярдов, дошел до большой скалы и обогнул ее справа.

Передняя стенка скалы была отлогой и, постепенно повышаясь до двадцати футов, казалось, образовывала выступ над впадиной или ущельем значительных размеров. Если там имелась пещера или укрытие под выступом, было весьма вероятно, что тигр унес туда свою добычу. Поэтому, оставив волок, я поднялся на скалу и медленно пошел вперед, осматривая каждый ярд лежащей внизу и по сторонам местности, как только он попадал в поле зрения. Дойдя до края выступа, я был разочарован, найдя, что местность круто спускалась к скале и что на склоне ее не было ни пещеры, ни укрытия, которые я надеялся увидеть.

С вершины открывался прекрасный вид на ущелье и на окрестные джунгли. Скала в значительной степени защищала меня от нападения людоеда, и я присел отдохнуть. Вдруг я заметил что-то белое с красным прямо подо мной, в сорока или в пятидесяти ярдах. Когда приходится высматривать тигра в густых джунглях, за тигра принимается все красное, что видит глаз. В этом случае я не только видел красный цвет тигра, но и его полосы. В течение долго тянувшейся минуты я напряженно рассматривал предмет, а затем, как будто передо мной внезапно раскрылся смысл загадочной картины, понял, что этот предмет был убитым буйволом, а не тигром. Красной была кровь, выступавшая на недавно съеденных местах, а полосы — ребрами, с которых тигр содрал шкуру. Я был очень рад, что не торопился с выстрелом. В одном подобном случае мой друг потерял возможность убить замечательного тигра, всадив две пули в добычу тигра, у которой он намеревался сделать засидку. К счастью, он был очень хорошим стрелком, и два человека, выделенных охотником для розысков убитого тигром животного и для устройства махана, в момент выстрела стоявших вблизи от добычи тигра за кустом, избежали повреждений.

Если непотревоженный тигр оставляет свою добычу на открытом месте, можно предполагать, что он залег поблизости, чтобы охранять ее от грифов и других любителей падали. И то, что я не видел тигра, не означало, что его нет где-нибудь поблизости среди густых зарослей.

Тигров беспокоят мухи, поэтому они не лежат долго в одном

положении. Я решил оставаться на месте и смотреть, не будет ли какого-нибудь движения. Но только что я принял такое решение, как почувствовал раздражение в горле. Обычные способы, применяемые в таких случаях в церкви или в джунглях, как задержка дыхания, проглатывание мокроты, не помогли. Я в отчаянии попытался облегчить горло, издав тревожный крик лангура. Звуки, издаваемые животными, трудно передать словами, и для тех из вас, которые не знакомы с нашими джунглями, я попытаюсь описать этот тревожный крик, слышный за полмили, как «кхок-кхок-кхок», быстро повторяемое с короткими промежутками и заканчивающееся как «кхо-коррор». Не все лангуры кричат, увидев тигров, но некоторые в наших горах так поступают, и, так как тигр, наверное, слышал этот крик ежедневно в течение своей жизни, это был единственный звук, который я мог сделать, не привлекая его внимания. Если крик в моей передаче звучал не очень убедительно, то он во всяком случае принес желательный результат, устранив раздражение в моем горле.

Я еще полчаса просидел на скале, ожидая, не увижу ли каких-нибудь движений или не услышу новостей животного мира джунглей, но убедился, что тигра нигде нет в поле зрения и, сойдя со скалы, спустился, соблюдая крайнюю осторожность, к мертвому буйволу.

Я сожалею, что не могу сообщить вам, сколько мяса за один прием может съесть взрослый тигр, но вы можете получить известное представление об его возможностях, если я скажу, что замбара тигр может уничтожить за два дня, а буйвола — за три, оставив незначительную закуску на четвертый день.

Привязанный мной для приманки буйвол был еще не вполне взрослым, но отнюдь не небольшим животным, и тигр съел примерно половину его. С таким обедом в желудке тигр, как я был уверен, не мог уйти далеко. Так как земля все еще была влажной и должна была остаться такой час или два, я решил выяснить, в каком направлении зверь ушел, и попытаться взять его с подхода.

У трупa буйвола было полно всяких следов, но, двигаясь по расширяющимся кругам, я нашел путь, по которому уходил тигр. Тропить^[26] зверей с мягкими лапами немного трудней, чем копытных; но после многолетнего опыта тропление требует от человека так же мало усилий, как «прицуивание следа» от охотничьей собаки. Беззвучно и медленно, как тень, я пошел по следу, зная, что тигр должен находиться где-то в непосредственной близости. Пройдя сотню ярдов, я вышел на небольшую ровную площадку двадцати футов площадью,

покрытую низкой травой с сильно душистыми корнями. На этой траве тигр лежал: отпечаток его тела был вполне ясным.

Когда я смотрел на этот отпечаток и пытался определить величину оставившего его зверя, я увидел, как примятая трава стала распрямляться, — это значило, что тигр ушел только одну или две минуты тому назад.

Вы можете получить известное представление, как далее разворачивались события, если я вам скажу, что тигр принес добычу с севера, а оставив ее, ушел на запад; что скала, на которой я сидел, убитый буйвол и место, где я теперь находился, представляли собой углы треугольника, одна сторона которого была длиной в сорок ярдов, а две другие — по сто ярдов.

При виде распрямлявшихся стеблей травы моей первой мыслью было, что тигр увидел меня и ушел, но скоро я понял, что это было невероятно, так как ни скала, ни буйвол не были видны с травянистой площадки. Я был совершенно уверен, что тигр не мог меня видеть. Почему же он оставил свое удобное ложе? Солнце, обжигавшее сзади мою шею, дало ответ.

Было девять часов тягостно жаркого майского утра, и беглый взгляд на положение солнца и на вершины деревьев, над которыми оно поднялось, показал, что травянистая площадка стала освещаться солнцем минут десять назад. Тигру, очевидно, стало слишком жарко, и за несколько минут до моего прихода он пошел искать тенистый уголок.

Я уже сказал, что травянистая площадка была размером в двадцать футов. На ее противоположном конце от места, с которого я приближался, в направлении с севера на юг лежало упавшее дерево. Толщина этого дерева была около четырех футов, оно лежало вдоль травянистой площадки, в середине которой я теперь находился — на расстоянии примерно десяти футов от дерева.

Корневая часть дерева находилась на склоне горы, круто подымавшейся и поросшей кустарником, а вершина, лишившаяся при падении дерева ветвей, свисала. За деревом гора казалась более или менее отвесной, а поперек ее стены проходил узкий скалистый карниз, исчезающий в густых джунглях в тридцати ярдах. Если мое предположение, что солнце заставило тигра переместиться, было правильным, то для него не было более удобного места в тени, чем за упавшим деревом. Единственным способом убедиться в этом было встать на дерево и заглянуть в тень.

В моей памяти промелькнул рисунок, который я когда-то давно видел в «Панче».^[27] Он изображал одинокого спортсмена, отправившегося на охоту за львами. Охотник невзначай взглянул

на скалу, под которой он проходил, и увидел разъяренную морду самого большого из африканских львов. Под рисунком было написано: «Если вы отправляетесь разыскивать льва, будьте сначала уверены, что вы действительно хотите его видеть». Правда, тут была небольшая разница, так как мой друг в Африке смотрел в лицо льва снизу, а мне приходилось взглянуть в лицо тигра сверху. Но во всем остальном, предполагая, что тигр находится по ту сторону дерева, положение было аналогичным.

Осторожно, дюйм за дюймом передвигая ноги по траве, я начал приближаться к дереву и проделал уже около половины расстояния, как заметил какой-то черно-желтый предмет длиной дюйма в три на каменном карнизе, который, как я теперь разглядел, являлся старой звериной тропой. Минуту я рассматривал этот неподвижный предмет, пока не убедился, что это конец хвоста тигра. Так как хвост был направлен от меня, голова тигра была обращена ко мне.

Карниз имел только два фута ширины, и тигр, вероятно, залег, чтобы прыгнуть в момент, когда моя голова появится из-за дерева. Конец хвоста находился в двадцати футах от меня, и, принимая длину залегшего тигра за восемь футов, голова его должна была быть в двенадцати футах дальше. Но мне необходимо было подойти значительно ближе, чтобы сделать убийный выстрел, а убийный выстрел я мог сделать только стоя. И теперь, в первый раз в жизни, я раскаивался в своей привычке пользоваться бескурковым оружием. Предохранитель моего штуцера производит ясно слышный звук, а любой звук при создавшихся обстоятельствах побудил бы тигра или броситься на меня, или уйти вниз по горному обрыву без всякой для меня возможности по нему выстрелить.

Я стал подползать дюйм за дюймом, пока не увидел сначала весь хвост, потом заднюю часть тела. Застав тигра в этом положении, я готов был закричать от радости: мне стало ясно, что тигр просто лежал, а не готовился к нападению. На карнизе было место только для туловища тигра, поэтому он вытянул свои задние лапы и положил их на верхние ветви молодого дубка, росшего на почти отвесном склоне. Затем я увидел его переднюю лапу, потом брюхо — оно спокойно подымалось и опускалось — и понял, что тигр спит. Я стал двигаться вперед быстрее, пока не увидел плеча, потом всего зверя. Затылок тигра лежал на краю дерновины, тянувшейся на три или четыре фута за упавшим деревом; глаза тигра были крепко закрыты, а нос направлен к небу.

Прицелившись в переднюю часть головы тигра, я нажал спуск и, не переставая нажимать, сдвинул предохранитель. Я не имел

представления, как такое нарушение обычного метода может действовать, но выстрел последовал. И когда тяжелая пуля на короткой дистанции вонзилась в голову тигра, по его телу не пробежало ни малейшей дрожи. Хвост тигра оставался вытянутым, задние лапы по-прежнему лежали на верхних ветвях деревца; нос его все так же был обращен к небу. Это положение тела тигра ни в чем не изменилось, когда вслед за первой я послал вторую, совершенно лишнюю пулю. Последовало только одно заметное изменение: брюхо перестало подниматься и опускаться, а кровь заструилась из двух поразительно малых пулевых отверстий в его голове.

Не знаю, как действует на других непосредственная близость тигра, но у меня всегда бывает чувство, что я задыхаюсь (возможно, как от страха, так и от волнения), и возникает потребность хотя бы в кратком отдыхе. Я сел на упавшее дерево, скрутил папиросу (я воздерживался от курения с тех пор, как у меня заболело горло) и предался размышлениям. Всякая выполненная задача вызывает удовлетворение, в этом отношении и данный случай не был исключением. Поводом для моего прибытия в эту местность было уничтожение людоеда; с того момента, как я сошел с дороги два часа тому назад, и до того, как я сдвинул предохранитель, все, включая крик лангура, шло гладко и без единой ошибки. Это вызвало большое удовлетворение, подобное тому, которое ощущает автор, поставивший точку в произведении, все перипетии которого развертывались в полном соответствии с его замыслом. Но в моем случае финал не был удовлетворительным, так как я убил зверя во сне, на расстоянии пяти футов.

Я понимаю, что мои личные ощущения в данном случае представляют для других мало интереса. Но возможно, и вы считаете, что в этом случае дело шло не об игре в крокет, и тогда мне хотелось бы привести аргументы, которые я приводил сам себе в надежде, что вам они покажутся более удовлетворительными, чем я думал. Эти аргументы таковы: тигр был людоед, и поэтому лучше, что он стал мертвым, безразлично, был ли он убит, когда бодрствовал или спал, и, наконец, если бы я отступил, увидев, как подымается и опускается его брюхо во сне, я взял бы на себя моральную ответственность за гибель людей, которых он мог убить впоследствии. Вы согласитесь, что эти аргументы оправдывают мой поступок. Но остается сожаление, что из опасения последствий лично для себя или из-за боязни упустить случай, который мог более не представиться, я не разбудил спящего зверя и не дал ему возможность честной охотничьей борьбы.

Тигр лежал мертвым. Для того чтобы мой трофей не упал вниз в долину и не пропал, надо было попытаться как можно скорее снять его с карниза. Приставив ставший теперь ненужным штуцер к упавшему дереву, я поднялся на дорогу, прошел за поворот ее у полей и, соединив ладони рупором, послал многократно отдававшуюся эхом весть по горам и долинам. Повторять крики мне не пришлось, так как мои люди слышали два выстрела, возвращаясь после посещения первого буйвола, и побежали к дому, где я остановился, чтобы созвать всех крестьян. На мой крик все собравшиеся направились мне навстречу.

Когда достали крепкие веревки и топор, мы пошли обратно и, обвязав тигра веревками, то на руках, то волоком взяли его с карниза и перетащили через упавшее дерево на поляну. Здесь я хотел снять с него шкуру, но крестьяне упросили меня не делать этого, говоря, что женщины и дети из Картканоула и окрестных деревень будут очень огорчены, если им своими глазами не удастся увидеть врага и убедиться в том, что людоед, в страхе перед которым они прожили несколько лет и который установил царство террора на всей территории уезда, был в самом деле по-настоящему мертвым.

Когда срубили два деревца, чтобы перенести тигра к домику лесника, я видел, как некоторые из присутствующих мужчин ощупали лапы тигра и заявили о том, что они убедились в своем утверждении, будто тигр не страдал от какой-либо старой раны или увечья. У домика тигр был положен в тени развесистого дерева. Крестьянам было сказано, что тигр находится в их распоряжении до двух часов дня: большего времени я не мог им предоставить, так как день был очень жаркий и возникли опасения, что шерсть ползет и шкура будет испорчена.

Сам я не осматривал внимательно тигра, но в два часа, положив его на спину, чтобы начать снимать шкуру, заметил, что почти вся шерсть на внутренней стороне его левой передней лапы вылезла и что тут на коже было много небольших пятнышек, из которых текла желтая жидкость. Я не хотел привлекать внимания окружающих к этим пятнышкам и оставил под конец снятие шкуры с этой лапы; она была заметно тоньше, чем правая. Когда вся остальная шкура была снята, я сделал длинный разрез от груди до подмышки левой передней лапы и после, отделив кожу от мускулов, обнаружил одну за другой иглы дикобраза. Стоявшие вокруг люди с жадностью хватили их в качестве сувениров. Самая длинная игла была примерно в пять дюймов, а общее число игл — от двадцати пяти до тридцати.

Мускулы под кожей — от груди до подмышек — были мылоподобны и темно-желтого цвета. В этом была достаточная причина того, что зверь стонал при ходьбе, и совершенно понятная причина, что он стал и оставался людоедом, так как иглы дикобраза не растворяются, как бы долго они ни находились в мускулах тигра.

Мне, вероятно, случилось извлечь из застреленных мной тигров-людоедов сотни две игл дикобраза. Некоторые из этих игл имели больше девяти дюймов в длину, а по толщине не уступали карандашу. Большинство игл засело в мышцах, немногие крепко застряли между костями. Все были обломаны прямо под кожей.

Несомненно, что тигры получали эти иглы, убивая

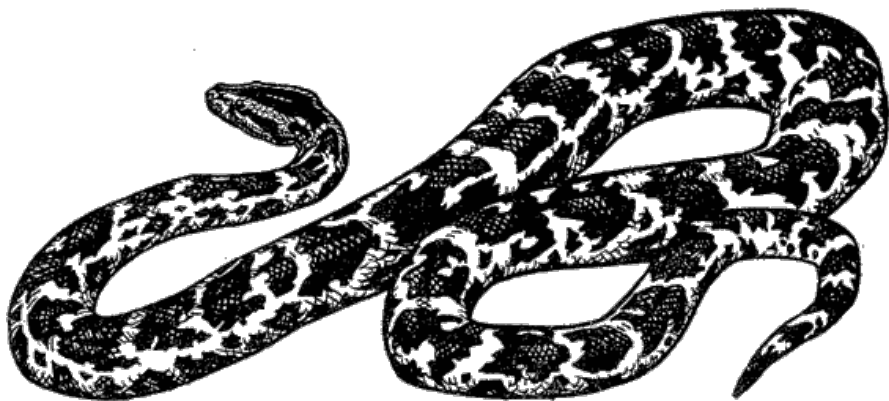
дикобразов для еды. Но возникает вопрос, на который я, к сожалению, не могу дать никакого удовлетворительного ответа: как звери с сообразительностью и легкостью движений тигра так небрежны, что позволяют изранить себя иглами, или так медлительны, что позволяют дикобразам, единственный способ обороны которых — движение назад, делать это? Затем, каким образом иглы эти обламываются, хотя, вообще говоря, они не ломки?

Леопарды так же склонны охотиться на дикобразов, как наши горные тигры. Но у них игл не бывает, так как они убивают дикобраза, как мне пришлось наблюдать, хватая его за голову. И почему тигры не применяют этот, очевидно, безопасный способ, которым пользуются леопарды, и тем самым не избегают увечий, остается для меня тайной.

Заканчивая рассказ о втором из тигров-людоедов, о которых говорилось на уездной конференции в феврале 1929 г., я, если представится случай, расскажу вам, как был убит третий тигр-людоед из Канда.

ЗАМАНЧИВЫЙ МАХСИР

Ловля махсиров в подгорной реке кажется мне самым приятным видом рыболовного спорта. Обстановка, хотя мы это не всегда сознаем, имеет очень большое значение в удовольствии, получаемом от занятия любым видом спорта среди природы. Я убежден, что ловля самой заманчивой рыбы в неподходящих условиях доставит рыболову так же мало удовольствия, как для игрока в теннис выигрыш кубка Дэвиса,^[28] если бы состязание происходило в Сахаре.

Река, в которой я недавно удил рыбу, течет на протяжении сорока миль в красивой долине, изобилующей четвероногой дичью и птицами. Я попробовал сосчитать количество обнаруженных за день видов зверей и птиц; к вечеру в моем перечне были, кроме других зверей, замбар, читал, каркер, горал, кабан, лангур, мартышки; а из птиц — семьдесят пять видов, включая павлина, дикую курицу, фазана-калиджи, турача, кустарникового перепела.

Кроме того, я видел на реке пять выдр, несколько небольших крокодилов и питона. Питон лежал на поверхности большой, тихой заводи, из воды выделялась только часть его головы и глаза. Мне давно хотелось сфотографировать питона. Чтобы заснять его, надо было перейти реку выше заводи и взобраться на горный склон. Но, к несчастью, питон заметил меня, и, хотя я осторожно ступал назад, пресмыкающееся — оно, казалось, имело восемнадцать футов в длину — нырнуло и удалилось в свое подземное жилище среди нагромождений камней у края заводи.

Русло реки местами было таким узким, что легко было перекинуть с одной его стороны на другую камень, иногда оно расширялось до мили и более. Открытые места в долине реки покрыты разнообразными цветами, запах которых вместе с

весенними песнями множества птиц наполнял воздух. В такой обстановке ловля махсира может быть названа поистине королевским спортом. Впрочем, целью моего посещения этого охотничьего рая было не ужение махсира, но попытка провести днем киносъемку тигра. Только когда условия освещения стали неблагоприятными, я сменил киноаппарат на удочку.

Я вышел на рассвете и несколько часов подряд старался заснять тигрицу с двумя тигрятами. Тигрица была молодой и, как все молодые матери, горячее. Как только я приближался к ней, она уходила с детенышами в густые заросли. Беспокоить тигрицу, у которой есть дети, будь она молодая или старая, можно только до известного предела, и, когда я его в этом случае достиг, мне пришлось переменить тактику. Я сажился на деревья у полян или ложился среди травы вблизи лужи, из которой тигрица и ее семья обычно пили. Успех был не лучше.

Когда склонившееся к западу солнце стало бросать тени на окрестные места, я отказался от своих попыток и прибавил этот день к тем нескольким сотням дней, которые я провел в тщетных попытках снять тигра в природной обстановке. Сменив кинокамеру на удочку, я пошел один вдоль по реке, намереваясь поймать рыбу на обед.

Мода на удочки и катушки за последние годы так же переменялась, как мода на дамские платья. В прошлое ушли времена восемнадцатифутовых удочек и их несокрушимой снасти, нет больше и мускулов, нужных для управления такими удочками. Ныне их место заняла легко управляемая одной рукой удочка. Я имел одиннадцатифутовую удочку на лосося, с пятидесятиярдовой лесой на катушке, двумястами ярдов тонкой шелковой запасной лесы и дюймовой самодельной блесной.

Когда есть неограниченное пространство спокойной воды для ужения, появляется склонность к придиристости. Заводью пренебрегаешь, так как к ней труден подход, стремлиной — потому что там могут быть коряги. В данном случае я прошел полмили, пока не сделал окончательного выбора. Это был участок прозрачной воды, имевший водопады, перед тем как образовать глубокий мутный поток длиной в двести и шириной в семьдесят ярдов. Здесь было подходящее место, чтобы наловить рыбы на обед.

Став у самого края прозрачной воды, я закинул блесну в мутный поток, отпустил несколько ярдов лесы с катушки и только что поднял удочку вверх, как блесна была схвачена рыбой.

Рыба немедленно бросилась вниз по течению, хорошо смазанная катушка запела радостную песню, когда с нее сбегала леса. Пятьдесят ярдов лесы с катушки, за ними сто ярдов

запасной лесы ушли, оставив горячие борозды на пальцах моей левой руки. А затем движение остановилось так же внезапно, как началось, и леса стала неподвижной.

Мысли, которые появляются в таких случаях, сменяли одна другую в моей голове; их сопровождала легкая брань для облегчения души. Поклевка была хорошей вне всяких сомнений. Поводок, сделанный несколько дней назад из жилки, полученной от фирмы «Pilot Get You», был тщательно привязан и испытан.

На катушке оставалось шестьдесят ярдов запасной лесы, когда отпущенная леса стала склоняться влево, а минутой позже она потянулась против течения. Рыба не сорвалась и направилась в прозрачную воду. Стоя на месте, я стал подтягивать ее под прямым углом то против течения, то по течению, но не мог вывести. Время проходило, возрастало убеждение, что рыба ушла, оборвав лесу о корягу. Но когда надежда казалась уже потерянной, леса двинулась, потом натянулась, и рыба бешено бросилась вниз по течению.

Казалось, она стремилась выйти на стремнину, расположенную по течению ниже заводи. Конца ее она достигла сильным броском. Но тут была мель, и рыба заколебалась, а затем вернулась в заводь. Немного позже она впервые появилась на поверхности. И если бы не то обстоятельство, что леса прямо вела от конца удочки к неясному предмету у противоположной стороны заводи, казалось бы невероятным, что обладатель большого треугольного плавника, выдававшего на пять дюймов над водой, схватил блесну в ярде или двух от моих ног.

Когда рыба вернулась в заводь, я дюйм за дюймом стал выводить ее в тихую воду. Вытащить на берег большую рыбу одной рукой посредством удочки на лосося — трудная задача. Четыре раза передняя часть тела рыбы появлялась над водой, и четыре раза при моем осторожном приближении она уходила, и ее опять приходилось подтаскивать дюйм за дюймом. При пятой попытке мне удалось взять рыбу сначала одной, а потом и другой рукой, тихо протолкнуть ее по мелкой воде и вывести на сухое место.

Я отправился с тем, чтобы поймать рыбу, и поймал ее, но в эту ночь она не послужила мне для обеда. Я находился за три с половиной мили тяжелой дороги от лагеря, и половину пути пришлось бы идти в темноте. Когда я отправил в лагерь свой одиннадцатифунтовый киноаппарат, я оставил у себя веревку, при помощи которой подтаскиваю камеру в засидку на дереве. Один конец этой веревки я продел под жабры рыбы, сделав надежную петлю. Другой конец веревки прикрепил к древесному суку. Когда веревка была продета, рыба тихо лежала в спокойной

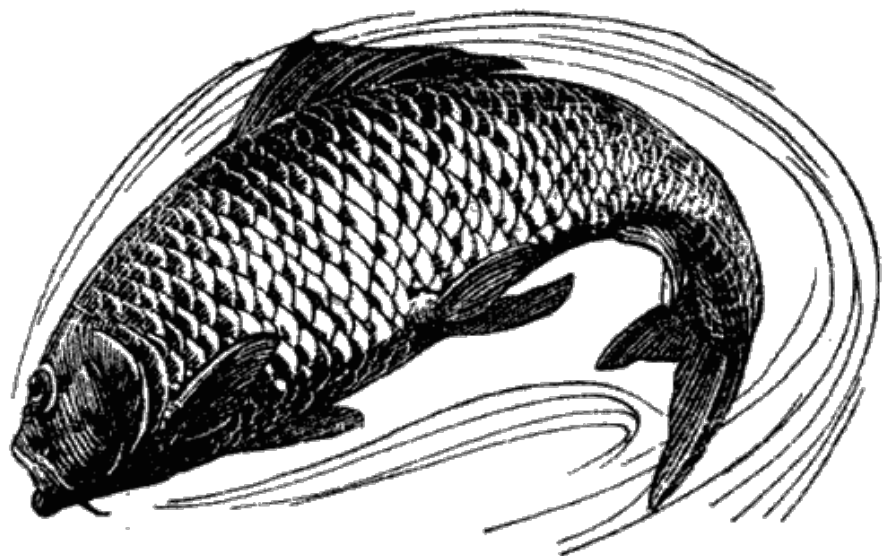
воде у большого камня. Единственная опасность могла быть со стороны выдры, и, чтобы отпугнуть ее, я прикрепил к карманному ножу тряпочку и воткнул нож в дно несколько ниже по течению реки.

Солнце золотило горные вершины, когда на следующее утро я вернулся к заводу и нашел, что рыба лежит на том самом месте, где я ее оставил накануне вечером. Отвязав веревку от сука, я обернул ее вокруг руки и спустился по камням к рыбе. Обеспокоенная моим приближением или, быть может, почувствовав вибрацию веревки, рыба внезапно ожила и сильным рывком бросилась вверх по течению. Захваченный врасплох, я не успел опереться ногой на скользких камнях и полетел вниз головой в заводь.

Я очень не люблю нырять в эти подгорные реки, так как перспектива быть обвитым голодным питоном кажется мне весьма непривлекательной. Я был рад, что не было свидетелей того, как я выбирался из заводи. Я только что выполз на другой берег, как пришли мои люди. Передав им рыбу, чтобы они отнесли ее в лагерь на берегу реки, я пошел вперед переодеться и приготовить фотоаппарат.

У меня не было весов, но по нашему грубому подсчету рыба весила фунтов пятьдесят.

Впрочем, вопрос о весе рыбы несуществен, вес этот скоро забывается. Но не так быстро можно забыть обстановку, в которой происходила ловля: сине-стальной цвет окруженной папоротником заводи, в которой поток, перед тем как пробежать водопадами по камням, как бы отдыхает, а ниже образует другую, еще более красивую заводь; взлет ярко окрашенного зимородка, осыпающего с радостным щебетанием бриллиантовые водяные брызги с крыльев, с рыбкой в ярко-красном клюве; крик замбара и мелодичный позыв читала, предупреждающие население джунглей, что тигр, следы лап которого отпечатались на влажном песке, несколько минут тому назад, перед переходом на ту сторону реки, вышел искать добычу на обед. Все это незабываемо долго будет жить в моей памяти и манить меня в эту чудесную долину, не испытывшую еще разрушительного действия руки человека.

ЛЮДОЕД ИЗ КАНДА

Мы скептически относимся к предрассудкам, а между тем сами верим в приметы. Наши собственные суеверия, как бы ни смеялись над ними друзья, кажутся нам самим вполне правдоподобными.

Не знаю, более ли суеверны охотники по сравнению с прочими, но знаю, что они очень серьезно относятся к приметам. Один из моих друзей берет с собой всегда пять патронов — не больше и не меньше, отправляясь на зверовую охоту, а другой — семь патронов. Еще один (он был лучшим зверовым охотником в Северной Индии) никогда не начинал зимнего охотничьего сезона, не поймав махсира. Мои приметы связаны со змеями. При охоте за людоедом я глубоко убежден, что все мои усилия будут напрасны, если я сначала не убью змеи.

Мне как-то пришлось в самые жаркие дни мая в поисках весьма осторожного тигра-людоеда с утра до ночи то подниматься, то спускаться по невероятно крутым горам, то пробираться через густые колючие заросли, отчего на моих руках и коленях оставалась масса болезненных царапин. На пятнадцатый вечер я усталый как никогда возвращался в двухкомнатную лесную сторожку, в которой остановился, и встретил долгожданную депутацию крестьян, ожидавших меня с новостью, что в этот день людоед был замечен в окрестностях их деревни. Было слишком поздно, чтобы предпринять что-либо в эту ночь. Депутация была поэтому снабжена фонарями и отправлена домой со строжайшими инструкциями, чтобы никто не выходил из деревни завтра.

Деревня помещалась на самом конце гребня, на котором

находилась и сторожка. Вследствие своего уединенного положения среди густых лесов она больше других в уезде пострадала от нападения тигра.

Следующим утром я обошел деревню кругом и сделал больше половины второго круга примерно в четверти мили ниже первого, перебрался через труднодоступную шиферную скалу и подошел к небольшой промоине, покрытой дождевым потоком в крутом обрыве горы. Беглый взгляд на промоину убедил меня, что тигра здесь не было. Потом мое внимание привлекло какое-то движение приблизительно в двадцати пяти ярдах впереди. Там была небольшая лужа и возле нее змея: она, по-видимому, утоляла жажду. Когда змеиная голова поднялась на два или три фута от земли, а шея раздулась, я понял, что это кобра. Обращенное ко мне горло было оранжево-красным или золотисто-желтым. Оливково-зеленая спина была украшена перевязями цвета слоновой кости, а хвостовой конец змеи в четыре фута длиной был блестяще черным с белыми поперечными полосами. В длину змея имела тринадцать — четырнадцать футов.

О том, как агрессивны потревоженные очковые змеи, об их быстроте движений существует много рассказов. Если бы змея могла напасть, двигаясь вверх или вниз по склону, я находился бы в невыгодном положении, но нас отделяла гладкая шиферная скала, и я чувствовал, что могу взять верх. Выстрел по раздувшейся с небольшую тарелку шее мог бы покончить с напряженностью положения, но в моих руках был крупнокалиберный штуцер, и я не хотел, чтобы тигр, появившийся наконец после многих дней осторожного утомительного выслеживания, был потревожен. После казавшейся бесконечно долгой минуты — единственным движением змеи при этом было вытягивание и втягивание языка — кобра убрала ошейник, опустила голову, повернулась и поползла вверх в противоположную сторону.

Не спуская с нее глаз, я схватил камень, уместившийся в моей ладони так удобно, как шар для крокета. Змея только что выползла на крутой глинистый гребень, как камень, брошенный мной со всей силой, ударил ее по затылку. Такой удар, казалось, убил бы любую змею, но единственным и очень тревожным результатом было то, что кобра свернулась кольцом и потом бросилась прямо ко мне. Второй и больший камень, к счастью, угодил ей в шею как раз тогда, когда она покрыла половину отделявшего нас пространства. Дальнейшее уже не представляло трудностей. С чувством большого удовлетворения я закончил свой второй обход вокруг деревни, и хотя он был таким же безуспешным, как первый, я был ободрен тем, что убил змею.

Только теперь, в первый раз за много дней, у меня появилось предчувствие, что мои поиски тигра приведут к успешному результату.

На следующий день я опять обследовал лес, окружавший деревню, и под вечер нашел свежие отпечатки лап тигра на окраине вспаханного поля, расположенного выше деревни. Жители деревни были крайне встревожены. Распровавшись с ними и дав обещание прийти рано утром, я отправился в одиночку по четырехмильной дороге в лесную сторожку.

Хожение по лесу или по заброшенным дорогам в местности, где действует людоед, может быть безопасным только при чрезвычайной осмотрительности и при условии соблюдения ряда правил. Лишь после того как охотник сам был неоднократно объектом охоты, чувства его приобретают необходимую остроту и он усваивает правила, нарушение которых может предоставить тигру легкую добычу.

Читатель может спросить: «Зачем же ходить в одиночку?» Ведь есть же, вероятно, люди, с которыми можно пойти на охоту. На этот естественный вопрос я отвечаю так: во-первых, в компании всегда может появиться удивительная неосторожность в надежде на спутников и, во-вторых, при встрече с тигром больше шансов на успех, если охотник один.

На следующее утро меня встретила взволнованная толпа, и, когда наконец она несколько успокоилась, я узнал новость, что этой ночью в деревне был убит буйвол. Пронеся добычу некоторое расстояние вдоль гребня, тигр стащил ее в узкую, глубокую и сильно поросшую лесом долину на северной стороне горы.

Тщательная разведка с высокой скалы убедила меня, что спуститься вниз по крутому склону в том направлении, в каком тигр унес добычу, было невозможно. Единственно, что следовало предпринять, — это большой обход с тем, чтобы выйти в долину у ее нижнего конца и затем уже подняться вверх до места, где по моему предположению лежала добыча тигра.

Этот маневр был выполнен удачно, и к полудню я достиг намеченного места. Долина здесь была ровной на протяжении нескольких сотен ярдов, а затем круто поднималась на триста ярдов направлением к гребню. На верхнем конце этого ровного участка я надеялся найти убитого буйвола, а при удаче и тигра. Долгий и трудный подъем вверх по долине среди густых колючих кустарников и карликового бамбука заставил меня обливаться потом. Начинать с мокрыми руками охоту, при которой каждую минуту могла возникнуть необходимость быстрой стрельбы, было неразумно, и я присел на землю передохнуть и закурить.

Лежавшая передо мной местность была покрыта большими россыпями камней, среди которых извивался узкий ручей, образующий местами кристально прозрачные разливы. На мне была обувь с очень тонкими резиновыми подошвами, идеальными для ходьбы по осыпям.

Передохнув, я начал осторожно подходить к намеченной цели в надежде застать тигра спящим у добычи. Пройдя три четверти пути, я увидел буйвола под заросшим папоротниками обрывом, примерно в двадцати пяти ярдах от места крутого подъема склона горы к гребню. Тигра не было видно. С большими предосторожностями я достиг места, где лежала добыча, занял позицию на гладком камне и стал тщательно осматривать местность, находящуюся в поле зрения.

Предчувствие угрожающей опасности — настолько хорошо известный и твердо установленный факт, что о нем можно не распространяться.

Три или четыре минуты я простоял неподвижно без всякой мысли об опасности, но затем внезапно у меня появилось убеждение, что тигр наблюдает за мной на очень близком расстоянии. Вероятно, это же чувство угрожающей опасности заставило тигра проснуться.

Слева располагалось несколько густых кустов, росших на ровной площадке. К этим-то кустам, отстоявшим от меня на пятнадцать — двадцать футов, и было теперь привлечено мое внимание. Кусты слегка зашевелились, и в следующую секунду я увидел тигра, бросившегося на полной скорости вверх по склону горы. Прежде чем я успел вскинуть штуцер, тигр исчез за обвитым лианами деревом; вновь он появился через шесть-десять ярдов, когда прыгнул на скалу. После моего выстрела тигр упал на спину и с ревом покатился вниз по склону, увлекая за собой целую лавину камней. Я решил, что ранил его в спину. Дальнейшее произошло молниеносно. Тигр кувырком скатился. Рев прекратился, к моему успокоению, но вместе с тем и разочарованию, так как в ту же минуту тигр, по-видимому не раненый, молниеносно бросился вдоль по склону. Его мелькающая фигура не давала возможности выстрелить. Вскоре он исчез за поворотом горы.

Позже удалось установить, что пуля — я стрелял под углом в семьдесят пять градусов — ударила тигра в левую локтевую кость, отбила ее кусочек, рикошетировала, ударившись о скалу, и скользнула по концу челюсти. Ни одна из этих ран, несмотря на их мучительность, не была смертельной; в дальнейшем моя попытка идти по следу яркой крови в ближайшую долину была прекращена угрожающим рычанием из зарослей колючки.

Входить туда было бы самоубийством.

Выстрел услышали в деревне. На гребне горы собралась толпа. Люди были не менее меня разочарованы неудачей тщательно задуманного плана.

Придя к буйволу на следующее утро, я был приятно удивлен тем, что тигр возвращался к нему ночью. Я стоял в раздумье, не зная, что предпринять, как вдруг услышал рычание тигра, раздавшееся внизу по долине, недалеко от того места, где я совершал подъем накануне. Рев тигра говорил о возможности застрелить его, притом самым удобным при охоте на этих зверей способом.

Тигра можно подманить на голос в двух случаях: если он бродит по лесу, разыскивая себе пару, либо если он легко ранен. Совершенно ясно, что охотник, чтобы обмануть зверя, должен уметь подражать голосу тигра в совершенстве и что манить следует с того места, где тигры обычно находятся, — из густого кустарника или густых травянистых зарослей. Охотник при этом должен быть готов к выстрелу с очень близкой дистанции.

Многие охотники с сомнением отнесутся к моему утверждению, что легко раненный тигр идет на манящий голос. Однако я прошу их отложить окончательное суждение, пока они сами не проверят это на личном опыте. В настоящем случае тигр неоднократно в течение часа откликнулся ревом, но подойти близко все же не решался. Я приписал свою неудачу тому, что подманивал с места, где его накануне постигла неприятность.

В конце концов я остановил свое внимание на дереве, росшем на самом краю отвесного обрыва. Подходящий сук находился в восьми метрах от земли, прямо над каменистым оврагом, откуда мог появиться тигр, и на высоте в тридцать футов от дна оврага. Решив вопрос о дереве, я вернулся на гребень горы, куда мне должны были принести завтрак.

Вечером, часа в четыре, я удобно уселся на суку и подготовился к долгому и трудному ожиданию. Перед тем как отпустить своих спутников, я приказал им выйти завтра на восходе солнца на гребень и кричать. Если я откликнусь голосом леопарда, значит, все в порядке, они должны ожидать меня на месте. Если ответа от меня не последует, надо собрать две партии из возможно большего числа крестьян и подходить с обеих сторон долины, крича и бросая камни.

Я привык спать на дереве в любом положении, а тут был еще утомлен и поэтому скоро заснул. Заходящее солнце уже золотило вершины гор. В этот момент меня разбудил тревожный крик лангура. Я быстро установил местонахождение обезьяны: она сидела на вершине дерева на той стороне долины. Так как лангур

смотрел в мою сторону, я решил, что он ошибочно принял меня за леопарда. Тревожный крик лангура повторился несколько раз и затих лишь с наступлением темноты.

В течение нескольких часов я напрягал слух и зрение и внезапно был встревожен камнем, скатившимся по склону горы и ударившимся в дерево, на котором я сидел. Затем послышались крадущиеся шаги тяжелого, мягко ступавшего зверя, несомненно тигра. Сначала я успокаивал себя мыслью, что появление тигра в этом направлении, а не вверх по долине, было случайным, но мысль эта вскоре исчезла; тигр стал издавать тихое рычание прямо надо мной. Стало очевидным, что тигр вошел в долину во время своего завтрака и, заняв позицию на горе, где его впоследствии увидела обезьяна, наблюдал, как я влез на дерево. Создалось положение, которого я не предвидел и требовавшее крайне осмотрительных действий. Сук, на котором было удобно сидеть при дневном свете, весьма ограничивал возможность менять положение после наступления темноты. Я мог при необходимости разрядить ружье в воздух, но страшные результаты (я был их свидетелем) попытки прогнать тигра выстрелом на близком расстоянии убеждали меня в невозможности подобного рода действий. А затем, если бы тигр после этого и не напал, выстрел крупнокалиберного ружья в непосредственной близости от зверя заставил бы его уйти из этих мест, и все мои труды свелись бы к нулю.

Я знал, что тигр не станет прыгать, так как при прыжке он мог бы свалиться по тридцатифутовому обрыву на расположенные ниже скалы. Но ему и не было нужды прыгать, так как он легко мог добраться до меня, встав на задние лапы. Взяв лежавшее под боком ружье и опустив его дулом вниз, я просунул его под левую руку и сдвинул предохранитель. Это движение было встречено тигром более громким, чем раньше, рычанием. Если бы тигр теперь добрался до меня, он, по всей вероятности, должен был бы наткнуться на ружье, спуск которого сжимали мои пальцы. Если бы я и не убил его при столкновении, у меня был шанс взобраться выше на дерево. Время тянулось медленно, но тигру надоело бродить по склону горы и рычать, он перепрыгнул через находившийся левее овраг; через несколько минут я услышал звук переламываемых костей убитого буйвола. Наконец-то я мог изменить неудобную позу. Все доносившиеся до меня в течение остатка ночи звуки шли с места, где лежала добыча тигра.

Прошло несколько минут после восхода солнца. Долина все еще была в глубокой тени, когда мои спутники окликнули меня с гребня горы, и в то же мгновение я заметил тигра, быстро

двигавшегося вверх вдоль по склону влево от меня. При неверном свете и после бессонной ночи было трудно целиться, но я все же выстрелил и, к удовольствию своему, увидел, что попал. Тигр, повернувшись, с громким ревом бросился прямо к моему дереву. Пока он готовился к прыжку, моя вторая пуля ударила его в грудь. Отклонившись на прыжке от удара крупнокалиберной пули, тигр ударился о дерево совсем близко от меня и потом полетел вниз в долину.

Все мои мускулы онемели за пятнадцать часов сидения на твердом суку. Спустившись с дерева, я растер их, счистил с платья большие брызги крови, попавшие с раненого зверя, и

только тогда был в состоянии пойти за тигром. Нас разделяло небольшое расстояние, я нашел зверя мертвым у подножия скалы, где протекал ручей.

Несмотря на мой запрет, люди, собравшиеся на гребне горы, услышав выстрел, рев тигра, а затем второй выстрел, спустились с горы. Дойдя до забрызганного кровью дерева, под которым лежала моя шляпа, они, естественно, пришли к выводу, что тигр меня утащил. Услыхав тревожные крики, я позвал их к себе. Мой вид в залитой кровью одежде привел их в ужас, но, убедившись, что я не пострадал и что кровь на одежде была не моей, они через несколько минут столпились вокруг тигра. Быстро срубили дерево, и с большим трудом и еще большими криками тигр был доставлен по крутому склону в деревню.

В глухих местах, где в течение долгого времени действует тигр-людоед, совершается много блестящих героических поступков, которые в глазах местных жителей кажутся обыкновенными и которые не доходят до внешнего мира. Мне хочется рассказать об одном таком случае — он относится к последней жертве людоеда из Канда. Я прибыл на место вскоре после этого случая и, тщательно изучив местность, на которой сохранились все следы происшедшего, могу рассказать вам эту историю, не ошибившись даже в какой-нибудь ее детали.

В деревне, около которой я застрелил людоеда из Канда, жил пожилой человек со своим единственным сыном. Отец служил в армии в 1914–1918 гг.; ему хотелось, чтобы и сын его был зачислен в ряды королевских гарвальских стрелков. Задача не простая в мирное время, когда вакансий мало, а желающих много. Вскоре после того как мальчику исполнилось восемнадцать лет, через деревню проходила группа людей, шедших в Лансдаун. Мальчик присоединился к ним и немедленно по прибытии в Лансдаун явился в рекрутское бюро. Отец обучил сына делать военные приветствия по всем правилам, а также тому, как вести себя в присутствии офицера-вербовщика. Юношу зачислили немедленно. Ему предоставили кратковременный отпуск, чтобы отнести домой вещи, перед тем как приступить к военному обучению. Он вернулся домой около полудня и узнал от друзей, собравшихся послушать от него новости, что отец ушел пахать свой небольшой участок земли на краю деревни и что он не вернется до ночи (поле, которое пахал отец, было то самое место, на котором я видел следы леопарда в тот день, когда убил кобру).

Одной из работ, выполнявшихся мальчиком дома, было собирание корма для скота. Пообедав у соседей, он в обществе других двадцати мужчин отправился собирать листья.

Как я уже говорил, деревня была расположена на гребне горы и окружена лесом. В этих лесах тигр убил двух женщин, когда они жали траву; поэтому несколько месяцев скот кормили листьями с больших деревьев. Однако с каждым днем листья приходилось собирать все дальше от деревни. В этот день двадцать один человек, пройдя поля, спустился по крутой горе на четверть мили к началу долины, тянувшейся на восемь миль через густой лес и кончающейся у реки Рамганга против лесной сторожки Дхикала.

Перед ними была относительно ровная местность, поросшая большими деревьями. Люди разошлись, каждый взобрался на избранное им дерево, потом, срезав листья, начал связывать их в охапки и по двое или по трое стали возвращаться в деревню.

Тигр, лежавший среди густых зарослей в полумиле от людей, слышал их голоса. Выйдя из зарослей, где он четыре дня тому назад убил и съел самку замбара, хищник перешел через ручей и по пастушьей тропе, проходящей на всем протяжении долины, поспешил к людям. Скорость, с которой двигался тигр по местности, легко определяется относительным расположением передних и задних лап зверя.

Юноша, о котором идет речь, выбрал для сбора листьев дерево — баухинию^[29] в двадцати ярдах от пастушьей тропы, верхние ветки его простирались над небольшим оврагом, где под деревом были две каменные глыбы. Увидев юношу, тигр залег за упавшим шелковичным деревом (коннок) в тридцати ярдах от оврага. Юноша, нарезав нужное количество листьев, спустился с дерева и стал связывать их в охапки. Делал он это на открытом месте и в относительной безопасности, но, к своему несчастью, заметил, что две срезанные ветви упали в овраг между двумя упомянутыми выше каменными глыбами. Он спустился за ними в овраг — навстречу судьбе. Как только юноша исчез из виду, тигр оставил засаду за упавшим деревом и прополз вперед к краю оврага. А когда юноша остановился, чтобы подобрать ветки, тигр прыгнул на него и убил.

Отец юноши вернулся в деревню при закате солнца и был встречен приятными новостями, что его сын принят в армию и что он вернулся в кратковременную побывку из Лансдауна. На вопрос, где же юноша, ему ответили, что он пошел за кормом для скота. Высказывалось изумление, почему его еще нет дома. Загнав быков, отец пошел из дома в дом разыскивать сына. Старик расспрашивал по очереди всех бывших вместе с сыном, и все рассказывали одно и то же: люди разошлись в начале долины и никто потом не видел юноши.

Пройдя по спускавшимся уступами в долину полям, отец

вышел на край обрыва и стал звать сына — ответа не было. На землю спустилась ночь. Старик вернулся домой и зажег закопченный фонарик. Когда он проходил через деревню, он привел в ужас соседей, заявив, что идет искать сына. Его спрашивали, не забыл ли он о тигре; старик отвечал, что именно из-за тигра он так и озабочен розысками: ведь возможно, что сын его упал с дерева и получил повреждение, но, боясь привлечь людоеда, не отвечал на зов отца. Старик никого не просил принять участие в поисках и никто не предлагал ему этого. Всю ночь он пробродил по долине в разных направлениях — там, где после появления людоеда никто не осмеливался находиться. Четыре раза в течение ночи, я видел это по следам, человек, проходя по пастушьей тропе, находился в десяти футах от места, где лежал, пожирая его сына, тигр.

Истомленный и отчаявшийся старик на рассвете поднялся на скалу и присел отдохнуть. Отсюда он мог заглянуть в долину. На восходе солнца старик увидел кровь между каменными глыбами; поспешив к этому месту, он нашел все, что оставил тигр от его сына. Человек собрал эти останки и принес их домой, раздобыл приличный саван, и друзья помогли отнести прах к месту сожжения на берегу реки Мандал.

Я не считаю справедливым утверждение, что подобного рода поступки совершаются людьми, лишенными воображения и потому не сознающими угрожающих им опасностей. Наши горцы не только остро реагируют на окружающее, но и очень суеверны: каждую горную вершину, каждую долину или ущелье они населяют духами, злыми и вредными и особенно опасными в часы ночного мрака.

Уроженец этих мест, живший более года под угрозой нападения тигра-людоеда, бродивший безоружным и одиноким с заката до восхода солнца по лесу, населенному в его воображении злыми духами, где он имел полное основание ожидать, что за ним следит тигр, такой человек, по моему мнению, обладает смелостью, которая дана немногим. Я тем более должен отдать должное его героическому поступку, что сам он не видел в нем ничего необычного или замечательного. Когда по моей просьбе старик сел на землю рядом с убитым тигром-людоедом (я хотел снять с него фотографию), он посмотрел на меня и сказал спокойно и сдержанно: «Теперь я удовлетворен, саиб, так как вы отомстили за моего сына».

Это был последний из трех тигров-людоедов, от которых я обещал по возможности избавить администрацию Кумаона, и жителей Гарвала.

ТИГР С ПИПАЛ-ПАНИ

О ранних временах его жизни я знаю только то, что он, в помете из трех, родился в глубоком овраге среди предгорий.

Ему, наверное, было около года, когда я, обратив внимание на крик оленя-читала, ранним ноябрьским утром нашел его следы на песке у небольшого ручья, известного у местных жителей под названием Пипал-Пани. Вначале я подумал, что он убежал от матери. Но неделя шла за неделей, а он все ходил один по звериным тропам в лесу. Я тогда пришел к заключению, что объяснение его одиночества связано с приближением брачного сезона у тигров. В конце концов, такова судьба всего молодого населения джунглей: сегодня оно ревностно охраняется, если необходимо, ценой жизни родителей, а потом изгоняется — так природа предупреждает возможность кровосмешения.

В эту зиму тигренок кормился павлинами, каркерами, кабанятами, случайно самками читала. Жильем ему служило упавшее дерево — убежище, которое создано было временем и дикобразами. Сюда он приносил добычу, греясь в холодную погоду в укрытии гладкого ствола дерева. Раньше здесь много раз находили теплое убежище леопарды.

Только в конце января я увидел тигренка вблизи. Как-то вечером я вышел на прогулку без определенной цели и увидел, как ворона взлетела и стала чистить клюв о ветку. Вороны, грифы и сороки всегда интересуют меня в джунглях, и я нередко находил при помощи этих птиц добычу хищных зверей в Индии и Африке. В этом случае ворона указала мне место трагедии, происшедшей накануне ночью. Олень-читал был убит и частью съеден, но какие-то прохожие разрезали остатки оленя и унесли с

собой. Все, что они оставили от читала, были обломки костей и немного запекшейся крови, которой только что и позавтракала ворона. Так как подходящих укрытий не было, а рядом проходила дорога, то зверь, которому принадлежала добыча, не мог видеть ее исчезновения и должен был вернуться. Поэтому я решил устроить засидку и расположился на терновнике со всеми удобствами, которые только позволяли колючки.

Не хочу убеждать читателя, если он расходится со мною во мнении по весьма спорному вопросу об охоте на хищных зверей с засидок над их добычей. Мои личные наиболее приятные охотничьи воспоминания связаны с тем временем — часом или двумя перед закатом солнца, которые я проводил в засидках над добычей хищников. Начиная с тех давних времен, когда я сидел над лангуром, убитым леопардом, вооруженный шомпольным ружьем, стволы которого были во избежание разрыва обмотаны проволокой, и кончая теми недавними днями, когда, положив на колено оружие последнего образца, следил за тигрицей, пришедшей к убитому ею замбару с двумя тигрятами. И притом не испытал никакого огорчения, не добыв в этом случае охотничьего трофея.

В описываемом случае передо мной не было добычи в виде определенного хищника, но это не уменьшило моих надежд на удачный выстрел. Их поддерживал весьма большой интерес животного населения джунглей к пропитанной кровью почве. Подтверждал это и старый, с седой мордой кабан. В течение десяти минут он спокойно жировал, потом фыркнул, когда на него потянуло ветром с запахом крови. Он высоко поднял рыло и, двигая им, как только может делать этот зверь, получил, конечно, гораздо лучшее представление о происшествии, чем я при осмотре почвы, на которой не было следов. Манера кабана подходить — небольшое движение вправо и назад против ветра, а потом влево и опять против ветра, причем с каждым движением он приближался на несколько ярдов — показывала, что читал был убит тигром. Убедившись в собственной безопасности, а также в том, что пожить ему нечем, кабан отошел и исчез из виду. Теперь появились два читала с бархатистыми рогами. Их приход с подветренной стороны и прямо к окровавленному месту уже говорил о том, что они были свидетелями ночной трагедии. Понюхав поочередно почву и постояв в напряженной готовности немедленно ретироваться, олени, удовлетворив свое любопытство, ушли обратно.

Любопытство вовсе не представляет собой монополии человека. Многие животные становятся его жертвой. Собака уходит с веранды, чтобы обаять мелькнувшую тень, олень отделяется от стада осмотреть зашевелившиеся травянистые заросли — и залегший леопард получает добычу.

Солнце уже садилось, когда справа от меня что-то привлекло мое внимание. Какой-то зверь пересек открытое место между двумя кустами на дальнем конце поляны, ярдах в тридцати от моего дерева. Затем из кустов, не оглядываясь ни вправо, ни влево, вышел тигренок. Прямо пройдя к месту, где должна была

находиться добыча, он бросил выжидательный взгляд, сменившийся разочарованием, когда стало понятно, что читал, добытый, возможно, после долгих часов терпеливого скрадывания, исчез. Осколки костей и пятно запекшейся крови не вызывали у тигренка интереса — внимание сосредоточилось на пне, к которому прилипли кусочки мяса. Не я один хожу с ружьем в джунглях, и если тигренок должен был вырасти в тигра, было необходимо внушить ему, что неосмотрительное приближение днем к добыче опасно. Дробовик и выстрел мелкой дробью лучше годились для моей цели, но в данном случае я должен был пользоваться нарезным оружием. И когда тигренок поднял голову, чтобы обнюхать пенёк, моя пуля ударилась в дерево в дюйме перед его носом. Только раз за все последующие годы он забыл этот урок.

Следующей зимой я видел его несколько раз. Уши его уже не казались такими большими, а его детский наряд сменился ярким красноватым мехом с хорошо очерченными полосами. Сломанное дуплистое дерево вернулось законным владельцам — паре леопардов. Новое жильё было найдено тигренком в густых зарослях у предгорий, а к «меню» прибавился молодой замбар.

Когда я на следующую зиму, как обычно, переехал из гор в долину, я не нашел знакомых мне следов ни на звериных тропах, ни у мест водопоя. Несколько недель я думал, что молодой тигр покинул свою родину и куда-то переселился. Но однажды утром его отсутствие получило объяснение: рядом с его следами были меньшие и более узкие следы его самки, на поиски которой он уходил. Я только один раз видел этих тигров. Однажды я охотился в предгорьях на сероу; на обратном пути мое внимание привлек гриф, сидящий на высохшем дереве сал.^[30] Птица сидела спиной ко мне и смотрела на небольшие кустарники, за которыми начинались густые джунгли. Росы на земле было еще много, я бесшумно дошел до дерева и бросил взгляд кругом. Рог мертвого замбара — живой олень не мог бы лежать в таком положении — виднелся над низкими кустами. Удобная, поросшая мхом скала позволяла мне не шуметь и прочно держаться на ногах; встав во весь рост, я увидел всего замбара. Задняя часть его была отъедена, а по сторонам его лежали тигры. У лежавшего за замбаром были видны только задние лапы. Оба тигра спали. Для выстрелов мне надо было пройти несколько футов вперед, а затем влево, чтобы я мог видеть шею тигра, но я забыл о молчаливом свидетеле. Пока я стоял на месте, он не мог меня видеть; не пройдя и десяти футов, я оказался на виду у птицы. Обеспокоенный гриф захлопал крыльями, задел за лиану и спустился на землю. Тигрица сразу проснулась и ушла, бросив

добычу, за нею быстро последовал самец. Выстрел был возможен, но очень рискован, принимая во внимание джунгли, где на стороне раненого зверя были бы все преимущества. Для тех, кто этим не занимался, я могу рекомендовать охоту на тигров и леопардов у их добычи как самый интересный способ охоты. Но стрелять при этом надо очень точно, так как, если зверь не убит, выслеживание его требует больших хлопот.

Неделей позже тигр по-прежнему продолжал свою холостую жизнь. Но в характере его наступили изменения. До этого времени он не возражал против посещения мной его добычи, но после того как его оставила тигрица, он при первой моей попытке проследить за ним, ясно показал, что никаких вольностей он впредь не позволит. Сердитый рев тигра на близком расстоянии — самый страшный звук в джунглях. Чтобы понять это, надо его слышать.

В первых числах марта тигр убил взрослого буйвола. Я был в предгорьях, когда предсмертное мычание буйвола и яростное рычание тигра разнеслись по лесу. Я определил, что звуки шли из оврага примерно с расстояния в шестьсот ярдов. Ходьба была трудной, по обрывистым скалам и колючим кустам. Когда я взобрался на крутой обрыв, с которого открылся вид на овраг, борьба буйвола за жизнь кончилась, но тигра не было видно. На рассвете следующего дня я опять посетил овраг и нашел, что буйвол находится на том же месте. Мягкая почва, утоптанная следами копыт и тигровых лап, показывала, что борьба была отчаянной. Только после того как у буйвола были перекушены ахиллесовы сухожилия, тигр сбил его с ног; борьба продолжалась минут десять — пятнадцать. Следы тигра вели через овраг, и, идя по ним, я нашел на скале длинную кровавую дорожку, а в ста ярдах от упавшего дерева — другую. Буйвол ранил тигра рогами в голову, и этих повреждений было достаточно, чтобы тигр полностью утратил интерес к добыче, к ней он не возвращался.

Через три года тигр пренебрег тем уроком, который я ему дал (он мог бы сказать в свое оправдание, что дело было в сезон, когда охота на тигров закрыта): неосторожно подошел к добыче, у которой ночью устроил засидку один заминдар^[31] со своими арендаторами, и получил пулю, раздробившую плечевую кость. Попыток пойти по следам раненого зверя не было сделано. Через тридцать шесть часов тигр с целым роем мух на плече добрался до усадьбы инспекторского кордона, перешел через мост, за которым располагался двойной ряд домов. Жители, стоя у дверей, наблюдали за тигром. Он вошел в ворота огороженного двора и завладел пустым сараем. Через двадцать четыре часа тигр, по-видимому обеспокоенный людьми, собравшимися из соседних

деревень, чтобы посмотреть на него, ушел по той же дороге, по которой пришел, миновал ворота и направился к нижнему концу нашей деревни. У одного из наших арендаторов подох бычок, его вытащили в кусты на окраине деревни. Тигр нашел его и провел тут несколько дней, утоляя жажду в оросительном канале.

Когда мы через два месяца вернулись из гор, тигр кормился мелкой добычей: телятами, овцами, козами и т. п., которую он мог ловить в окрестностях деревни. В марте рана его зажила, но правая нога осталась вывернутой внутрь. Тигр вернулся в тот лес, где был ранен, и стал брать тяжелую дань с деревенского скота. Из предосторожности он насыщался от добычи только один раз, поэтому ему приходилось убивать в пять раз больше, чем обычно делает тигр. Больше всего страдал от этого ранивший тигра заминдар, у которого было стадо в четыреста коров и буйволов.

В последующие годы тигр очень вырос и стал широко известен; охотники, да и другие люди неоднократно пытались добыть его. Как-то в ноябрьский вечер некий крестьянин, вооруженный одноствольным шомпольным ружьем, устроил засидку на кабана, поместившись в кусте, росшем на берегу сухого русла, среди пересеченной местности.

Длинные стороны этого прямоугольного участка образовали поля, а короткие — дорога и канал в десять футов ширины, разделявший поля и лес. Прямо перед охотником был четырехфутовый обрыв, по верхнему краю которого проходила пастушья тропа; за ним — участок густых кустарников. В восемь часов вечера на тропе появился зверь; тщательно прицелившись, охотник выстрелил. Зверь упал с обрыва, прошел недалеко от человека и с ворчанием исчез в кустах. Быстро прибежав домой, охотник собрал соседей; те, выслушав его рассказ, решили, что кабан тяжело ранен. Люди говорили, что жалко бросать кабана на съедение гиенам и шакалам. Зажгли фонарь, и группа из шести храбрецов отправилась на поиски подранка. Один из моих арендаторов (он отказался сам принять участие в экспедиции и позже признавался мне, что у него не хватило духа заглянуть в глаза раненого кабана в сумерках) посоветовал захватить заряженное ружье.

Совет был принят. Ружье зарядили изрядным количеством пороха, но при этом сломался в стволе деревянный шомпол. Обычный случай, но он спас жизнь шести человекам. Сломанный шомпол в конце концов был с большими трудностями вытасчен, ружье заряжено, и охотники отправились в путь.

По приходе на место, где зверь вошел в кустарники, начались тщательные поиски. Только после того как «прочесали» всю местность, поиски в эту ночь были оставлены. Они были

возобновлены следующим утром, и в них принял участие и «слабонервный» арендатор, который, впрочем, лучше разбирался в обстановке в джунглях, чем его товарищи. Осмотрев место под кустом, где была кровь, он собрал и принес несколько окровавленных волос, которые я признал за тигровые. В это время у меня был один из моих друзей охотников, и мы вместе с ним отправились осмотреть место происшествия.

Я всегда интересовался разгадкой происходящих в джунглях событий по следам. Правда, иногда такие выводы бывают ошибочными, но иногда они бывают верными. В данном случае я оказался прав, предположив, что зверь ранен в предплечье правой передней лапы, но ошибся, думая, что лапа перебита и что тигр — молодой зверь, забредший в эти места.

Крови, кроме того места, где найдена была шерсть, не было. Отыскать на твердой почве след было невозможно, поэтому я перешел через канал туда, где пастушья тропа подходит к нему по песчаному грунту. Здесь по отпечаткам лап я увидел, что раненый зверь — не молодой тигр, а мой старый друг, тигр Пипал-Пани, который при проходе через деревню был в темноте ошибочно принят за кабана.

В предыдущем случае тяжело раненный тигр прошел по населенному месту, не причинив вреда ни людям, ни домашним животным. Но теперь он был старше и, вынужденный раной и голодом, мог нанести значительный ущерб. Неприятные перспективы, так как местность была густонаселенной. К тому же мне надо было через неделю уезжать.

Три дня я осматривал каждый клочок местности в джунглях между каналом и предгорьями на пространстве примерно в четыре квадратных мили, но не нашел следов тигра. Продолжая свои поиски на четвертый день, я после полудня встретил старую женщину с сыном, поспешно уходивших из джунглей. От нее я узнал, что тигр ревел в предгорьях и что весь скот в панике убежал из джунглей. С ружьем в руках я всегда хожу один: это безопаснее при встрече со зверем и лучше позволяет соблюдать необходимую тишину. Но в этом случае я отступил от своего правила и позволил мальчику пойти со мной, так как он очень хотел указать мне место, где слышал рев тигра.

Когда мы пришли к предгорьям, мальчик показал мне на участок густых зарослей, по той стороне которых была гарь, а по этой — река Пипал-Пани. Параллельно речке и примерно в ста ярдах от нее была неглубокая ложбина, с моей стороны более или менее открытая, а со стороны речки окаймленная кустами. Торная тропа пересекала ложбину под прямым углом. В двадцати ярдах от этой тропы на открытой стороне ложбины росло

небольшое дерево. Если бы тигр пошел по тропе, он при выходе из кустов, несомненно, дал бы мне возможность выстрелить. Я решил поэтому стать здесь и, посадив мальчика на дерево (его нога приходилась над моей головой), приказал ему дать мне сигнал пальцами ноги, если он со своей высокой позиции увидит тигра. Сам я оперся спиной о дерево и подал голос.

Те, кто провел в джунглях столько лет, сколько я, не нуждаются в описании голоса тигрицы, ищущей самца. Лицам, менее счастливым, я могу только сказать, что этот призыв, для подражания которому нужны и непосредственный опыт и широкое использование голосовых средств, не может быть описан словами.

К моему большому удовольствию (я уже три дня ходил по джунглям, не снимая пальца со спуска штучера), тигр немедленно отозвался с расстояния ярдов в пятьсот, и в течение получаса — быть может, меньше, но мне, конечно, казалось, что больше, — мы обменивались с ним призывами: с одной стороны повелительное требование владыки, с другой — ласковый и почтительный ответ его рабыни. Два раза мальчик подавал мне сигнал, но я тигра не видел. Он внезапно появился, когда заходящее солнце осветило лес золотистыми лучами. Тигр, не останавливаясь, быстро вышел из кустов и двинулся по тропе. Он миновал ложбину как раз в тот момент, когда я подымал ружье, и повернул вправо — прямо на меня.

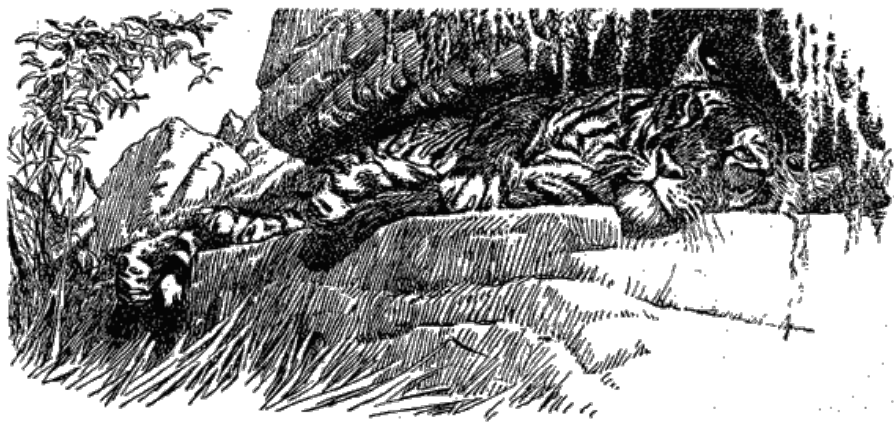
Когда я выбирал место для засидки, я не предвидел возможности такого маневра; тигр подошел слишком близко, к тому же с короткой дистанции надо было стрелять по голове, к чему я не подготовился. Придерживаясь старого правила, усвоенного мной много лет тому назад и которого я с успехом придерживался, я не тревожил тигра, пока он не остановился. Опершись на лапу, тигр слегка приподнял голову и открыл тем самым горло и грудь. После удара тяжелой пули тигр подскочил и опрометью бросился в лес, потом с шумом свалился недалеко от того места, где в одно ноябрьское утро, привлеченный криком самки читала, я впервые увидел его следы.

И только теперь я узнал, что тигр был убит по ошибке: рана, которая, как боялись, могла сделать его опасным, при осмотре оказалась почти уже зажившей — свинцовая пуля повредила только небольшую вену в правом предплечье.

Удовольствие от получения великолепного трофея — тигр был в десять футов три дюйма «по кривой», а его волос находился в превосходном зимнем состоянии — смешивалось с сожалением о том, что ни мне, ни другим обитателям джунглей не придется никогда больше слышать раскатов его могучего голоса и что

никогда больше его хорошо знакомые следы не появятся на тропах, по которым он и я ходили вместе пятнадцать лет.

ТАКСКИЙ ЛЮДОЕД

В течение нескольких месяцев в долине Ладхия царило полное спокойствие, но в сентябре 1938 г. в Найни-Тал пришло сообщение, что близ деревни Кот-Киндри тигр убил двенадцатилетнюю девочку. В донесении, переданном мне Дональдом Стюартом из лесного ведомства, не было никаких подробностей, и, только попав через несколько недель в Кот-Киндри, я мог узнать детали трагедии. Выяснилось, что около полудня девочка собирала падалицу мангрового дерева недалеко от деревни. В это время внезапно появился тигр. Прежде чем работавшие неподалеку мужчины могли оказать ей помощь, тигр уже унес свою жертву. Попыток преследовать тигра не делалось. Всякие следы волока, как и кровь жертвы, исчезли; их смыло задолго до моего прибытия на место, и я поэтому затруднялся решить, куда унес тигр тело.

Кот-Киндри находится примерно в четырех милях к юго-западу от Чука и в трех милях на запад от Така. Как раз в долине между Кот-Киндри и Таком в апреле прошлого года был застрелен леопард «из Чука».

Летом 1938 г. лесное ведомство наметило в этих местах рубки. Возникли опасения, что если с людоедом не будет покончено до ноября, когда должны были начаться работы в лесу, подрядчики не смогут найти рабочих и контракты будут расторгнуты. Об этом писал мне Дональд Стюарт вскоре после того, как была убита девочка. В ответ я обещал отправиться в Кот-Киндри, но, как должен признаться, делал это больше в интересах местных крестьян, а не подрядчиков.

Ближайший путь в Кот-Киндри поездом до Танакпура, а оттуда пешком через Калдхунга и Чука. Этот маршрут сокращает сотню миль пешеходной дороги, но зато проходит через места,

пораженные самой свирепой в Северной Индии малярией. Чтобы избежать их, я решил пойти горами до Морнаула, а оттуда по старой заброшенной дороге до конца ее в горах, расположенных над Кот-Киндри. Пока я готовился к этому далекому пути, в Найни-Тал пришло известие о гибели человека у Сема, деревни на левом берегу реки Ладхия, примерно в полумиле от Чука.

В этом случае жертвой была женщина преклонных лет, мать старосты Сема. Несчастная была убита, когда рубила кустарник на высокой меже между двумя расположенными террасами полями. Она начала работу у дальнего края этой межи, тянувшейся на пятьдесят ярдов, и рубила кусты уже в каком-то ярде от своего дома, как на нее с верхнего поля прыгнул тигр. Нападение было столь быстрым и внезапным, что женщина перед смертью успела только раз вскрикнуть. Тигр понес ее по меже, пересек верхнее поле и исчез со своей добычей в густых джунглях. Сын женщины, молодой человек лет двадцати, работал в это время на рисовом поле в нескольких ярдах и стал очевидцем происшествия. Он был слишком потрясен, чтобы оказать какую-нибудь помощь. По настоятельной просьбе молодого человека через два дня в Сем прибыл патвари^[32] в сопровождении собранных им восьмидесяти человек. Люди пошли в направлении, по которому ушел тигр, и нашли одежду женщины и несколько осколков костей.

Убийство произошло в два часа дня, в ясный солнечный день. Тигр съел свою жертву в шестидесяти ярдах от дома, близ которого он ее убил.

Получив об этом донесение, Ибботсон, заместитель комиссара уездов Алмора, Найни-Тал и Гарвал, провел со мной «военный совет». В результате Ибботсон, который только что собрался улаживать земельные споры в Аскоте на тибетской границе, изменил свои планы: вместо того чтобы двинуться через Багасвар, он решил сопровождать меня в Сем и только оттуда поехать в Аскот.

Избранный мной маршрут требовал многих подъемов в горах; мы в конце концов решили пойти вверх по долине реки Нандхаур, пересечь водораздел между Нандхауром и Ладхия и вдоль

последней спуститься к Сему. Согласно этому плану, Ибботсон вместе со своей женой вышел 12 октября из Найни-Тала, а на следующий день я присоединился к ним в Чоргаллия.

Подымаясь вверх по Нандхауру и занимаясь при удобных случаях рыбной ловлей (лучший результат за день был сто двадцать рыб, пойманных на легкие удочки для форелей), мы на пятый день пришли в Дурга-Пепал. Здесь мы отошли от реки и после крутого подъема стали на ночевку у водораздела. Выйдя на следующий день рано утром, мы разбили палатки на ночь на левом берегу Ладхия в двенадцати милях от Чалти.

В этом году муссон прекратился рано, и нас это вполне удовлетворяло, так как необходимо было неоднократно, чуть ли не каждые четверть мили, переходить реку, чтобы обойти крутые обрывы береговых скал. При одной из таких переправ мой повар — рост его с сапогами равнялся пяти футам — был унесен течением и спасся из водяной могилы только благодаря помощи человека, несшего корзинку с нашим завтраком.

На десятый день после выступления из Чоргаллия мы разбили лагерь на залежном поле у Сема ярдах в двухстах от домика, близ которого была убита женщина, и недалеко от слияния рек Ладхия и Сарда. На нашем пути к Ладхия мы встретились с полицейским офицером Джимом Уодделлом; он останавливался на несколько дней в Семе и привязывал в качестве приманки на тигра буйвола, которого любезно предоставил и нам. Хотя тигр несколько раз приходил в Сем во время пребывания там Уодделла, но буйвола он не тронул.

На следующий день после нашего прибытия в Сем, пока Ибботсон беседовал с патвари, лесниками и старостами соседних деревень, я пошел на розыски следов тигра. Между нашим лагерем и местом слияния рек, а также по обоим берегам Ладхия тянулись большие песчаные участки. Тут я нашел следы тигрицы и молодого тигра-самца, быть может, одного из виденных мною в апреле тигрят. Тигрица несколько раз переправлялась за последние дни через реку, а предыдущей ночью прошла по песчаной косе против места, где находилась наша палатка. Крестьяне подозревали, что эта тигрица и есть людоед, так как она посещала Сем и после того, как была убита мать старосты. Это предположение было, вероятно, правильным. Изучение следов тигрицы показало, что она была средних размеров и молодой. Как стала она людоедом, можно было выяснить только впоследствии; одним из возможных предположений могло быть и то, что она участвовала в людоедстве вместе с тигром из Чука в предыдущем брачном сезоне, получила вкус к человеческому мясу, а когда самец перестал снабжать ее этой едой, сама стала

людоедом. Это было только предположение, и оно оказалось неверным.

Перед своим отъездом из Найни-Тала я написал танакпурскому тахсилдару и просил его приобрести четырех бычков и отправить их в Сем. Один из этих буйволов пал в пути, а три остальных прибыли 24-го числа. В тот же вечер их также привязали в качестве приманки. Когда на следующее утро я пошел навестить своих буйволов, мне повстречались сильно взволнованные крестьяне из Чука. Поля у Чука были недавно вспаханы; тигрица предыдущей ночью прошла около спавших в поле трех семейств и их скота. К счастью, скот заметил тигрицу и предупредил своим поведением людей о приближении людоеда. Пройдя полями, тигрица ушла по тропе в направлении на Кот-Киндри и прошла мимо двух моих буйволов, не тронув ни одного из них.

Патвари, лесники и крестьяне говорили нам при нашем походе в Сем, что привязывать буйволов в качестве приманки — напрасный труд, так как они убедились в том, что людоед на буйволов не нападает. Подобные попытки других охотников оставались безуспешными, и во всяком случае, если бы тигрица пожелала напасть на них, то перед ней всегда большой выбор среди многих буйволов, пасшихся в джунглях. Тем не менее мы все же продолжали привязывать на ночь наших буйволов. Две последующие ночи тигрица опять проходила мимо них, но не трогала.

Утром 27-го числа к нам пришли несколько человек во главе с братом нашего старосты и сообщили, что в деревне пропал человек. Он ушел накануне около полудня, сказав жене, что идет посмотреть, не зашел ли их скот далеко от деревни. Человек не вернулся, возникло подозрение, что его убил людоед. Мы быстро собрались, и в десять часов утра Ибботсон и я отправились в Так в сопровождении пришедших крестьян. Расстояние было около двух миль, но подъем был значительным, мы торопились, боясь потерять драгоценное время, и пришли на окраину деревни, запыхавшись и обливаясь потом.

Мы шли по ровному, поросшему кустами месту, о нем я скажу позднее. Приближаясь к деревне, услышали крик женщины. Смешать причитание индианки по покойнику с чем-либо иным невозможно. Выйдя из джунглей, мы подошли к плакальщице, вдове пропавшего, и к группе из десяти или пятнадцати человек, ожидавших нас у края полей. Эти люди рассказали, что они видели из своих домов, расположенных выше по склону, какой-то белый предмет, вероятно одежду пропавшего человека; предмет находится на заросшем кустарником поле, ярдах в тридцати от

того места, на котором мы находились. Ибботсон, патвари и я пошли осмотреть этот предмет, а жена Ибботсона вместе с женщиной и другими людьми пошли в деревню.

Поле не обрабатывалось несколько лет и было покрыто густой растительностью, кусты которой несколько походили на хризантемы; подойдя совсем близко, патвари признал в белом предмете, о котором говорили крестьяне, набедренную повязку пропавшего человека. Рядом с ней лежала шляпа. Тут и происходила борьба, но следов крови не было. Отсутствие крови на месте нападения тигра и на большом отрезке пути, по которому зверь нес добычу, показало, что тигрица не меняла места первой хватки; кровь течет только тогда, когда место хватки меняется.

В тридцати ярдах выше по горе был участок кустарников, над которыми лианы образовали сплошную крышу. Это место надо было осмотреть, перед тем как пойти по следу-волоку: было нежелательно иметь тигрицу за своей спиной. На мягком грунте под кустами мы нашли отпечатки лап тигрицы и то место, где она лежала перед нападением на человека.

Вернувшись на исходное место, мы остановились на таком плане действий. Основная задача — сблизиться с тигрицей с подхода и попытаться застрелить ее у добычи. Для этого я должен был идти по следу и наблюдать за всем, происходящим впереди от нас; патвари, он был безоружен, должен был идти в ярде за мною и внимательно следить за тем, что происходит справа и слева; Ибботсон должен был идти в «замке» и охранять нас от нападения с тыла. В том случае, если бы Ибботсон или я заметили хотя бы волосок тигрицы, мы решили рисковать и стрелять. Земля была вытоптана, так как накануне в этом месте пасся скот.

Крови не было, и судить о проходе тигрицы можно было только по примятым листьям или траве. Наше продвижение, естественно, было медленным. Пронеся свою жертву двести ярдов, тигрица убила ее, а потом оставила; через несколько часов тигрица вернулась и унесла труп. Тигрица не унесла человека сразу после того, как его убила, по-видимому, потому, что была испугана скотом, на глазах у которого произошло ее нападение.

На том месте, где лежал человек, была большая лужа крови. Когда тигрица вновь схватила убитого, кровотечение из раны на горле уже прекратилось, а так как она при этом держала его не за шею, а за спину, то найти след было трудно. Тигрица подымалась в гору; так как растительность здесь была густой, а видимость была возможной только на расстоянии немногих ярдов, наше продвижение еще более замедлилось. За два часа мы прошли

только полмили и вышли на гребень, за которым лежала та долина, где шесть месяцев тому назад мы высладили и убили людоеда из Чука. На гребне подымалась скала, справа к ней вели следы тигрицы. Я был уверен, что тигрица залегла или под нависшей частью скалы, или где-то поблизости.

Ибботсон и я были в легкой обуви на резиновой подошве, патвари шел босиком: мы подошли к скале беззвучно. Дав знак спутникам стоять на месте и внимательно следить за всем происходящим, я взобрался на скалу и медленно, дюйм за дюймом, двинулся вперед. За скалой была небольшая ровная площадка. Смотря на нее, я все более и более убеждался в справедливости моего первоначального предположения: тигрица должна была лежать за выступом скалы. Мне оставалось пройти еще один-два фута для того, чтобы заглянуть по ту сторону скалы; вдруг я заметил какое-то движение слева: выпрямился примятый золотистый цветок, через секунду я увидел легкое шевеление кустов позади цветка, а на дереве по той стороне от кустов закричала обезьяна.

Тигрица выбрала это место для своего послеобеденного отдыха весьма осмотрительно; к несчастью для нас, она при этом не спала. И когда она заметила, как над склоном появилась верхняя часть моей головы, она вскочила, сделала шаг в сторону и исчезла среди кустов ежевики. В любом другом месте тигрица, как бы быстро она ни двигалась, не ушла бы от моего выстрела. Наш тщательно обдуманый план потерпел крушение в самый последний момент. Оставалось только попытаться разыскать труп человека. Идти за тигрицей в густые заросли ежевики было бесполезно, да и к тому же уменьшило бы наши шансы на выстрел по тигрице в дальнейшем.

Тигрица ела свою добычу неподалеку от того места, где потом залегла, и, так как местность была открытой и доступной для острого зрения грифов, тигрица после еды оттащила труп в место, недоступное для наблюдения «с воздуха». Теперь идти по следу было легко: можно было двигаться по кровавой тропе. След шел через высокий гребень. В пятидесяти ярдах за ним мы нашли труп.

Я не хочу волновать ваших чувств описанием этих печальных обезображенных останков, останков того, кто только несколько часов тому назад был человеком, отцом двух детей и мужем плачущей женщины. За тридцать два года охоты на людоедов я много раз видел подобные картины, каждая последующая была ужаснее предыдущей, и я каждый раз чувствовал, что лучше было бы оставить труп жертвы убийце, а не разыскивать груды истерзанного мяса, от которой у увидевшего ее человека на всю

жизнь останется кошмарное воспоминание. Но стремление отомстить кровью за кровь и страстное желание освободить население от угрозы, страшнее которой нет ничего, непреодолимо. А к тому же всегда есть какая-то надежда, какой бы абсурдной она ни казалась, что каким-то чудом жертва осталась живой и нуждается в помощи.

Шанс застрелить у добычи зверя, ставшего людоедом, вероятно, после раны, полученной в такой же ситуации, весьма невелик. К тому же все такие неудачи охотников, независимо от их причин, делают зверя все более осторожным, и наконец он начинает бросать добычу после первой еды или же привыкает приближаться к ней тихо и бесшумно как тень, остерегаясь малейшего колебания листа или веточки и безошибочно обнаруживая присутствие охотника, как бы тот ни прятался. В таких случаях удачный выстрел — только один шанс из миллиона, но кто не пожелает его попробовать?

Площадь кустарниковых зарослей, в которые ушла тигрица, была примерно в сорок ярдов. Выйти не замеченной обезьянами из этих зарослей тигрица не могла, а обезьяны привлекли бы к ней наше внимание. Мы поэтому присели спиной к спине, чтобы закурить и подождать, не даст ли нам сигналов население джунглей, пока мы станем обсуждать дальнейший план действий.

Для устройства махана надо было возвращаться в деревню. За время нашего отсутствия тигрица, наверное, утащит свою добычу, и, поскольку мы ее потревожили, она уйдет теперь за несколько миль. Поэтому было необходимо, чтобы один из нас оставался на месте, а двое других сходили в деревню за веревками.

Ибботсон со своим обычным презрением к опасности вызвался идти в деревню, и пока он и патвари спускались по горе, чтобы избежать тяжелой дороги, по которой мы сюда поднимались, я взобрался на небольшое дерево вблизи трупa. На высоте четырех футов от земли дерево раздваивалось. Прислонясь спиной к одному стволу и упираясь ногой в другой, я занял довольно неудобную позицию: она была недостаточно высока, а если бы тигрица меня заметила, то я сам не мог бы увидеть ее ранее того, как она подошла бы на опасное расстояние.

Минут через пятнадцать — двадцать после ухода Ибботсона я услышал звук от сдвинутого с места большого камня. Он, по-видимому, находился в весьма неустойчивом положении, и, когда тигрица встала на него, камень качнулся, когда же она сняла свою лапу, камень принял прежнее положение. Звук от этого был слышен ярдах в двадцати слева от меня и в единственном направлении, куда я мог стрелять без риска свалиться с дерева.

Проходили минуты, с каждой из них мои надежды понемногу

спускались с той высоты, на какую вознеслись только недавно. Нервное напряжение и вес тяжелого штуцера стали невыносимы. Вдруг я услышал треск ветки.

Звук от движения камня помог мне сразу установить местонахождение тигра; я все время вглядывался в это место, и все же тигр, увидав меня, простоял некоторое время, наблюдая за мной, и ушел безнаказанно. Я при этом не видел ни одного шевельнувшегося листа, ни одной колышущейся травинки.

Когда нервное напряжение внезапно ослабевает, онемевшие или горящие мускулы настойчиво требуют отдыха, и хотя в создавшейся обстановке я мог положить штуцер только на колени, чтобы облегчить напряжение моих плеч и рук, но даже и это принесло мне чувство комфорта. Тигрица больше не подала ни звука, а через час или два я услышал приближение Ибботсона.

Ибботсон был самым лучшим из моих товарищей по охоте, и не только потому, что обладал львиным сердцем, но и потому, что никогда и ничего не упускал из виду, а к тому же он — самый самоотверженный человек, носивший когда-либо ружье. Пошел он за веревками, а вернулся с одеялами, с большой порцией горячего чая и обильным завтраком. Я присел, чтобы отдохнуть и подкрепиться. Ибботсон приказал одному из наших людей взобраться на дерево ярдах в сорока, чтобы отвлечь внимание тигрицы; сам он поднялся на дерево над местом, где лежал убитый человек, чтобы соорудить при помощи веревок махан.

Устроив махан, Ибботсон оттащил труп на несколько футов — очень неприятная работа — и, чтобы тигрица не могла его унести, крепко привязал останки веревками к дереву. Это было необходимо, так как луна находилась на ущербе и в этом густом лесу в течение первых двух ночных часов должно было быть так же темно, как в колодце. Покурив, я взобрался на махан; после того как я там устроился поудобнее, Ибботсон позвал человека, отвлекавшего тигра, и пошел в Так за своей женой, чтобы вернуться оттуда в наш лагерь в Сем.

Спутники мои уже скрылись из виду, но все еще раздавались их голоса, когда послышался шум приближавшегося через листву тяжелого зверя; в то же мгновение закричала обезьяна, сидевшая на дереве по ту сторону зарослей ежевики. Прошла одна напряженная минута, за ней вторая, третья — вдруг с гребня скалы бросился вниз с истерическим криком каркер. Тигрица, следовательно, не собиралась вернуться к трупу, она пошла за Ибботсоном.

Меня охватило лихорадочное беспокойство, так как стало ясно, что тигрица бросила добычу и пошла искать новую жертву. Перед нашим расставанием Ибботсон обещал мне принимать все

меры предосторожности; услышав крик каркера, он, естественно, должен был предположить, что тигрица бродит где-либо вблизи от трупа своей жертвы. И если бы Ибботсон ослабил внимание, тигрица имела бы шансы на успех. Прошло десять томительных минут, а потом я услышал, как по направлению к Таку закричал другой каркер. Тигрица все еще шла за ними, но там местность была более открытой и опасность ее нападения на людей стала меньшей. Все же для Ибботсона опасность далеко не миновала, так как его отделяли от лагеря две мили густых джунглей. И если бы он и его спутники в ожидании моего выстрела задержались в Таке до темноты — а я этого опасался, и это произошло на самом деле, — то они подверглись бы еще большему риску. Ибботсон, к счастью, понял опасность и велел своим спутникам держаться близко друг к другу. Тигрица шла за людьми всю дорогу, на что указали ее следы, но все кончилось благополучно.

Крики каркера и замбара позволили мне следить за передвижениями тигрицы. Через час после захода солнца она спустилась в долину в двух милях от меня. В распоряжении тигрицы была целая ночь, и, хотя вероятность ее возвращения к трупу была ничтожна, я решил все же подождать. Закутавшись в одеяло (ночь была страшно холодной), я постарался принять наиболее удобную позу: мне предстояло провести в неподвижности долгие часы.

Расположившись в махане в четыре часа дня, в десять часов вечера я услышал, как по склону горы ко мне приближаются два зверя. Под деревьями было слишком темно, и я не мог их рассмотреть, но, когда они совсем приблизились к трупу, я понял что это дикобразы. Постукивая иглами и издавая столь характерное для дикобразов ворчание, они приблизились к трупу, обошли его несколько раз кругом и ушли восвояси. Часом позже, когда уже взошла луна, я услышал шаги какого-то зверя в лежащей ниже долине. Он шел с востока на запад, когда же тянувшийся вниз по горе ветер донес к нему запах трупа, он остановился, потом стал осторожно подниматься по склону. Пройдя некоторое расстояние, зверь с шумом потянул воздух. Я понял, что это был медведь. Запах крови привлекал его, но к этому запаху примешивался и другой, неприятный — запах человека. Не желая рисковать, медведь приближался к трупу очень осмотрительно. Нос медведя — лучший подобного рода инструмент среди всех имеющихся у обитателей джунглей — еще в долине указал своему хозяину, что добыча принадлежала тигру. Факт этот сам по себе не испугал бы гималайского медведя, — он ничего не боится и, как мне известно, иногда может прогнать тигра от добычи, — но в данном случае зверь был обеспокоен

тем, что к запаху крови и тигра примешивался еще запах человека.

Выйдя на ровное место, медведь присел на задние лапы в нескольких ярдах от тела убитого и, убедившись, что в этом случае с ненавистным запахом человека не связана опасность, встал, повернул голову и издал протяжный рев, разнесшийся по всей долине. Я понял, что зверь зовет свою пару. Потом без колебаний медведь прямо направился к трупу и стал его обнюхивать. Я прицелился. Мне известен один случай, когда гималайский медведь ел человеческое мясо. Женщина, жавшая траву, упала с горы и разбилась; медведь нашел ее изувеченное тело, утащил и съел. Но тот медведь, в плечо которого я целился в эту ночь, избегал, по-видимому, человеческого мяса: осмотрев и обнюхав труп, он продолжал свой путь на запад. Когда шаги его в джунглях стихли, настала тишина, прерванная вскоре после восхода солнца приходом с нетерпением ожидаемого мною Ибботсона.

С Ибботсоном пришли брат и другие родственники покойного; они с подобающим уважением завернули останки в чистую белую одежду и, положив их на носилки из двух деревьев, связанных принесенной Ибботсоном веревкой, отправились к месту сожжения покойников на берегу реки Сарда с громким пением священного гимна индусов.

Я невероятно устал от четырнадцатичасового неподвижного сидения на холоде, но после горячего чая и завтрака, принесенного Ибботсоном, я не чувствовал каких-либо последствий своего долгого бодрствования.

* * *

Тигрица, следовавшая за Ибботсоном вечером 27-го числа до Чука, ночью перешла через реку Ладхия и углубилась в кустарниковые джунгли за нашим лагерем. По этим джунглям проходила тропа, которой регулярно пользовались жители долины Ладхия, пока людоед не поставил движение по ней под угрозу. 28-го числа два скорохода, несшие почту Ибботсона в Танакпур, задержались с выходом из лагеря и, чтобы наверстать время, пошли или, вернее, собирались пойти напрямик через кустарниковые заросли. К счастью, шедший впереди человек был настороже и заметил проползшую через кусты и залегшую у тропы тигрицу.

Ибботсон и я только что вернулись из Така; в это время скороходы прибежали в лагерь. Схватив ружья, мы поспешили

обследовать место происшествия. Мы нашли отпечатки лап тигрицы на месте, где она сошла с тропы и проследовала на небольшом расстоянии за людьми, но они не видели ее, хотя в одном месте среди очень густых кустов заметили какое-то движение и слышали, как уходил какой-то зверь.

Утром 29-го числа пришли люди из Така и сказали, что предыдущей ночью один из их бычков не вернулся в загон, а при поисках на месте, где его видели в последний раз, нашли немного крови. В два часа пополудни Ибботсон и я пришли на это место, и первый взгляд на землю убедил нас, что бычок был убит и унесен тигром. Позавтракав второпях, Ибботсон и я в сопровождении двух людей, несших веревки для махана, пошли по волоку. На протяжении ста ярдов след пересекал наискось горный склон, а затем прямо спускался в овраг. В нескольких сотнях ярдов ниже по оврагу бычок, животное очень крупных размеров, застрял между двумя утесами, и тигр не мог его оттуда вытащить. Отведав мяса бычка, тигр бросил добычу.

Так как он нес большую тяжесть, то следы его лап были распластаны и нельзя сказать, был ли это интересовавший нас людоед. Но поскольку в этой местности каждый тигр считается подозрительным, я решил устроить над бычком засидку. В подходящем расстоянии было только одно дерево; люди забрались на него для устройства махана, а в это время ниже в долине стал реветь тигр. Пришлось ограничиться тем, что несколько концов веревки было спешно обмотано вокруг двух сучьев. Я взобрался на махан, который, как выяснилось в проведенные мной затем четырнадцать часов, был самым неудобным и опасным из тех, на которых мне только приходилось сидеть ранее. Дерево склонялось отвесно от горы и от трех неровных кругов веревки, которые служили мне засидкой, до dna лежавшего внизу каменистого оврага.

Пока я устраивался на дереве, тигр подавал голос несколько раз и продолжал реветь с долгими промежутками до позднего вечера. Последний рев донесся с гребня в полумиле расстояния. Стало очевидно, что тигр лежал невдалеке от своей добычи и видел, что человек взбирается на дерево. Зная по предыдущему опыту, что это означает, тигр выразил надлежащим образом свое неудовольствие и ушел. Последнее вытекало из того, что, проведя на махане всю ночь до возвращения утром Ибботсона, я ничего не видел и не слышал.

Грифы не могли найти добычи тигра, ибо овраг был глубок и скрыт густыми деревьями. А так как бычок был настолько велик, что тигр мог пообедать им несколько раз, мы решили больше не устраивать засидки в том месте, где он теперь лежал, надеясь, что

тигр перенесет добычу в другое место, где стрелять будет удобнее. Но нас постигло разочарование — тигр к добыче не вернулся.

Через две ночи буйвол, привязанный как приманка за нашим лагерем у Сема, был убит, и в результате небольшой оплошности с моей стороны была пропущена хорошая возможность истребить людоеда.

Человек, принесший мне известие о том, что буйвол убит, сказал, что веревка, которой животное было привязано, оборвана тигром, утащившим добычу вверх по оврагу. Буйвол был привязан в нижнем конце этого оврага, того самого, где мы охотились за тигрицей в апреле. Тогда тигрица оставила свою добычу несколько выше в овраге, и я легкомысленно заключил, что так же она поступит и на этот раз.

После завтрака Ибботсон и я пошли разыскивать труп буйвола и выяснить перспективы устройства засидки на этот вечер.

Овраг, где был убит буйвол, имел около пятидесяти ярдов в ширину и глубоко врезался в предгорья. На протяжении двухсот ярдов он шел прямо, а потом поворачивал влево. Прямо за поворотом, на левой стороне оврага, густо росли молодые деревья, за которыми футов на сто возвышался покрытый травой гребень. Вблизи этих деревьев находился небольшой водоем. Хотя в апреле я несколько раз бывал в этом овраге, я не обратил внимания на эти древесные заросли — весьма подходящее для тигра место. Поэтому, вступая за поворот оврага, я не принял необходимых мер предосторожности, в результате чего тигрица, пившая из водоема, увидела нас раньше, чем мы ее. У нее был единственный путь безопасного отступления, и она выбрала именно его: прямо вверх по крутой горе, через гребень и в саловый лес за гребнем.

Гора была слишком крутой для подъема, поэтому мы продолжали идти вверх по оврагу до места, где его пересекала протоптанная замбарами тропа, перешли на эту тропу и вышли на гребень. Тигрица находилась теперь в треугольнике, одну сторону которого образовывал гребень, вторую — река Ладхия, а третью — скала, взобраться на которую было не под силу никакому зверю. Площадь была невелика, и на ней находилось несколько оленей, крики которых время от времени указывали нам, где находится тигрица. Но, к несчастью, местность была пересечена многими узкими и глубокими промоинами дождевых вод, и мы в конце концов потеряли из виду тигрицу.

Мы вернулись в овраг по оленьей тропе и нашли буйвола запрятым среди деревьев. Эти деревья имели от шести

дюймов до фута в толщину и не могли выдержать тяжести махана; пришлось оставить мысль об устройстве засидки: у скалы это было опасно, так как зверь нападал на людей.

Не желая упустить возможность выстрела, мы обсуждали возможность спрятаться среди травы вблизи от буйвола в надежде, что тигрица вернется к нему еще до наступления темноты и что мы увидим ее раньше, чем она нас. Этот план вызвал два возражения: во-первых, если нам не удастся стрелять, а тигрица увидит нас у своей добычи, она ее бросит — так она поступила в двух предыдущих случаях; во-вторых, между местом, где находился труп буйвола, и нашим лагерем расположены были густые заросли кустов, и, если бы нам пришлось в темноте возвращаться через джунгли, мы могли попасть в полное распоряжение тигрицы. Поэтому скрепя сердце решено было оставить добычу тигрицы на предстоящую ночь, надеясь на лучшие перспективы утром.

При нашем возвращении на следующее утро мы обнаружили, что тигрица унесла добычу. Триста ярдов она прошла вверх по оврагу, ступая с камня на камень и не оставляя следов волока. В трехстах ярдах от места, с которого она унесла труп буйвола, мы остановились в затруднении: здесь почва была мягкой и на ней имелось много следов, но среди них мы не обнаружили ни одного, оставленного тигрицей, несшей добычу. В конце концов, сделав несколько кругов, мы нашли место, где тигрица вышла из оврага и поднялась влево по горе.

Эта гора, по которой тигрица унесла добычу, поросла папоротником; найти следы здесь было нетрудно, но идти было тяжело, так как гора была очень крутой, а в некоторых местах приходилось делать обходы, после которых надо было вновь разыскивать след. После крутого подъема, примерно в тысячу футов, мы вышли на небольшое плато, окаймленное с левой стороны скалами, имевшими до мили в ширину. На краю плато у этих скал местность была неровной, покрытой расщелинами; в этих расщелинах густо росли деревья сал высотой от двух до шести футов. Тигрица унесла добычу в эти густые заросли, и, только войдя в них, мы могли определить, где находится зверь.

Когда мы остановились, чтобы взглянуть, что в конце концов осталось от буйвола, послышалось тихое ворчание справа. С ружьями наготове мы прождали минуту, услышав шорох в кустах немного позади от того места, откуда раздавалось ворчание, прошли десять ярдов среди саловой поросли и вышли на полянку, где тигрица устроила себе лежку на мягкой траве. На дальней стороне этой поляны гора, возвышаясь на двадцать футов, образовывала подъем на другое плато. С этого склона плато и

шел услышанный нами звук. Поднявшись как можно бесшумнее по склону, мы вышли на ровное место. Пытаться идти за тигрицей дальше было бесполезно, и мы вернулись к мертвому буйволу, выбрали два дерева для устройства засидки и пошли в лагерь.

После раннего завтрака мы пришли к буйволу и, обремененные ружьями, с некоторым трудом поднялись на деревья. Пять часов мы просидели, ничего не услышав и не увидев. В сумерках спустились с деревьев и, спотыкаясь на неровной и пересеченной местности, достигли оврага уже в полной темноте. У обоих нас было неприятное ощущение, что нас преследуют, но, идя в непосредственной близости один от другого, мы без всяких происшествий вернулись в десять часов вечера в лагерь.

Ибботсоны провели в Семе все бывшее в их распоряжении время и рано утром на следующий день выступили в двенадцатидневный путь в Аскот. Прощаясь со мной, Ибботсон заручился обещанием, что я не стану выслеживать в одиночку тигра и не останусь в Семе больше одного или двух дней.

После ухода Ибботсонов и их пятидесяти спутников в лагере, окруженном густыми кустарниковыми зарослями, остались только я и два моих помощника, носильщики мои жили в доме у старосты. Поэтому нам пришлось целый день заниматься сбором сухих сучьев (их в окрестностях были огромные запасы), чтобы в течение всей ночи поддерживать огонь в лагере. Огонь не прогнал бы тигрицы, но должен был нам позволить увидеть ее в том случае, если бы ночью она стала бродить у наших палаток. К тому же ночи приходилось проводить на холоде, и это было достаточным основанием для поддержания больших костров всю ночь напролет.

К вечеру, после благополучного возвращения моих людей в лагерь, я взял ружье и пошел по Ладхия посмотреть, не проходила ли там тигрица. На песке я нашел несколько следов, но старых. Вернулся я в сумерках, будучи убежден, что тигрица все еще находится на нашем берегу. Часом позже, когда совсем стемнело, около наших палаток закричал каркер и упорно продолжал кричать в течение получаса. На следующее утро никаких следов тигрицы не было обнаружено. После завтрака я взял удочку и пошел к реке. Здесь в изобилии была крупная рыба, и, несмотря на то что у меня несколько раз обрывалась моя легкая снасть, я наловил столько махсиров, что обеспечил едой свой лагерь.

Опять, как и предыдущим вечером, я переправился через Ладхия, намереваясь занять позицию на скале, возвышавшейся над открытой местностью на правом берегу реки, и последить, не станет ли переходить реку тигрица. При уходе с реки я услышал,

как на горе слева от меня закричали замбар и обезьяна, а приближаясь к скале, нашел свежий след тигрицы. Пройдя в обратном направлении, я увидел, что камни у места ее переправы через реку были все еще мокрыми. То, что я задержался в лагере на несколько минут, чтобы высушить удочку и выпить кружку горячего чая, стоило некоторым жизни, тысячам людей — недель тревоги, а мне — многих дней усилий и напряжения.

Я оставался в Семе еще три дня, но случая стрелять по тигрице мне больше не представилось.

Когда я снимал лагерь и собирался начать двадцатимильный переход до Танакпура, собралось много людей из окрестных деревень, они умоляли меня не оставлять их на милость людоеда-тигра. Дав им все советы, какие только могли быть полезными для людей в подобном положении, я обещал вернуться, как только смогу.

Следующим утром я сел в Танакпуре на поезд и вернулся в Найни-Тал после почти месячного отсутствия.

* * *

Я покинул Сем 7 ноября, а 12-го тигрица убила человека в Таке. Известие об этом я получил от окружного лесничего в Халдвани вскоре после того, как вернулся на место зимнего пребывания в предгорьях. Форсированным маршем я прибыл 24-го в Чука ранним утром.

Я намеревался позавтракать в Чука и оттуда пойти в Так, где и остановиться. Но староста Така, который находился в Чука, сообщил мне, что все население Така — мужчины, женщины и дети — немедленно после гибели человека бросило деревню. Он добавил, что если бы я все же остановился в Таке, я мог бы только сохранять свою собственную жизнь, но не был бы в состоянии защищать жизнь моих спутников. Это было совершенно верно, и в ожидании прихода их староста помог мне выбрать место для лагеря у Чука, где и спутники мои были бы в относительной безопасности и я в какой-то мере был бы изолирован от тысяч людей, начавших уже прибывать для рубки леса.

Получив от лесничего телеграмму с извещением о гибели человека, я в свою очередь телеграфировал танакпурскому тахсилдару с просьбой прислать мне в Чука трех молодых бычков буйволов. Это было быстро выполнено, и три буйвола прибыли в Чука вечером накануне моего прихода.

Взяв одного из буйволов, я отправился в Так, намереваясь привязать бычка в том месте, где был убит человек. Староста дал

мне очень яркое описание событий того дня, потому что и сам чуть не стал жертвой тигрицы. Около полудня он в сопровождении своей внучки, десятилетней девочки, пошел накопать имбирных корней на поле ярдах в шестидесяти от дома. Поле размером с пол-акра с трех сторон окружено джунглями, расположено на довольно крутом горном склоне, его видно из дома старосты. Старик и внучка работали некоторое время, как вдруг его окликнула жена — она обдирала во дворе рис — и взволнованным голосом спросила, не оглох ли он? Разве он не слышал фазанов и других птиц, тревожно кричавших близ поля. К счастью, староста действовал быстро. Бросив заступ, он схватил за руку ребенка и побежал домой. Жена старосты взволнованно говорила, что она только что видела рыжего зверя в кустах у верхнего края поля. А через полчаса тигрица убила человека, срезавшего ветки с дерева в трехстах ярдах от дома старосты.

Из рассказа старосты я мог легко установить точное местонахождение этого дерева. Невысокое и искривленное, оно росло на трехфутовой меже между двумя спускающимися террасами полей. Листья этого дерева каждый год собирались для прокорма скота. Человек стоял на стволе, придерживаясь за сук одной рукой, и срезал ветви, в это время тигр подошел к нему сзади, стащил с дерева и унес в окружающие поля густые кустарники.

Чанд Раджи, много веков управлявшие Кумаоном до оккупации этой страны гурками, передали Так во владение предков его нынешних обитателей в награду за службу в храмах Пунагири (обещанное Чанд Раджой освобождение жителей Така и других соседних деревень на вечные времена от уплаты налогов около ста лет соблюдалось затем британским правительством). Из немногих соломенных хижин деревня со временем превратилась в цветущий поселок с каменными, крытыми черепицей домами, так как и земля была плодородной, и храмы приносили значительный доход.

За сотни лет своего существования Так испытал много превратностей судьбы, но за всю его долгую историю его ни разу не покидали жители, а теперь это случилось. Когда я появился после полудня, всюду в деревне царила тишина. Все жители, их было сто или более, ушли, уведя за собой скот. Единственное живое существо, попавшееся мне на глаза, была кошка, она искренне мне обрадовалась. Жители уходили так поспешно, что даже во многих домах двери остались незакрытыми. На каждой улице, во дворах домов, на дорожной пыли перед дверями я находил отпечатки лап тигрицы. В таких условиях брошенные незапертыми двери грозили опасностью: в любом из открытых

домов могла поджидать добычу тигрица.

На горе, в тридцати ярдах выше деревни, было несколько загонов для скота. Около этих загонов я видел фазанов-калиджи, диких кур и белошапочных бюльбюлей в огромном количестве. Доверчивость, с которой птицы позволяли к себе приближаться, указывала, что жители Така не трогали их по религиозным убеждениям.

С расположенных уступами выше загонов полей открывался широкий вид на деревню. Не представляло труда по рассказу старосты найти дерево, у которого тигрица схватила свою последнюю жертву. На мягкой почве под деревом были следы борьбы и несколько пятен засохшей крови, отсюда тигрица пронесла свою жертву сто ярдов по вспаханному полю, перепрыгнула через высокую изгородь и утащила человека в густой кустарник.

Выкопав небольшую яму под деревом, я укрепил в ней шест и к этому шесту привязал буйвола, поместив около него большую охапку соломы.

Деревня, располагающаяся на северном склоне горы, была теперь в тени, и мне пора было возвращаться, чтобы до темноты попасть в лагерь. Обойдя деревню, чтобы избежать опасных открытых дверей, я вышел на дорогу.

За деревней тропа проходила под гигантским манговым деревом, из-под корней которого течет прозрачный холодный родник. Пробежав по желобку, промытому в каменной плите, вода наполняет каменный водоем и оттуда разливается, делая почву мягкой и вязкой. По пути я пил из этого родника и оставил следы на мягкой почве. На обратном пути, подойдя к роднику напиться, я нашел поверх своих следов отпечатки лап тигрицы. Утолив жажду, тигрица не пошла по тропе, а поднялась по крутому, поросшему стробилантами и крапивой обрыву в деревню. Заняв позицию в загоне при одном из домов, она, по-видимому, следила за мной, когда я привязывал буйвола, и ожидала, когда я пойду обратно прежним путем. К счастью, вовремя заметив опасность, я выбрал более дальний, обходный путь.

По дороге из Чука я принимал все меры предосторожности на случай возможного внезапного нападения, и это было не напрасно, так как теперь по следам лап я установил, что тигрица шла за мной во время всего моего пути из лагеря. Когда я пришел в Так на следующее утро, я увидел, что она преследовала меня и от того места, где я ниже края деревни вышел на дорогу, а потом — до самых полей у Чука.

Читать со средствами освещения, имевшимися в моем

распоряжении, было невозможно. Сидя у костра, который приятен и теплом и создаваемым им чувством безопасности, я стал обдумывать положение и намечать планы, как пережить тигрицу.

При отъезде из дому я обещал, что вернусь через десять дней и что это будет моя последняя охота за людоедами. Годы опасностей и напряжения, долгие отлучки из дому (иногда, как в случае с чоугарской тигрицей и рудрапраягским леопардом, они тянулись по несколько месяцев) стали отражаться и на моем здоровье и на нервах моих домашних. Поэтому, если бы до 30 ноября мне не удалось убить тигра, исполнением этой задачи должны были бы заняться другие.

Теперь наступила ночь 24-го, в моем распоряжении оставалось еще шесть дней. По поведению тигрицы в этот вечер было ясно, что она ищет новую человеческую жертву, и за этот срок я без труда мог найти возможность встретиться с ней лицом к лицу. Достичь этого можно было разными способами и каждый из них следовало поочередно испробовать. Убить тигра в горах легче всего, устроив засидку над убитой им добычей. Если в эту ночь тигрица не убила бы буйвола, привязанного мной близ Така, я собирался на следующую ночь привязать двух других буйволов в местах, которые мне удалось наметить. Было весьма вероятно, что после неудачных попыток добыть человека тигрица убьет одного из моих буйволов, как она делала в предыдущих случаях, когда Ибботсоны и я стояли в апреле с лагерем в Семе. Подложив в костер толстые поленья, которых должно было хватить на всю ночь, я повернулся на бок и стал засыпать, отметив, что каркер прокричал в кустарниках позади моей палатки.

Следующим утром, пока готовился завтрак, я взял ружье и пошел поискать следы на правом берегу реки между Чука и Семом. Тропа, пройдя полями, шла на небольшом пространстве через кустарниковые заросли. В них я нашел следы крупного леопарда-самца, быть может, именно того зверя, который накануне ночью встревожил каркера. Небольшой тигр-самец за последнюю неделю несколько раз переходил через Ладхия в разных направлениях. За это время людоед перешел реку только один раз, подойдя со стороны Сема. Большой медведь ходил по песку незадолго до моего прихода. В лагере подрядчики лесных работ жаловались, что когда они утром распределяли наряды между людьми, то натолкнулись на медведя, который повел себя весьма угрожающе. В результате рабочие отказались работать на том участке, где видели медведя.

Несколько тысяч людей — подрядчики говорили о пяти — собрались теперь в Чука и в Кумайя-Чак, чтобы рубить и пилить

деревья и спускать их с гор по специально проложенной автомобильной дороге. Для взаимного ободрения эти рабочие все время перекликались. Шум топоров и пил, падение по горным склонам громадных деревьев в сочетании с криками тысяч людей не поддавались описанию. Естественно, что среди всех этих изнервничавшихся людей нередко возникала тревога, и в последующие дни я много передвигался и терял драгоценное время на выяснение ложных слухов о нападениях и убийствах, совершенных будто бы людоедом. Страх перед тигрицей распространился за пределами долины Ладхия по реке Сарда от Калдхунга до устья, то есть по площади, занимавшей еще пятьдесят квадратных миль, где работали еще десять тысяч человек.

Кажется невероятным, что один только тигр может терроризировать такое количество рабочих, не считая еще местных жителей окрестных деревень и сотен людей, доставлявших продовольствие или проходивших по долине на танакпурский базар с местными фруктами, апельсинами, грецкими орехами и прохладительными напитками.

Этому трудно поверить, но можно вспомнить аналогичный исторический случай, когда в Цаво пара львов-людоедов, действовавших только по ночам, на долгое время приостановила все работы на Угандской железной дороге.

Возвращаясь к своему рассказу. После завтрака утром 25-го я, взяв с собой второго буйвола, пошел в Так. За полями у Чука дорога кружит около полумили близ подножия горы, а потом разделяется на две: одна подымается прямо на гребень до Така, а другая, пройдя еще полмили вдоль подножия горы, идет извилинами через Кумайя-Чак до Кот-Киндри.

У развилки дороги я нашел отпечатки лап тигрицы и проследил их на всем обратном пути в Так. То, что тигрица спустилась с горы за мной предыдущим вечером, показывало, что она не убила буйвола. Это было неприятно, но отнюдь не странно: тигры в некоторых случаях по нескольку ночей подряд посещают привязанных животных (приманку) перед тем, как убить, потому что нападают на добычу тигры только после того, как почувствуют голод.

Оставив второго буйвола у мангового дерева, где было много зеленой травы, я пошел вдаль от домов и нашел, что первый буйвол мирно спит после плотной еды и спокойно проведенной ночи. Тигрица, придя сюда по следам со стороны деревни, подходила к буйволу и ушла обратно прежней дорогой. Взяв с собой буйвола к роднику, я предоставил ему возможность попасть на свободе час или два, а потом привязал его на том же

месте, где и предыдущую ночь.

Второй буйвол был привязан в пятидесяти ярдах от мангового дерева. Здесь тропу пересекал овраг в несколько футов глубины; на одной стороне тропы был сухой пенёк, на другой — миндальное дерево, на котором можно было соорудить махан. Я привязал буйвола к пню и снабдил его запасом сена на несколько дней. В Таке делать было больше нечего, и я, вернувшись в лагерь, взял третьего буйвола, перешел через Ладхия и привязал его в овраге.

По моей просьбе танакпурский тахсилдар выбрал самых жирных молодых бычков, каких только мог найти. Все три были теперь привязаны в местах, посещавшихся регулярно тигрицей. Когда утром 26-го я пошел навестить буйволов, я очень надеялся, что один из них будет убит тигрицей и что мне представится возможность застрелить ее над добычей. Посетив их всех поочередно, я убедился, что тигрица не тронула ни одного. Но, как и утром накануне, я нашел ее следы на тропе, шедшей в Так, причем след был двойной: один шел вниз по тропе, а другой в обратном направлении. В обоих случаях тигрица прошла по тропе в нескольких футах от буйвола, привязанного мною к пню за пятьдесят ярдов от мангового дерева.

После возвращения в Чука к моей палатке пришла депутация жителей Така во главе со старостой и просила меня проводить их в деревню, они хотели взять оттуда новые запасы продовольствия. В полдень в сопровождении старосты, крестьян, и четырех моих людей, несших веревки для махана и провизию, я вернулся в Так и стоял на страже, пока крестьяне спешно собирали необходимое.

Напоив и накормив двух буйволов, я привязал второго к пню, а первого отвел на полмили вниз по горе и привязал к деревцу у края дороги. Затем проводил крестьян обратно в Чука, а сам, поднявшись вверх по горе за несколько сотен ярдов, слегка закусил, пока мои люди сооружали махан.

Теперь стало совершенно ясно, что мои буйволы не привлекали тигрицу. Так как по ее следам я видел, что она за три дня пять раз проходила по ведущей в Так тропе, я решил устроить тут засидку. Чтобы узнать вовремя о приближении тигрицы, у дороги привязали козу с бубенчиком на шее. В четыре часа пополудни я взобрался на дерево и, приказав прийти за мной завтра в восемь часов утра, начал дежурство.

На закате подул холодный ветер, а когда я хотел накинуть на плечи куртку, веревки с одной стороны махана ослабли, и мое сиденье стало крайне некомфортабельным. Часом позднее разразилась буря, и хотя ливень продолжался недолго, он промочил меня до костей. Неудобства моего положения возрастали. Я просидел на дереве шестнадцать часов и ничего не

видел и не слышал. Вернувшись в лагерь, я принял горячую ванну и хорошо позавтракал, после чего взял шесть человек и отправился в Так.

Ночной дождь смыл с тропы все старые следы, но в двухстах ярдах выше дерева, на котором я сидел, были свежие следы тигрицы, шедшие по направлению к Таку. С большими предосторожностями я стал приближаться к первому буйволу и нашел его спящим у тропы. Тигрица обошла его и направилась вверх по склону. Идя по ее следам, я пошел ко второму буйволу и, когда стал приближаться к месту, где он был привязан, увидел, как взлетели две гималайские синие сороки и полетели вниз над склоном.

Присутствие этих птиц означало, что буйвол мертв, что он частично съеден, но не унесен с места, что тигрицы поблизости нет.

Дойдя до пня, к которому был привязан буйвол, я увидел, что животное оттащено от тропы и отчасти съедено, но при осмотре я убедился, что его убила не тигрица: буйвол погиб, по-видимому, от укуса змеи (в окрестностях джунглей много кобр). Найдя на тропе мертвого буйвола, тигрица принялась его есть и попыталась унести. Не сумев порвать веревки, она прикрыла труп сухой листвой, ветвями и продолжала свой путь в Так.

Тигры, как правило, не едят падали, но в некоторых случаях бывают исключения. Как-то раз я оставил тушу леопарда на гари и, вернувшись на следующее утро за забытым ножом, нашел, что тигр оттащил труп за сотню ярдов и уничтожил его на две трети.

По дороге из Чука я разобрал махан, на котором просидел предыдущую ночь. Двое из моих спутников взобрались на миндальное дерево, чтобы устроить на нем засидку (дерево не было, впрочем, достаточно велико, чтобы соорудить на нем настоящий махан), а остальные четверо пошли к роднику за водой для чая. В четыре часа я слегка подкрепился чаем и сухарями, чтобы поддержать свои силы до завтра, и, отказавшись переночевать со своими спутниками в каком-либо из домов в Таке, отправил их обратно в лагерь. В этом заключался известный риск, но он не шел ни в какое сравнение с тем, которому они могли подвергнуться, если бы заночевали в Таке.

Моя засидка на дереве состояла из нескольких кругов веревки, прикрепленных к двум растущим кверху сучьям, и двух кругов веревки пониже, для опоры ногам. Сев и обогнув вокруг себя две ветки, я закрепил их в этом положении тонкой веревкой, оставив небольшое отверстие для наблюдения и стрельбы. Вскоре после ухода моих людей две сороки вернулись, за ними прилетели другие. Девять этих птиц до наступления темноты

кормились на тропе. Появление их позволило мне соснуть, так как сороки предупредили бы меня о приходе тигрицы. После того как птицы улетели, началось мое ночное бодрствование.

Дневное освещение оставалось достаточным для стрельбы вплоть до восхода луны. Было полнолуние. Луна появилась из-за гор Непала за моей спиной и залила ярким светом горные склоны. Прошедший накануне дождь очистил атмосферу от пыли и дыма, и через несколько минут после восхода луны освещение стало настолько хорошим, что я мог увидеть замбара с олененком, жировавших на поле пшеницы за сто пятьдесят ярдов от меня.

Мертвый буйвол лежал прямо передо мной примерно в двадцати ярдах, а тропа, на которой я ожидал появления тигрицы, была на два-три ярда ближе. Я мог поэтому стрелять с дистанции, промах на которой был исключен, — лишь бы тигрица пришла. И не было оснований для обмана моих надежд.

Луна, сияла в течение двух часов, и замбар подошел на пятьдесят ярдов к моему дереву. На горе над деревней подал голос каркер. Олень кричал несколько минут, как вдруг от деревни донесся крик; весьма приблизительно я могу передать его как «а-а-а!..», заканчивавшееся протяжной нотой. Крик был столь неожиданным и внезапным, что я невольно приподнялся на своем сиденье, чтобы соскочить и побежать в деревню: у меня промелькнула мысль, что тигр-людоед убивает кого-нибудь из моих людей. Но в следующее мгновение я вспомнил, что проверил их, когда они проходили под моим деревом, и следил за ними, пока они не исчезли на пути в лагерь, чтобы убедиться в выполнении ими моего приказа — идти тесной группой.

Крик все же принадлежал человеку в предсмертной агонии. Возник вопрос, как такой звук мог слышаться из покинутой населением деревни? Он не был плодом моего воображения: его слышал и каркер, внезапно переставший подавать голос, и замбар с олененком, бросившиеся в бегство по полям. Когда два дня назад я сопровождал жителей Така в их деревню, то обратил внимание, что они были вполне уверены в сохранности своего имущества в незапертых домах. Староста при этом ответил мне, что если бы деревня оставалась пустой несколько лет, имуществу крестьян ничего не будет угрожать, так как они — жрецы Нунагири и никто и не подумает их обворовать. Он добавил, что пока тигрица жива, она будет лучшим сторожем имущества жителей, чем сотня людей, если бы сторож все же понадобился, потому что никто не отважится с какими бы то ни было делами приблизиться к деревне через окружающие ее густые леса без такой охраны, которую я предоставил жителям Така.

Крик не повторился, и, так как мне больше делать было нечего, я опять уселся на мое веревочное сиденье. В десять часов вечера жировавший на озимом поле пшеницы каркер с криком бросился в бегство, а через минуту тигрица два раза подала голос. Она теперь вышла из деревни и была на ходу. Даже если бы она не пожелала пообедать второй раз буйволом, была большая надежда, что она пойдет по дороге: предыдущие дни она пользовалась этой дорогой два раза в сутки. С пальцем на спуске, напряженно вглядываясь в тропу, я просидел несколько часов, пока, наконец, солнечный свет не сменил лунный. Через час после восхода солнца пришли мои люди. Они весьма предусмотрительно захватили вязанку сухих дров, и через удивительно короткое время я уже сидел за кружкой горячего чая. Быть может, тигрица следила за нами из ближайших кустов, но с такой же вероятностью можно было думать, что она ушла за несколько миль. После того как она редела в десять часов вечера, джунгли оставались безмолвными.

Вернувшись в лагерь, я увидел сидевших у моей палатки людей. Одни пришли узнать о моих успехах в эту ночь, другие сообщить, что тигрица редела с полуночи почти до утра у подножия горы и что рабочие, нанявшиеся для работ на новую подъездную дорогу в лесу, были так напуганы, что отказались выходить на работу. Они, как и тысячи людей, находившихся лагерем у Чука, всю ночь просидели, поддерживая огонь в больших кострах.

Среди присутствующих был староста из Така. Когда люди разошлись, я стал расспрашивать его об обстоятельствах гибели человека 12-го числа, когда он сам едва не стал жертвой людоеда.

Староста еще раз подробно рассказал мне о случившемся; он отправился на поля выкапывать имбирные корни, взяв с собою внучку; услышав крик жены, он схватил девочку за руку и побежал домой; и жена бранила его за легкомыслие, угрожавшее жизни не только его самого, но и ребенка; а на несколько минут позже тигрица убила человека, срезавшего листья на дереве поля, расположенного выше его дома.

Эту часть рассказа я уже слышал. Тогда я спросил старосту, видел ли он сам, как тигрица убила человека. Он ответил отрицательно и добавил, что дерева нельзя было видеть с того места, где он тогда был. Я поинтересовался, как же он узнал, что человек убит. Он сказал, что слышал это от других. В ответ на дальнейшие вопросы староста заявил, что человек закричал, но не звал на помощь. На вопрос, кричал ли человек один только раз, он сказал: «Нет, три раза» — и по моей просьбе попытался изобразить этот крик. Это с очень небольшими видоизменениями

был тот самый крик, который я слышал предыдущей ночью.

Я тогда рассказал старосте о слышанном мною и спросил, возможно ли, чтобы кто-нибудь случайно зашел в деревню; ответ был отрицательным. В Так вели только две дороги, и каждый мужчина, женщина или ребенок в деревнях, через которые проходили эти дороги, знали, что Так покинут жителями, знали и причины этого.

Когда я спросил, как же объяснить эти доносившиеся из деревни крики, если в ней, по его словам, не было ни единой души, староста ответил, что не может дать никакого ответа. А так как я не мог предложить никаких объяснений, то приходилось признать, что ни каркер, ни замбар не слышали казавшихся весьма реальными криков — криков человека в предсмертной агонии.

* * *

Когда все мои посетители, в том числе и староста, ушли, а я стал завтракать, мой спутник сообщил мне, что накануне вечером в лагерь приходил староста из Сема и просил передать, что его жена жала траву близ хижины, где была убита его мать, и нашла кровавые следы. Поэтому он будет ждать меня завтра около переправы у Ладхия. После завтрака я пошел осмотреть следы.

При переправе через реку я увидел четырех человек, спешивших мне навстречу. Только что вышел на берег, как они стали рассказывать, что, спускаясь по склону горы над Семом, они слышали рев тигра между Чука и Таким. Шум реки, по-видимому, помешал мне самому слышать голос тигра. Я сказал людям, что иду в Сем, скоро вернусь в Чука, и расстался с ними.

Староста ждал меня близ своего дома, а его жена провела меня туда, где видела накануне кровавый след. След этот, пройдя немного по полю, уходил в большие скалы; на одной из них я нашел шерсть каркера. Немного дальше были отпечатки лап крупного самца-леопарда; рассматривая их, я услышал рев тигра. Сказав спутникам, чтобы они присели и держали себя спокойно, я стал прислушиваться, желая определить местонахождение тигра. Я опять услышал его голос, затем он стал повторяться с промежутками минуты в две.

Тигрица призывала самца. Я определил, что она находится в пятистах ярдах ниже Така в глубоком овраге, который, начинаясь под манговым деревом, идет параллельно тропе, а потом пересекает ее в том месте, где тропа соединяется с дорогой на Кумайя-Чак.

Сказав старосте, что охоту на леопарда придется отложить до более удобного времени, я спешно отправился в лагерь, захватив у переправы четырех человек: они ожидали, чтобы я проводил их до Чука.

В лагере я нашел толпу, собравшуюся у моей палатки. Это были главным образом пильщики из Дели, подрядчики, агенты, писари, нарядчики и разные дельцы, связанные с подрядами по лесным работам и по строительству дорог в долине Ладхия. Они сообщили мне, что многие из горцев, работавших по заготовке леса и на его перевозке, разошлись сегодня утром по домам и что если я покину Чука 1 декабря, — а они слышали о таком моем намерении, — то все рабочие, в том числе и они сами, уйдут в тот же день; люди так напуганы, что лишились сна и аппетита и никто не останется в долине после моего ухода. Дело происходило утром 29 ноября, и я сообщил им, что пробуду еще два дня и две ночи, что за это время может удаться многое, но что ни при каких обстоятельствах я не могу продлить срок своего пребывания здесь позже утра 1 декабря.

Тигрица перестала реветь. После того как мои спутники приготовили мне кое-какую еду, я отправился в Так с намерением, если тигрица еще раз подаст голос, разыскать ее и попытаться убить с подхода, а если она не подаст голоса, устроить засидку над буйволом. На тропе я нашел следы тигрицы и обнаружил место, где она вошла в овраг, но, хотя по пути я много раз останавливался и прислушивался, тигрицы больше не было слышно. Незадолго до заката солнца я съел несколько сухарей и выпил захваченную с собой флягу горячего чая, а потом влез на миндальное дерево и уселся на заменявших мне махан веревках. В этот вечер сорок не было, и я не мог воспользоваться часом или двумя сна, которые накануне мне предоставили птицы.

Если тигр не возвращается к добыче в первую ночь, это еще не значит, что он бросил ее окончательно. У меня были случаи, когда тигр возвращался на десятую ночь и пожирал то, что никак не заслуживало больше названия мяса. Но в данном случае я сидел не над убитой самим тигром добычей, а животным, которое тигрица нашла мертвым и которого она слегка отведала. Если бы тигрица не была людоедом, не стоило бы сидеть целую ночь на дереве, поскольку в первую ночь она не проявила интереса к мертвому буйволу. Но я все же просидел на дереве с небольшой надеждой получить возможность стрелять от заката и до восхода. И хотя я провел на дереве меньше времени, чем накануне, неудобства были значительно большими, так как веревки, на которых я сидел, врезались в мое тело, а вскоре после появления луны подул холодный ветер, продолжавшийся всю ночь и

проморозивший меня до костей. В эту вторую ночь я ничего не слышал в джунглях, а замбар со своим олененком не выходили кормиться на поля. Когда солнечный свет сменил лунный, в отдалении послышался голос тигра, но я не мог определить направления, откуда он звучал.

Когда я вернулся в лагерь, мои спутники приготовили для меня чай и горячую ванну, но прежде чем воспользоваться последней, я пошел переговорить с толпой возбужденных людей, которые кричали, что хотят поделиться со мной своими переживаниями за предыдущую ночь. Выяснилось, что вскоре после восхода луны тигрица стала реветь близ Чука и, проревев там часа два, пошла в направлении лагерей рабочих у Кумайа-Чак. Рабочие, услышав приближение тигрицы, стали кричать, чтобы ее отпугнуть. Но ожидаемого результата не последовало: тигрица только разъярилась и не ушла до тех пор, пока люди не замолчали. Остаток ночи она провела между лагерями рабочих и Чука. К утру тигрица направилась к Таку, и мои собеседники были очень удивлены и огорчены тем, что я ее там не встретил.

Это был последний день моей охоты на людоеда, и, хотя я крайне нуждался в отдыхе и сне, я все же решил воспользоваться оставшимся временем для последней попытки войти в соприкосновение с тигрицей.

Жители не только Чука и Сема, но и других окрестных деревень, а в особенности крестьяне из Талладеш, где несколько лет тому назад я застрелил трех людоедов, очень хотели, чтобы я попробовал устроить засидку над живым козлом. Они говорили: «Все тигры едят козлов. Если не удалось с буйволами, почему вам не попробовать с козлом?» Скорее в шутку, чем в надежде получить возможность стрелять по тигру, я согласился провести этот последний день в засидке над двумя приобретенными для этой цели козлами.

Я был убежден, что, куда бы ни ходила по ночам тигрица, главным местопребыванием ее был Так. Поэтому я туда и отправился в полдень, взяв двух козлов. Сопровождали меня четыре человека.

Я уже говорил, что тропа из Чука в Так проходит по высокому гребню. За четверть мили до Така тропа оставляет гребень и пересекает более или менее ровное место, доходящее прямо до мангового дерева. На всем протяжении этого ровного участка тропа вьется среди густых кустарников и пересекается двумя узкими оврагами, тянущимися на восток и сливающимися с главным оврагом. Посередине между этими двумя оврагами и в ста ярдах от дерева, на котором я сидел две предыдущие ночи, растет гигантское миндальное дерево. К нему я и направился,

выйдя из лагеря. Тропа проходила прямо под этим деревом. Я думал, что, взобравшись на него до середины, я смогу видеть не только двух козлов, одного из которых я хотел привязать на краю главного оврага, а второго у подножия горы справа, но также и мертвого буйвола. Так как все эти три точки находились на довольно большом расстоянии от дерева, я вдобавок к взятому на случай крайности штуцеру 450/400 запасся винтовкой, более точной по бою.

В этот последний день подъем от Чука показался мне очень утомительным. Только что я вышел на место, где тропа уходит с гребня на ровное место, как тигрица подала голос примерно в ста пятидесяти ярдах влево от меня. Здесь были густые заросли перевитых лианами кустарников и деревьев, вся местность была пересечена узкими и глубокими оврагами и покрыта большими обломками скал — условия, весьма неподходящие для охоты на тигра-людоеда. Перед тем как установить план дальнейших действий, надо было сначала убедиться, не лежит ли там тигрица, — это было весьма вероятно, так как дело происходило около часа дня, — или если зверь был на ходу, то в каком именно направлении. Поэтому, усадив людей на землю за своей спиной, я стал прислушиваться. Рев повторился. Тигрица, по-видимому, шла по главному оврагу по направлению к Таку.

Появилась надежда, ибо от дерева, которое я выбрал для устройства засидки, до оврага было только пятьдесят ярдов. Приказав людям соблюдать тишину и держаться всем вместе позади меня, я быстро пошел по тропе. Нам оставалось примерно двести ярдов до дерева, когда мы приблизились к тому месту, где тропа с обеих сторон была окаймлена густым кустарником, из которого с криком вылетела стайка фазанов-калиджи. Я опустился на колени и прополз несколько минут по траве. Но так как ничего не произошло, мы все осторожно пошли вперед и без всяких приключений достигли дерева. С соблюдением возможной тишины и быстроты один козел был привязан у края оврага, а второй — у подножия горы справа. После этого я проводил людей до окраины полей, приказав им оставаться на веранде дома старосты, а сам бегом вернулся к дереву. Взобравшись на него примерно на высоту в сорок футов, я втащил оружие при помощи специально принесенной для этой цели веревки. С моего места были видны не только оба козла, один в семидесяти, другой в шестидесяти ярдах, но и часть трупы буйвола. Так как моя винтовка обладала очень точным боем, я был уверен в том, что смогу убить тигрицу, где бы она ни появилась среди местности, находившейся в моем поле зрения.

Козлы жили вместе с того самого времени, как я их купил в

предыдущий приезд; теперь, когда их разлучили, они усердно перекликались. В обычных условиях голос козла слышен за четыреста ярдов, но в этом случае условия были необычайными, так как козлы были привязаны на горном склоне, по которому дул сильный ветер. Даже если тигрица отдалилась после того, как я ее слышал, она не могла не услышать козлов. А если она была голодна, как следовало предполагать, то у меня были все шансы на удачный выстрел.

Я просидел на дереве уже минут десять, когда недалеко от места, где поднялись фазаны, закричал каркер. На одну или две минуты мои надежды взлетели до небес, но потом упали на землю: каркер прокричал только три раза и закончил крик вопросительной нотой. Очевидно, в кустах была змея, вид которой показался неприятным и для каркера, и для фазанов.

Мое сиденье было довольно комфортабельным, солнце пригревало, поэтому следующие три часа я провел на дереве довольно приятно. В четыре часа пополудни солнце исчезло за высокой горой над Таким. Ветер стал несносно холодным. Час я переносил все эти неудобства, но затем решил отказаться от дальнейших попыток, так как холод вызвал у меня приступ лихорадки, и даже если бы тигрица теперь появилась, я не смог бы в нее попасть. Я привязал винтовку и штуцер, спустил их на землю и пошел к окраине полей звать своих спутников.

* * *

Думаю, что мало кому не приходилось испытывать чувства подавленности после неудачи в выполнении какого-нибудь намерения. Дорога в лагерь после трудной охоты на кекликов с полным ягдташем кажется пустяком по сравнению с тем же путем, но когда ягдташ пуст. И если вы испытали чувство подавленности после однодневной охоты и когда дичью были только кеклики, вы можете понять мое тяжелое чувство в этот вечер, когда, созвав моих людей и отвязав козлов, я отправился в двухмильную дорогу в лагерь. Ведь мои попытки продолжались не один день, предметом охоты были не птицы, и, наконец, моя неудача имела значение отнюдь не только для меня лично.

За вычетом времени на дорогу из дома и обратно я преследовал людоеда по пятам с 23 октября по 7 ноября и с 24 по 30 ноября. Только те из вас, которым приходилось ходить с опасением, что зубы тигра могут вонзиться в ваше горло, имеют представление, как отражаются на нервах проведенные в подобном ожидании дни и недели.

К тому же предметом моей охоты был людоед, и моя неудача угрожала тяжелыми последствиями всем, жившим и работавшим в этих местах. Лесные разработки уже остановились, а население самой большой деревни покинуло свои жилища. Каким бы плохим ни было положение, после неудачной охоты на людоеда оно должно было стать еще хуже: рабочие не могли приостанавливать свою работу до бесконечности, а население окрестных деревень не могло решиться бросить свои дома и поля, как это могло сделать более зажиточное население Така.

Тигрица давно уже утратила всякий естественный страх перед человеком, этому было много доказательств: она унесла девочку, собиравшую манго на поле в непосредственной близости от работавших там нескольких мужчин; убила женщину у дверей ее собственного дома; стащила человека с дерева посреди деревни; наконец, накануне ночью заставила замолчать несколько тысяч человек. И вот теперь, прекрасно сознавая, что значит присутствие людоеда для постоянного и пришлого населения, для проходящих, идущих на базары в предгорья или в храмы Пунагири, я медленно возвращался в свой лагерь в день, который — в этом я дал слово — был последним днем моих охот на людоедов. Достаточная причина для угнетенного состояния, которое, как я чувствовал, останется у меня до конца жизни. В этот момент я охотно променял бы все мои успехи за тридцать два года охоты за людоедами на возможность верного выстрела по тигрице.

Я рассказал вам только о некоторых своих попытках застрелить тигрицу в течение семи дней и семи ночей, но на деле я не ограничивался только ими. Я знал, что за мной наблюдают, что по моему следу идут, и каждый раз на моем двухмильном пути между лагерем и Таком я применял, чтобы перехитрить тигрицу, все приемы, которым научился, проводя жизнь в джунглях. Как горько ни было мое разочарование, я чувствовал, что неудача не может быть отнесена за счет моих ошибок или за счет моей деятельности.

* * *

Мои спутники при встрече со мной сказали, что через час после крика каркера они услышали вдали рев тигрицы, но не могли определить, откуда именно он доносился. Тигрица, очевидно, так же мало интересовалась козлами, как буйволами. Но если даже принять это во внимание, казалось необычайным, что она в эти часы дня ушла из местности, где постоянно

находилась, если только ее не привлек какой-то звук, которого не слышал ни я, ни мои люди. Как бы то ни было, ясно, что она ушла, и так как делать было больше нечего, я отправился в тяжелый обратный путь в лагерь. Как я уже говорил, тропа расстоянием в четверть мили от Така выходит на тянувшийся до Чука гребень. Когда я вышел на это место (тут гребень горы имеет в ширину только несколько футов и с него открывается вид на два больших оврага, спускающихся к реке Ладхия), я несколько раз услышал рев тигрицы в долине, расположенной левее. Эта долина находилась несколько влево и выше от Кумайа-Чак и в нескольких стах ярдах от гребня Кот-Киндри, на котором лесорубы, работавшие в этой местности, устроили себе шалаш из травы.

Представлялся случай, по-видимому, почти безнадежный и с малыми шансами на успешный выстрел. Но все же этот случай представился и был последним, который я мог иметь. Вопрос, следовательно, был в том, как я сумею им воспользоваться.

После того как я спустился с дерева, в моем распоряжении оставался еще час, чтобы прийти в лагерь до наступления темноты. Тридцать минут потребовалось для того, чтобы собрать моих людей, выслушать их рассказы, отвязать козлов и пройти до гребня. Солнце образовало багровое зарево над вершинами Непальских гор. В моем распоряжении еще оставалось полчаса светлого времени. И от этого срока, а лучше сказать от освещения, если бы я попытался использовать последнюю имевшуюся возможность, зависела, в сущности, жизнь пяти человек.

Тигрица находилась в миле от нас; отделявшее ее расстояние заросло густым лесом, было покрыто большими каменными россыпями и пересекалось большим числом дождевых промоин («нулла»). При желании такое расстояние тигрица могла покрыть за полчаса. Тут необходимо было решить вопрос, надо ли мне попробовать подманить тигрицу на голос. Если бы я подал голос и она услышала его и подошла ко мне на расстояние выстрела засветло, все было бы прекрасно. Но если бы она пришла тогда, когда для меня не было бы уже возможности стрелять, некоторым из нас не пришлось бы дойти невредимыми до лагеря, путь куда целых две мили шел среди джунглей между больших скал и густых кустов. Советоваться с моими спутниками было бесполезно, так как никто из них не бывал ранее в джунглях; вся ответственность решения лежала на мне. И я решил попробовать подманить тигрицу.

Передав ружье одному из своих спутников, я подождал, пока тигрица вновь не подала голоса, соединил ладони рупором и,

расширив легкие до предела, послал в долину призыв. Тигрица отозвалась, и в течение нескольких минут рев отвечал на рев. Ноябрь — время спаривания тигров. Было ясно, что тигрица последние сорок восемь часов рыскала в джунглях в поисках супруга и теперь, услышав голос того, кого она приняла за тигра, не станет терять зря времени.

В четырехстах ярдах ниже по гребню тропа проходит по ровному участку. С дальней правой стороны этого участка она подходит к большой скале, а затем круто идет вниз и продолжается рядом крутых поворотов до лежащего пониже второго ровного участка. Я решил встретиться с тигрицей именно на этой скале и несколько раз подал голос, чтобы указать ей, куда переместился.

Я хочу теперь дать вам достаточно ясное представление о местности, чтобы вы могли мысленно следить за всеми дальнейшими событиями. Представьте себе прямоугольный участок шириной в сорок, а длиной в восемьдесят ярдов, кончающийся более или менее отвесной скалой. Тропа из Така выходит на эту местность на ее южном, коротком конце и, пройдя двадцать пять ярдов до ее середины, сворачивает направо и покидает прямоугольник на его длинной, восточной стороне. Здесь возвышается глыба фута четыре в высоту. Немного сзади, где тропа образует поворот вправо, подымается каменистый гребень в три или четыре фута высотой, он тянется до северной стороны прямоугольника, где площадка круто обрывается отвесной стеной. На ближней от тропы стороне низкого гребня имеются густые кусты, приближающиеся на десять футов к четырехфутовой глыбе, о которой я упоминал. Остальные части прямоугольника поросли деревьями, отдельными кустами и низкой травой.

Я намеревался залечь на тропе у края скалы и стрелять по тигрице, когда она ко мне приблизится; но когда проверил свое положение, то нашел, что могу увидеть ее только за два или три ярда и что, если она станет подходить ко мне вокруг скалы или через кусты слева от меня, я могу не увидеть ее вовсе. На противоположной стороне скалы был узкий карниз. Расположившись боком вдоль него, я кое-как уместил свое тело, положил левую руку на вершину гладкого камня и, вытянув во всю длину правую ногу, уперся ее пальцами в землю — таким образом я мог держаться на карнизе. Люди и козлы поместились на десять — двенадцать футов ниже и сзади меня.

Мы теперь приготовились к приему тигрицы, которая за это время приблизилась на расстояние в триста ярдов. В последний раз я подал ей голос, чтобы указать направление, и оглянулся,

чтобы проверить, как чувствуют себя мои спутники.

Являемое ими зрелище при других обстоятельствах показалось бы смешным, теперь оно было трагичным. Люди сидели тесным кружком, уткнув головы в колени, а к людям прижались козлы; лица людей выражали напряженное ожидание, подобное тому, которое бывает у людей, ожидающих пушечного выстрела. С того времени, как мы впервые услышали на гребне голос тигрицы, ни люди, ни козлы не издали ни звука, если не считать сдерживаемого покашливания. Теперь они, по-видимому, застыли от страха, и это было вполне естественно, я преклоняюсь перед этими людьми, которые имели мужество сделать то, о чем бы я и не мечтал, будучи в их положении. Семь дней они слышали весьма преувеличенные и кровавые истории об ужасном звере, который не давал им спать в течение двух последних ночей, а теперь, в надвигавшейся темноте, они, безоружные, находились в таком состоянии, в котором сами не могли ничего видеть, но слышали, как людоед подходил все ближе и ближе. Большой храбрости и преданности невозможно себе представить.

Я не мог оставить в левой руке шуцер, так как мне приходилось держаться за камень, и это вызывало у меня известное беспокойство: шуцер мог соскользнуть с гладкой вершины скалы, но я постарался предотвратить это, воткнув свой раскрытый перочинный нож в землю. Я не знал, каким может быть эффект отдачи оружия с большой начальной скоростью в том положении, которое занимал. Стволы шуцера были направлены к тропе, на которой был небольшой бугорок, и я намеревался стрелять по голове тигрицы, как только она появится из-за этого бугорка, отстоявшего футах в двадцати от скалы.

Тигрица на своем ходу, однако, не придерживалась пути, определенного мною. Она пересекла глубокий овраг и вышла прямо на то место, откуда слышала мой последний призыв. В результате такого маневра я не мог увидеть зверя: его закрывал от меня низкий гребень. Тигрица очень точно определила направление, откуда шел мой последний призыв, но ошиблась в определении расстояния и, не найдя ожидаемого супруга, впала в полное бешенство.

Для того чтобы дать представление о ярости тигрицы в подобном состоянии, я расскажу, что в нескольких милях от нашего дома тигрица как-то на целую неделю прервала сообщение на большом тракте, набрасываясь на всякое появляющееся на дороге существо, даже на целый верблюжий караван, пока не нашла себе пару. Я не знаю звуков, которые так действуют на нервы, как рев подошедшего на близкое расстояние тигра. Мне страшно было думать, какое впечатление производил

этот ужасный звук на моих спутников, и я бы не удивился, если бы они закричали и побежали. Я сам с надежным ружьем чувствовал, что готов кричать.

Но еще страшнее, чем непрерывный рев, было быстрое наступление темноты. Через несколько секунд, самое большее десять — пятнадцать, я не мог уже видеть прицела, и мы тогда попали бы во власть людоеда, к тому же тигрицы, ищущей супруга. Чтобы не быть уничтоженными, надо было что-то предпринять, и предпринять быстро. Единственным выходом было, по моему мнению, еще раз подать голос.

Тигрица была теперь так близко, что я слышал, как она набирала воздух перед ревом. И вот когда она втягивала воздух, я наполнил свои легкие, и мы подали голос одновременно. Эффект был мгновенным. Не колеблясь ни секунды, тигрица пошла быстрыми шагами по сухой листве через низкий гребень в кусты, чуть правее от меня. Как раз в тот момент, когда я ожидал ее нападения, она остановилась. В следующее мгновение дуновение от ее могучего рева попало мне в лицо, оно сдуло бы с головы шляпу, если бы она была надета. Секундная остановка, потом опять быстрые шаги; силуэт тигрицы мелькнул, когда она проходила между двумя кустами, затем она остановилась неподвижно на открытом месте, смотря мне прямо в лицо.

Большой и неожиданной удачей было то, что тигрица, пройдя полдюжины шагов вправо, стала почти прямо против места, куда были направлены стволы моего штуцера. Если бы тигрица продолжала движение в направлении, по которому шла до моего последнего призыва, мой рассказ или вообще не был бы написан, или имел другой конец, так как тогда я не мог бы взять лежавший на закругленной вершине скалы штуцер, не мог бы удержать его и стрелять. Близость тигрицы и меркнувший свет дали возможность хорошо видеть только ее голову. Моя первая пуля ударила ее под правый глаз, а вторая, выпущенная скорее случайно, чем намеренно, попала ей в горло. Тигрица упала, уткнувшись носом в скалу. Отдача правого ствола нарушила мое равновесие, а отдача левого ствола — я стрелял в воздухе при падении — сильно ударила прикладом по нижней челюсти и сбросила меня вниз головой прямо на моих спутников и коз. И еще раз я считаю долгом обнажить голову перед теми четырьмя спутниками, которые, зная в сущности только то, что к ним приближалась тигрица, поддержали меня при падении и спасли от увечья, а штуцер — от поломки.

Когда я высвободился из кучи людских и козых ног, я взял винтовку у державшего ее человека, вложил в магазин обойму и послал в долину пять выстрелов, разнесшихся через реку Сарда до Непала. Для тысяч людей, находившихся в долине и окрестных деревнях и с волнением ожидавших звуков моего ружья, два выстрела могли ничего не значить. Но два выстрела, за которыми с ровными пятисекундными промежутками последовали еще пять, могли быть поняты только как вестъ о том, что людоед перестал существовать.

Я не разговаривал со своими людьми с того времени, как мы услышали первый рев тигрицы на горном хребте. Когда я им сказал, что тигрица убита и что теперь нам опасаться нечего, они,

по-видимому, не сразу поняли значение моих слов. Я посоветовал им пойти и посмотреть, а сам присел и скрутил папиросу. Люди с большой опаской взобрались на скалу, но не решились идти дальше, так как я сказал, что тигрица лежит прямо у той стороны скалы.

Поздно ночью, сидя у костра и вновь и вновь рассказывая жадным слушателям о событиях дня, мои спутники неизменно кончали повествование такими словами: «И тогда тигр, рев которого превращал наши внутренности в воду, ударил саиба по голове и сбросил его со скалы прямо на нас; если вы не верите, посмотрите на лицо саиба». Зеркало в лагере не нужно, но, если бы оно и было, оно не могло бы дать надлежащего представления о размерах и болезненности опухоли моей челюсти, вынудившей меня провести неделю на молочной диете.

Пока срубили деревце и привязали к нему тигра, в долине Ладхия и в окрестных деревнях заблестели огни. Мои спутники очень хотели, чтобы честь нести тигрицу в лагерь была предоставлена только им, но тяжесть превышала их силы, и поэтому, оставив их на месте, я пошел за подмогой. За время моего троекратного пребывания в Чука в последние восемь месяцев я много раз ходил по этой тропе с заряженным ружьем в руках, а теперь я мог идти в темноте безоружный, остерегаясь только падения. Если одно из самых больших удовлетворений, которое можно испытывать, — это внезапное прекращение сильной боли, то другое, не меньшее, — неожиданное прекращение чувства сильного страха. Часом раньше без помощи диких слонов нельзя было бы заставить выйти из домов и лагерей тех людей, которые теперь с песнями и криками, группами и в одиночку собирались отовсюду на тропу, шедшую в Так.

Некоторые из людей пришли помочь нести тигрицу, другие провожали меня до моего лагеря и несли бы меня на руках, если бы я им это разрешил. Я продвигался очень медленно, так как приходилось делать частые остановки, чтобы позволить всем вновь прибывшим выразить свою благодарность так, как им этого хотелось. Поэтому мои помощники, несшие тигрицу, догнали меня, и мы вошли в деревню одновременно. Я не могу описать всех приветствий, адресованных мне и моим спутникам, или сцен, свидетелем которых я был в эту ночь в Чука, — проведя большую часть жизни в джунглях, я не обладаю даром красноречия.

Разобрали стог и положили на сено тигрицу, вблизи развели огромный костер и для освещения, и для теплоты, так как ночь была темной и дул холодный северный ветер. Около полуночи мои слуги при помощи такского старосты и Кунвар Синга, близ

дома которого находился мой лагерь, убедили толпу разойтись по деревням и лагерям, сказав, что они имеют полную возможность насмотреться на тигрицу завтра. Уходя, такский староста сказал мне, что завтра утром он предложит жителям Така вернуться в деревню. Через два дня все крестьяне вернулись в свои жилища и продолжали обычные занятия.

После обеда в полночь я позвал Кунвар Синга и сказал ему, что для выполнения своего обещания вернуться домой в назначенное время я должен уйти в ближайшие часы и что он должен объяснить населению причину моего ухода. Кунвар Синг обещал это сделать, а я занялся съемкой шкуры с тигрицы. Снимать шкуру с тигра при помощи карманного ножа — долгая работа, но только она дает возможность рассмотреть как следует зверя, а когда дело идет о людоеде, то выяснить более или менее причину, почему зверь стал людоедом.

Тигрица была сравнительно молодым животным, находилась в хорошем состоянии, как это и должно было быть в начале брачного сезона. Ее темный зимний мех был безупречным и, несмотря на то что она упорно отказывалась от предлагавшихся ей приманок, она была очень жирной.

У тигрицы были две огнестрельные раны, незаметные при наружном осмотре. Одна в левом плече от нескольких самодельных дробин, вызвавшая в свое время септическое воспаление, в результате чего шкура после заживания раны на большом участке срослась с мышцами; в какой мере это отражалось на общем состоянии зверя, судить трудно, но было несомненно, что заживление такой раны требовало долгого времени, и это могло быть причиной того, что тигрица стала людоедом. Другая рана в правом плече была также сделана дробью, но зажила без осложнений.

Эти две раны, полученные тигром около добычи еще до того, как он стал людоедом, хорошо объясняли то, что тигрица более не возвращалась к добыче (будь то ее человеческие жертвы или что-либо другое), над которой я устраивал засидки.

Сняв с тигрицы шкуру, я выкупался и переоделся, и, хотя мое лицо опухло и болело, а мне предстояла двадцатимильная дорога, я на пути из Чука как бы летел по воздуху, так как тысячи людей в этой деревне и в ее окрестностях в долине могли спать спокойно.

Я пришел к концу моих рассказов о джунглях и к концу моей карьеры охотника за тиграми-людоедами.

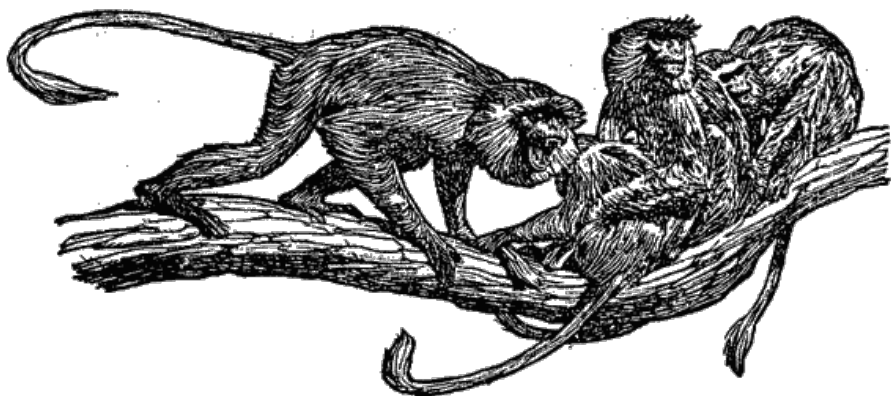
Она доставила мне очень много удовлетворения, и я считаю, что мне очень повезло: я кончил ее на своих собственных ногах.

Бывали случаи, когда жизнь висела на волоске, когда

вызванная постоянной опасностью и напряжением болезнь делала даже ходьбу трудной, но за все я щедро вознагражден тем, что охота спасла не одну человеческую жизнь.

ПРОСТО ТИГРЫ

Думаю, что каждый охотник, которому приходилось заниматься и фотографированием, и стрельбой тигров, согласится со мной, что разница между этими действиями так же велика, как разница между ловлей форели на легкую снасть в вытекающем из снежных гор потоке и добыванием рыбы на иссохшем от солнца берегу пруда.

Не говоря уже о разнице в расходах на фотографирование и на ружейную охоту и о том значении, которое имеет получение хорошего снимка в условиях быстро сокращающегося поголовья тигров, последнее доставляет охотнику гораздо больше удовольствия, чем трофей в виде шкуры. К тому же снимок представляет интерес для всех любителей природы, а охотничий трофей — только для его владельца. Как пример приведу Фреда Чемпиона. Если бы Чемпион охотился на тигров с ружьем, а не с фотографической камерой, трофеи его давно бы уже облезли или покрылись пылью в сундуках, тогда как его снимки служат источником постоянного удовольствия и для него самого, и для охотников всего мира.

Мысль фотографировать тигров пришла мне в голову при виде снимков в книге Чемпиона «С фотоаппаратом в стране тигров». Чемпион снимал обыкновенным аппаратом при свете магния, а я решил попытаться добиться большего и фотографировать тигров киноаппаратом при дневном освещении. Необходимое орудие попало мне в руки в виде подаренного одним из моих друзей аппарата Белла и Хоуелла 16 мм, а «мирное положение» в лесах предоставило мне широкое поле действий. В течение десяти лет я прошел сотни миль в стране тигров. Бывали случаи, когда тигры пугались, заметив мое приближение к их добыче, иногда меня прогоняли тигрицы, когда

я слишком близко приближался к их детенышам.

За это время я все же узнал кое-что новое о нравах и поведении тигров, но, хотя я видел тигров примерно двести раз, мне не удалось получить ни одного удовлетворительного снимка. Я заснял несколько фильмов, но результаты вызывали разочарование из-за передержек, недодержек, из-за того, что перед объективом были листья, трава, паутина, а в одном случае растаяла эмульсия.

В 1938 г. я целую зиму посвятил последней попытке получить хорошие снимки. Узнав из опыта, что сделать случайный снимок тигра невозможно, я прежде всего позаботился найти подходящую местность и в конце концов остановился на открытом овраге шириной в пятьдесят ярдов, посередине которого протекал небольшой поток, окаймленный на обоих берегах густыми древесными и кустарниковыми зарослями. Чтобы заглушить звуки, производимые камерой при фотографировании, я устроил в нескольких местах потока плотины с небольшими, в несколько дюймов высоты, водопадами. Затем я стал разыскивать тигров и нашел их семь, в трех далеко отстоящих одно от другого местах. После этого стал снимать их, по несколько ярдов пленки каждый раз в моей импровизированной лесной студии. Работа была трудной и медленной, мне приходилось действовать в местности, где охотилось много людей. Я мог рассчитывать только на то, что тигры придут в нужное для меня место в том случае, если я останусь ими незамеченным. Один из тигров по неизвестной мне причине покинул местность на следующий день после моего появления, но я все же успел его заснять. Остальные шесть остались, и я снял с них тысячу футов пленки.

К сожалению, зима была одной из самых влажных, какие только у нас бывают, и несколько сот футов пленки пропали или потому, что влага покрывала линзу, или из-за недодержек, или от заторов пленки в камере из-за спешки и неаккуратности. Но все же я получил примерно шестьсот футов фильма, которым очень гордился. Это были изображения шести взрослых тигров в естественной обстановке: четырех самцов и двух самок, одна из которых была альбиносом. Фотографии были сняты при дневном освещении, на расстоянии от десяти до шестидесяти футов.

Вся эта операция от начала до конца заняла четыре с половиной месяца, и за все те бесчисленные часы, когда я лежал у потока около устроенных мной миниатюрных плотин, ни один тигр меня не видел.

Подойти к шести тиграм на несколько футов при полном дневном свете невозможно, и поэтому я это делал ранним утром, когда ночь еще не прошла, а день еще не наступил. Сама же

съемка производилась тогда, когда это позволяли освещение и удобный случай.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О ЖИВОТНЫХ, УПОМИНАЕМЫХ В КНИГЕ

Большая тибетская ласточка — скорее всего, речь идет о рыжепоясничной ласточке (*Hirundo daurica*), которая прилетает зимовать на север Индии. Верхняя часть тела окрашена в сине-черные тона, надхвостье — ржаво-рыжее, грудка светлая, охристых тонов. Косицы хвоста не очень длинные.

Буйвол азиатский (*Bubalus bubalis*) — семейство полорогие, отряд парнокопытные. Единственный одомашненный вид из четырех видов буйволов. Масса тела до 1000 кг. И самки и самцы имеют широкие в основании рога, серповидно изогнутые назад и внутрь. Окраска от темно-серой до черной. Широко распространен во всех странах Юго-Восточной Азии. Продолжительность жизни до 25 лет.

Бюльбюль белошапочный (*Pycnonotus leucogenus*) — птица серо-бурой окраски величиной с дрозда. Обитает в Афганистане, Пакистане, Индии. Питается семенами и насекомыми.

Выдра (*Lutra lutra*) — хищный зверь весом 6–10 кг. Обитает в реках и озерах Европы, Азии и Северной Африки. Питается преимущественно рыбой. В последние годы во многих районах редка и нуждается в охране.

Голубая (синяя) гималайская сорока — птица отряда воробьиных, семейства врановых, рода *Urocissa*. Скорее всего, речь идет о виде *U. erythroryncha* — красноклювой голубой сороке. Голова сороки окрашена в черный цвет, спинка синяя с пурпурным, грудка белая с пурпурным оттенком. Длина тела вместе с хвостом — 66 см, хвост — 48 см. Населяет леса различных типов, преимущественно в предгорьях. Держится стайками до 6 особей. Всеядна, кормится, как правило, на земле. Очень криклива, издает серию резких отрывистых звуков.

Горал (*Nemorhaedus goral*) — горная антилопа весом 30–40 кг, внешне напоминающая козу. Самцы и самки имеют короткие рога. Длинный мех окрашен в серый, рыже-бурый и белый тона, летом окраска темнее, чем зимой. Распространены от Гималаев до Вьетнама и Приморья. Населяют скалистые участки среди леса или открытые склоны гор до 4000 м над уровнем моря. В нашей стране находится под угрозой исчезновения, занесен в Красную книгу.

Горная ласточка — скорее всего, речь идет о виде *Ptyonoprogne concolor* (отряд воробьиные, семейство ласточковые, род горные ласточки). Населяют скалистые ущелья в горах на

высоте 900–1800 м, гнездятся колониями; держатся стайками. В кладке 3–4 белых с крапинками яйца. Окраска буровато-серая. Голос — негромкое щебетание.

Дикобраз индийский (*Hystrix indica*) — семейство дикобразовые, отряд грызуны. Все тело покрыто длинными иглами, окрашенными в бурые или желтоватые тона, часто с черными или белыми кольцами. Ведут сумеречный и ночной образ жизни. Питаются различными частями дикорастущих и культурных растений. Живут в сложных норах, пещерах. В неволе живут до 20 лет. Мясо дикобразов употребляется в пищу.

Замбар (*Cervus unicolor*) — олень темной окраски, весом 200–300 кг. Самцы имеют ветвистые рога. При опасности издает громкий трубный звук. Обитает в лесах от Пакистана до Вьетнама.

Зимородки (*Alcedinidae*) — семейство птиц отряда рапсодовых. Размеры тела варьируют для разных видов (всего 88 видов) от 15 до 45 см. Голова массивная, клюв длинный, прямой, черного или красного цвета. Окраска тела — сочетания белого, серого, черного, рыжего, синего и голубого цветов. Распространены главным образом в тропических зонах. Питаются мелкой рыбой, насекомыми и даже грызунами и пресмыкающимися.

Кабан (*Sus scrofa*) — парнокопытное животное весом до 290 кг. Окраска от светло-бурой до почти черной. Питается различными кормами, преимущественно растительными. Обитает в тростниковых и кустарниковых зарослях, лесах, горах Европы, Азии (кроме Севера), Северной Африки. Является предком домашней свиньи.

Каркер — местное название оленя-мунтжака (*Muntiacus muntjak*). Животное размером с косулю (вес до 35 кг), с небольшими рогами. Обитает в кустарниковых зарослях от Индии до о-ва Калимантан. При опасности и во время гона издает громкий лающий звук.

Кеклик (*Alectoris graeca*) — птица, родственная серой куропатке. Обитает на каменистых горных склонах от Южной Европы до Гималаев, в Закавказье и Средней Азии. Служит объектом охоты.

Кобра — скорее всего, речь идет о виде *Naja kaouthla* семейства аспидовые (*Elapidae*). Яд кобры относится к категории нейротоксинов. Короткие ядовитые зубы неподвижно закреплены в верхней челюсти; чтобы поразить добычу, кобра должна вцепиться в нее и нанести несколько ран. Предупреждая об опасности, высоко поднимает переднюю часть тела и раскрывает устрашающий капюшон с характерным рисунком.

Козел домашний (*Capra hircus*) — распространен по всему земному шару. Одомашнен предположительно около 7 тыс. лет до нашей эры. Предком, вероятно, являлся бородатый козел (*C. aegagrus*), а возможно, также альпийский (*C. ibex*) и винторогий (*C. falconeri*) козлы.

Крокодил болотный (*Crocodilus palustris*) — обитает в реках и озерах Южной и Юго-Восточной Азии. Длина до 4,5 м. Питается рыбой, реже водоплавающими птицами, рептилиями и млекопитающими. Крупные экземпляры могут представлять опасность для человека.

Кустарниковый перепел (*Perdica asiatica*) — небольшая птица из отряда куриных. Окраска невзрачная; издает свистящие звуки «ви-ви-ви». Питается насекомыми и семенами растений, собирая их на земле. Стайки по 15–20 особей держатся по каменистым холмам, покрытым травой и кустарниками. В сезон размножения (апрель — август) стаи распадаются. В это время самцы издают грубые резкие скрипучие звуки и дерутся. Самка строит гнездо из травы на земле под укрытием куста. В кладке 4–8 яиц белого цвета.

Лангур, или гульман (*Presbytis entellus*), — обезьяна рода тонкотелых, семейства мартышковых. Вес тела до 20 кг. Обитает в различных ландшафтах в Пакистане и Индии. Считается священным животным у индуистов, часто живет в городах и поселках. *Langoor* на хинди — длиннохвостый. Лангурами называют также некоторые другие виды рода тонкотелых обезьян и обезьян рода *Pygathrix*.

Лев (*Panthera leo*) — хищник семейства кошачьих. Масса тела взрослого льва от 180 до 230 кг. Шерсть короткая буровато-желтая, а у самцов шея, плечи и грудь покрыты длинношерстной гривой. В отличие от других представителей семейства, живущих в одиночку или, реже, парами, львы образуют группы (прайды) до 20 особей и более. Населяют Центральную Африку (африканский лев); небольшая популяция сохранилась в индийском штате Гуджарат в Гирских лесах (азиатский лев).

Леопард (*Panthera pardus*) — хищник весом до 100 кг, пятнистой, иногда черной окраски. Питается преимущественно копытными. В районах с высокой численностью тигров или львов активен по ночам, в других местах иногда и днем. Обитает в лесах, саваннах, горах, зарослях по берегам рек. Распространен в Африке и Азии. Сохранился в Туркмении, единичные экземпляры — на Кавказе, на юге Узбекистана, в России в Приморском крае. Занесен в Красную книгу. Случаи людоедства на территории бывш. СССР достоверно не отмечались.

Махсир, индийский усач (*Tor tor*) — рыба длиной до 1,5 м.

Обитает в горных реках Северной Индии. Объект местного промысла.

Медведь гималайский (*Ursus thibetanus*) — черной, реже бурой окраски с белой полосой на груди. Обитает в горных лесах в Гималаях, Тибете, Восточной Азии, в Приморье, изредка на Памире. В северной части ареала зимой впадает в спячку. Берлога обычно в дупле крупного дерева.

Павлин обыкновенный (*Pavo cristatus*) — широко известен благодаря роскошному «хвосту» самцов, образованному удлиненными перьями надхвостья. Обитает в лесах Индии, Шри Ланки. В южных странах часто разводится как домашняя птица.

Питон тигровый (*Python molurus*) — неядовитая змея длиной до 8 м. Обитает в лесах по берегам водоемов от Пакистана до Зондских о-вов. Питается птицами и мелкими млекопитающими. Крупные экземпляры могут представлять опасность для человека, хотя случаи подобных нападений достоверно известны только для более крупного сетчатого питона.

Сероу (*Capricornis sumatraensis*) — горная антилопа весом 75–140 кг, родственная горалу. Обитает на крутых горных склонах в Гималаях, в Восточной Азии, Японии.

Слон индийский (*Elephas maximus*) — второе по величине после африканского слона млекопитающее суши. Вес до 5 т. Обитает в лесах от Пакистана до о-ва Суматра. Используется как верховой и рабочий скот. В неволе размножается очень плохо. Самцы в период гона могут представлять опасность для человека. В последние годы численность сильно сократилась. Занесен в Международную Красную книгу.

Тар (*Hemitragus jemlachicus*) — животное весом до 100 кг, родственное горному козлу. Обитает на скалистых склонах гор в Омане, Гималаях, Нилгирийских горах на юге Индии. Аравийский и нилгирийский подвиды редки и внесены в Международную Красную книгу.

Тигр (*Panthera tigris*) — один из крупнейших хищников суши. Вес до 300 кг. Обитает в лесах, кустарниковых и тростниковых зарослях. Питается преимущественно копытными. Распространен в Южной и Юго-Восточной Азии, на Дальнем Востоке. В бывш. СССР ранее был широко распространен в низовьях Дона, Закавказья, Средней Азии, на юге и востоке Казахстана. В настоящее время сохранился только на юге Дальнего Востока. Занесен в Красную книгу. Тигр-людоед на территории бывш. СССР достоверно был отмечен один раз — убит около Тбилиси в 1907 году.

Турач-франколин (*Francolinus francolinus*) — птица семейства фазановых, вес до 500 г. Самец окрашен ярче самки: черная с

белым грудь и бурая с пестринками спина. Распространен от Кипра и Малой Азии до Северо-Восточного Индостана. Живет оседло в долинах рек с густыми зарослями кустарников. Гнездится на земле.

Фазан-калиджи — местное название индийского темноспинного серебряного фазана (*Gennaeus hamiltoni*), птицы яркой черно-белой окраски, величиной с крупную курицу. Обитает в лесах Северной Индии и Непала.

Читал (*Chital*) — местное название оленя-аксиса (*Cervus axis*), весом до 100 кг. Животное имеет пятнистую окраску, обитает в лесах от Пакистана до Вьетнама. У самцов большие ветвистые рога. При опасности издает громкий свистящий звук.

ПЕРЕВОД АНГЛИЙСКИХ МЕР И КАЛИБРОВ РУЖЕЙ В МЕТРИЧЕСКУЮ СИСТЕМУ МЕР

Английская миля — 1609 м

Ярд — 91,439 см

Фут — 30,48 см

Дюйм — 2,54 см

Акр — 0,405 га

Фунт — 453,593 г

Унция — 31,103 г.

Автор упоминает об использовании различных видов оружия, отличия которых не всегда видны из контекста. В ряде случаев упоминается гладкоствольное охотничье ружье — дробовик, но в основном Дж. Корбетт применял нарезные двуствольные штуцера больших калибров или многозарядные винтовки (обычно пятизарядные). У штуцера оба ствола могут иметь одинаковый калибр или же различный, например 450/400. В книгах Дж. Корбетта перечислены следующие калибры нарезного оружия:

222 — 5,59 мм

240 — 5,99 мм

256 — 6,30 мм

275 — 6,98 мм

400 — 10,16 мм

405 — 10,28 мм

450 — 11,43 мм

500 — 12,70 мм

577 — 14,65 мм.

Примечания от выполнившего доработку

В электронное собрание «Все книги Джима Корбетта на русском языке» (в нескольких каталогах) входят пять из шести написанных им книг. Последний изданный посмертно труд («Tree Tops», 1955) на русский язык не переводился.

Перевод данной книги на русский язык публиковался пять раз:

1957 г. — «Географгиз»;

1985 г. — «Ээсти раамат» (Таллин); перевод Э. Пармасто;

1991 г. — «Тропа»;

1999 и 2002 гг. — «Армада-пресс» (она же «Дрофа»).

Выполнивший доработку располагал изданиями 1991 и 2002 гг.

Дополнительная корректура (ошибок было мало) проведена по изданию «Армада-пресс», 2002. Многие абзацы в издании 2002 г. отличаются от абзацев в исходной версии (выполненной с оригинала 1957 г.). По ряду признаков — налицо некоторая продуктивная работа редакции 2002 г. Помимо прочего, последней исправлена неточная транслитерация географического названия Кала-Адар (было в 1957 и 1991 гг.), которое заменено на верное — Кала-Агар (и Калаагарский хребет). Более точным является также «замбар» (вид оленя), чем «самбар» в 1957 г., но данное исправление было введено уже редакцией 1991 г. Корректность редактирования в 1991 и 2002 гг. проверена по англоязычному электронному Атласу мира и «Жизни животных» (1971).

В изданиях 1991 и 2002 гг. отсутствует вводная статья «От переводчика» и карта Кумаона. Правда, переводчик 1957 г. профессор Г.П. Дементьев в своей статье иной раз страдает склонностью к преувеличениям. Например, данный труд Джима Корбетта никак не может считаться *«наилучшим и наиболее полным описанием образа жизни тигров»*. Разве что описанием повадок тигров-людоедов, да и то — применительно к их аномалии.

Плачевные причины терроризирования многих тысяч индийцев тиграми и леопардами-людоедами профессор видит в законе об ограничении пользования оружием, который английское колониальное правительство ввело для местного населения. Между тем, из текста видно, что Дж. Корбетту во время походов на людоедов все время попадались индийцы с

ружьями, хотя и плохими. Подобные примеры встречаются сразу же в первом очерке. И далее, например, есть такое: *«тигрица... свою жизнь...провела в местности, где имелось почти столько же ружей, сколько и людей»*. Кроме того, Корбетт упоминает об индийских профессиональных охотниках-шикари и о браконьерах с незарегистрированным оружием. Причины указанного противоречия своему утверждению профессор Г.П. Дементьев никак не объясняет.

Хотя статья «От переводчика» представляет мало ценности, она оставлена как памятник оригиналу перевода 1957 г.

Отсутствующая карта региона, куда входит Кумаон (была только в первом издании), выполнена по англоязычному электронному Атласу мира. Репер — Delhi (Дели).

В книгу включены экспрессивные иллюстрации английского художника Раймонда Шеппарда (Raymond Sheppard) из оригинала 2002 г. В издании перевода 1991 г. иллюстрации те же, только низкого качества. Видимо, все эти рисунки были уже в книге 1957 г.

В тексте есть две таблицы из книжного оригинала 1957 и 2002 гг. (в 1991 г. были аннулированы).

Примечания введены в исходную версию выполнившим доработку (из издания 2002 г.). Это примечания, скорее всего, редакции 1957 г. и переводчика.

Представленные после основного текста сведения о животных специфичны именно для данной книги (в оригинале 2002 г. был общий список для двух трудов в томе; проведена выборка, результат которой совпал с соответствующим приложением в издании 1991 г.).

Оригинальная метка подразделов внутри глав, обозначенная текстовым отступом, заменена на * * * (так же поступила и редакция 1991 г.).

OCR: Неизвестен

Исходная версия: HTML (<http://www.hunter.ru>)

Форматирование, дополнительная корректура (с книгой) и иллюстрации:

Готье Неумуций (Gautier Sans Avoir). saus@inbox.ru
Март 2005 г.

От переводчика (1957 г.)

Книга Джима Корбетта увидела свет в Индии в годы второй мировой войны. Первое издание ее было в 1944 г.; в 1946 г. она вышла в Англии в издании Оксфордского университета, затем неоднократно переиздавалась и была переведена на многие европейские языки. Надо полагать, что она заинтересует и советского читателя.

Предоставляя каждому самому оценить эту книгу, необходимо все же сделать некоторые замечания.

Прежде всего — о научной ценности книги. Несмотря на необычайность описываемых в ней событий, книга вместе с тем содержит наилучшее и наиболее полное описание образа жизни тигров, основанное на строго достоверном фактическом материале и на почти пятидесятилетнем личном опыте ее автора — охотника и натуралиста. Джим Корбетт — уроженец Индии, родился в Найни-Тал, в Кумаоне, в 1875 г. Первого тигра-людоеда Корбетт убил в 1907 г. и затем — с перерывами во время первой и второй мировых войн, участником которых он был, — продолжал охотиться на тигров и леопардов, ставших людоедами. Имя Корбетта пользуется большой популярностью среди крестьян Северной Индии.

Вопрос о том, как становятся тигры и леопарды людоедами, в чем причины этого явления, Корбетт разбирает с полной объективностью. Надо отметить, что, несмотря на то что тигр широко распространен в Азии, ни в Китае, ни в Иране, ни в СССР людоедство тигров (а тем более леопардов) не является каким-то правилом. Биологически и тигры, и леопарды — не людоеды, и лишь при особых обстоятельствах, о которых пишет Корбетт, могут стать людоедами.

Нападение тигров на человека бывают у нас редко и — если критически отнестись к рассказам о таких случаях — только для самозащиты при неудачном нападении человека на тигра. При любой силе фантазии достаточно обладать элементарной добросовестностью, чтобы не называть таких тигров «людоедами».

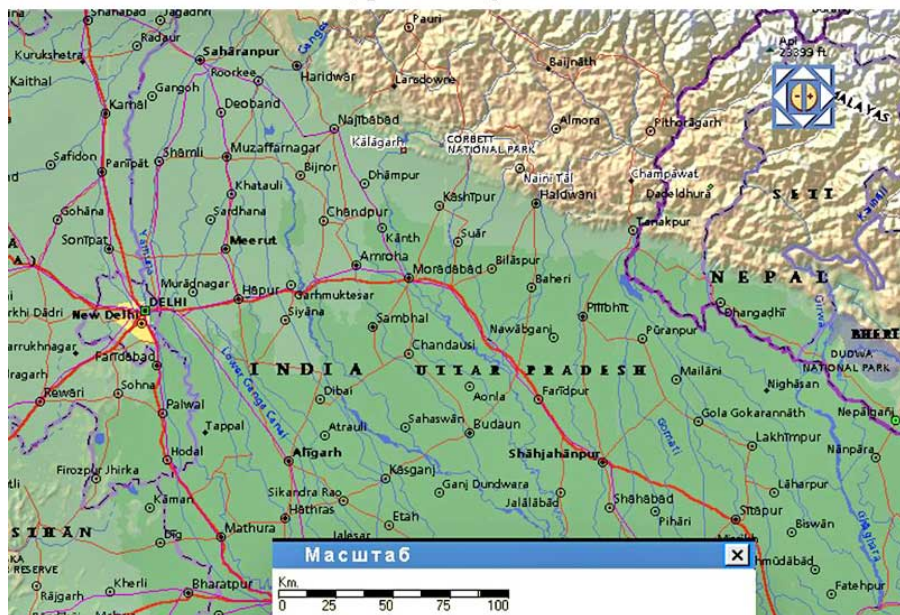
Естественно, однако, что раненный неопытным или легкомысленным стрелком тигр может стать опасным не только для самого стрелка, но и для окрестного населения. В особенности если оно беззащитно. А эта беззащитность и имела место в Британской Индии, что видно и из книги Джима Корбетта, и из публиковавшейся англо-индийским правительством с 1902 по 1927 г. статистики смертности

населения Индии в результате нападения хищных зверей и укусов ядовитых змей. Беззащитность же сельского населения возникла в результате акта о праве пользования оружием. Согласно этому постановлению индийцы без специальных разрешений, выдаваемых с большим разбором и ограничениями, не могли иметь не только нарезных, но даже гладкоствольных ружей. И в этом существенная причина того, что в Индии увечные, «ненормальные» тигры и леопарды становились людоедами. При этом такое превращение полностью дезорганизовало деревенскую жизнь — полевые работы, сообщения. В таких случаях администрация становилась бессильной и нередко обращалась к Дж. Корбетту.

Нельзя не отдать должного Корбетту, мужественному, скромному и гуманному человеку, многие годы с опасностью для жизни охотившемуся на людоедов — тигров и леопардов. Нельзя не согласиться с ним, что уничтожение тигров и леопардов вообще, как и неосмотрительное их преследование, в сущности ничем не оправданы.

Еще несколько частных замечаний. Кумаон расположен на южном склоне Гималаев и граничит с Тибетом и Непалом. Его площадь — около 14 тысяч квадратных миль, население — приблизительно полтора миллиона человек. Общее представление о Кумаоне читатель может составить по схематической карте, помещенной в книге.

Индия, регион Кумаона

Профессор Г.П. Дементьев

Примечания

Скрадывать (охотничье выражение) — подкрадываться, бесшумно приближаться к преследуемому животному. (Здесь и далее, если не указано другое — прим. ред.)

Обычная добыча тигров — крупные и средние по величине копытные животные.

Индусы (индуисты) — приверженцы религии индуизма, распространенной в Индии. Иногда неправильно так называют все население Индии (правильно — индийцы).

Par excellence — идеальный (*фр.*)

Шикари (от индийского слова «шикар» (shikar) — охота) — профессиональный охотник в Индии.

Гурки (гуркхи) — объединение народов (кхасы, гурунги, магары и др.), образовавшее во второй половине XVIII в. конфедерацию и составившее ядро современных непальцев.

Кумаон — горная область на южном склоне Гималаев (штат Уттар-Прадеш), граничащая с Тибетом и Непалом.

Тахсил — административная единица, соответствующая волости. *Тахсилдар* — волостной начальник.

Чоукидар — сторож.

С подхода (охотничье выражение) — приближаться к зверю, не ожидая его на месте.

Дурбар — официальный прием.

Махан — платформа из сучьев, устраиваемая на дереве для охоты на хищных зверей; у русских охотников — засидка, лабаз.

Карнал (Kharpal) растет и в наших горах. Дерево высотой примерно сорок футов с небольшими красными очень сладкими плодами. (Прим. автора.)

Ветры основных направлений.

Идти «челноком» (охотничье выражение) — прием передвижения охотника, когда он идет не по прямой линии, а заходами вправо и влево (зигзагами, подобно челноку ткацкой машины).

Волок (охотничье выражение) — след, оставленный добычей, протасченной зверем по земле.

В данном случае тибетец.

Пипал (*Ficus sp.*) — вид фикуса.

Садху — святой, а также аскет или отшельник.

Взрослый тигр весит значительно больше 200 кг. (Прим. выполнившего доработку.)

Атропа — в древнегреческой мифологии одна из трех сестер-мойр — богинь судьбы. Атропа (неотвратимая) посылала человеку смерть, перерезая нить его жизни.

Способ измерения длины зверя «между колышками» (between pegs) считается более точным. Зверь при этом растягивается по земле, один колышек вбивается у переднего конца морды (носа), другой — у конца вытянутого хвоста, а расстояние между колышками измеряется по прямой. Другой способ — «по кривой» (over curves) — по спинной стороне зверя, от конца носа до конца хвоста, — считается менее точным.

Джим Корбетт был мастер подражать голосам зверей. (Прим. выполнившего доработку.)

Семул, или каниок (*Bombax malabaricum*) — дерево, растущее в Южной Азии.

Гарвальцы — одно из племен Индии.

Тропить (охотничье выражение) — идти за зверем по проложенному следу (тропе).

«Панч» (пунш) — известный английский юмористический журнал.

Кубок Дэвиса — учрежденный американцем Дэвисом с 1901 г. международный переходящий приз по теннису.

Баухиния (Bauhinia) — название рода деревьев из семейства цезальпиниевых, данное в честь швейцарского ботаника Боэна (Bauhin).

Сал — *Shorea robusta*.

Заминдар — помещик.

Патвари — должностное лицо, стоящее во главе патти, административной единицы, объединяющей несколько соседних деревень. В обязанности патвари входит и регистрация всех случаев гибели людей от тигров-людоедов, и производство в таких случаях предварительного дознания.